Г. ПЛЕХАНОВЪ.

ЗАМѢТКИ ПУБЛИЦИСТА.

НОВЫЯ ПИСЬМА О ТАКТИКѢ И БЕЗТАКТНОСТИ.

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.

X

ЗАМѢТКИ ПУБЛИЦИСТА.

НОВЫЯ ПИСЬМА О ТАКТИКѢ И БЕЗТАКТНОСТИ.

Изданiе Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

2 экз.

1907?

Типографія Монтвида, Конная улица. № 3—5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр
Письмо	первое	5
„	второе	36
„	третье	62
„	четвертое	82
„	пятое	108
„	шестое	136
„	седьмое	145

Письмо первое.

I.

Въ то время, когда я дѣлаю эти скромныя замѣтки, въ Гельсингфорсѣ засѣдаетъ съѣздъ партіи народной свободы. Имъ очень интересуются не только въ Россіи, но и заграницей. Да оно и неудивительно. Партія кадетовъ уже сыграла, отчасти благодаря собственнымъ заслугамъ, отчасти благодаря крупнымъ тактическимъ ошибкамъ „лѣвыхъ партій",—чрезвычайно важную роль въ общественной жизни Россіи. Въ будущемъ, ей тоже суждено играть очень немаловажную политическую роль. Поэтому рѣшеніями ея съѣзда не могутъ не интересоваться даже тѣ, которые очень далеки отъ ея точки зрѣнія. Не могу къ нимъ отнестись безучастно и я, хотя не раздѣляю кадетской программы и не одобряю тактики. Прежде всего, я отмѣчу то, едва-ли подлежащее сомнѣнію обстоятельство, что делегаты гельсингфорскаго съѣзда не обнаружили большой увѣренности насчетъ того, какъ настроено теперь населеніе нашей страны. Корреспондентъ „Рѣчи" говоритъ, что „по сообщеніямъ отдѣльныхъ делегатовъ, настроеніе населенія по мѣстамъ весьма разнообразно". Иначе, конечно, и быть не могло. Но еще Козьма Прутковъ совѣтовалъ искать въ разнообразіи единство. Въ какую сторону склоняется настроеніе, *преобладающее* теперь въ народѣ? Этого, повидимому, не выяснили себѣ делегаты, собравшіеся въ Гельсингфорсѣ. А не составивъ себѣ яснаго представленія объ этомъ, партія народной свободы вынуждена будетъ дѣйствовать, въ значительной степени, ощупью, наугадъ, что, разумѣется, невыгодно отразится на результатахъ ея дѣйствій. Почему она плохо выяснила себѣ современ-

ное настроеніе народа? Отвѣтить на это не трудно: она не имѣетъ достаточныхъ связей съ народомъ.

Я говорю это не затѣмъ, чтобы упрекать ее. Тутъ передъ нами—не вина, а бѣда. Это большая бѣда; но отъ этой бѣды страдаютъ не одни кадеты. Надо говорить прямо: партія пролетаріата тоже не имѣетъ всѣхъ тѣхъ связей съ представляемымъ ею классомъ, которыя она должна была бы имѣть въ настоящее время. Это въ значительной степени объясняется, конечно, проклятыми „независящими" обстоятельствами. Но вопросъ не въ томъ, какъ объясняется это, а въ томъ, какъ „избыть бѣду", какъ расширить связи съ населеніемъ. Здѣсь не мѣсто разсматривать этотъ вопросъ. Но умѣстно и полезно будетъ подчеркнуть здѣсь, что въ интересахъ дальнѣйшаго роста нашего освободительнаго движенія всѣ партіи, участвующія въ немъ, должны всѣми мѣрами стараться поставить организацію своихъ силъ на новую и несравненно болѣе широкую основу. Я потому считаю полезнымъ подчеркнуть это, что усвоеніе правильнаго взгляда на организаціонныя задачи непремѣнно будетъ содѣйствовать также и развитію правильныхъ тактическихъ понятій. А по части тактики у всѣхъ у насъ замѣчаются такія же большія нехватки, какъ и по части организаціи. Однако, вернемся къ гельсингфорскому съѣзду.

Вотъ что гласитъ тактическая резолюція, принятая съѣздомъ:

1) Съѣздъ выражаетъ одобреніе дѣятельности парламентской фракціи въ государственной думѣ, признавая, что дѣятельность эта соотвѣтствовала общей тактической директивѣ, данной на 3-мъ партійномъ съѣздѣ.

2) Признавая политическое значеніе выборгскаго воззванія и выражая принципіальное согласіе съ его содержаніемъ, съѣздъ одобряетъ дѣйствія парламентской фракціи, взявшей на себя починъ въ составленіи воззванія.

3) Съѣздъ считаетъ идею пассивнаго сопротивленія, при условіи его широкаго и организованнаго примѣненія, согласной съ общими принципами тактики партіи народной свободы и признаетъ, что пассивное сопротивленіе можетъ быть примѣняемо, какъ наиболѣе дѣйствительная форма противодѣйствія тѣмъ актамъ, которые по существу являются посягательствами на право народнаго представительства.

4) Признавая широкое и организованное примѣненіе пассивнаго сопротивленія, какъ вообще, такъ въ особенности въ формѣ отказа отъ отбыванія воинской повинности въ призывъ 1906 года, фактически неосуществимымъ, съѣздъ не находитъ возможнымъ рекомендовать немедленное и, по необходимости, частичное его проведеніе въ жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ настаиваетъ на необходимости широкаго распространенія, обоснованія и укорененія идеи пассивнаго сопротивленія въ народномъ сознаніи.

5) Ближайшей задачей партіи съѣздъ признаетъ установленіе тѣснѣйшей связи съ населеніемъ,—одинаково необходимой какъ для подготовки избирательной кампаніи, такъ и вообще для организаціи общественныхъ силъ.

6) Избирательной платформой партіи при предстоящей компаніи съѣздъ считаетъ необходимымъ сдѣлать отвѣтный адресъ государственной думы на тронную рѣчь, съ тѣми дополненіями, которыя вытекаютъ изъ программы партіи, и съ обращеніемъ особаго вниманія на необходимость расширенія законодательныхъ и бюджетныхъ правъ государственной думы.

Въ этой резолюціи прежде всего бросается въ глаза одинъ маленькій, но весьма, можно сказать, занозистый недостатокъ: отсутствіе словечка „но“ въ началѣ четвертаго пункта. Третій пунктъ резолюціи одобряетъ идею пассивнаго сопротивленія и признаетъ, что такое сопротивленіе можетъ явиться наиболѣе дѣйствительной формой противодѣйствія посягательству на права народнаго представительства. Четвертый же пунктъ находитъ такое сопротивленіе неосуществимымъ въ настоящее время. Вотъ тутъ-то, кажется, и слѣдовало бы поставить словечко „но“, къ которому можно было бы даже прибавить слова „къ сожалѣнію“: идея хороша, но, къ сожалѣнію, неосуществима. Вышло бы „круглѣе“. Почему же не написали такъ авторы гельсингфорской резолюціи? Этотъ вопросъ кажется пустымъ. Но на самомъ дѣлѣ тутъ скрывается важная и, такъ сказать, „государственная“ причина, какъ выражается одинъ изъ героевъ Гоголя.

Дѣло въ томъ, что Гельсингфорсъ явился отрицаніемъ Выборга. Депутаты, собравшіеся въ Выборгѣ послѣ роспуска Думы, пригласили народъ къ пассивному сопротивленію. А делегаты, собравшіеся въ Гельсингфорсѣ на четвертый съѣздъ партіи народной свободы, признали, что пассивное сопротивленіе теперь невоз-

можно. Этимъ они отмѣнили выборгскій манифестъ и сдѣлали это, насколько я знаю, даже не снесясь съ другими партіями, депутаты которыхъ поставили свои подписи подъ выборгскимъ воззваніемъ. Я не говорю, дурно это или хорошо; я только объясняю, зачѣмъ было пропущено словечко „но“. А пропущено оно затѣмъ, чтобы позолотить пилюлю, подносимую Выборгу Гельсингфорсомъ, чтобы придать видъ *утвержденія* тому, что на самомъ дѣлѣ является *отрицаніемъ.* Благодаря этому ловкому литературному пріему, четвертый пунктъ гельсингфорской резолюціи пріобрѣтаетъ такой видъ, какъ будто онъ продолжаетъ „выражать одобреніе“, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, имъ выражается порицаніе. Авторы резолюціи тонкіе люди! Они хорошо поняли, что пилюлю нужно золотить тѣмъ больше, чѣмъ непріятнѣе она на вкусъ. А на вкусъ она очень непріятна,

Я спрашиваю тонкихъ авторовъ резолюціи, что же осталось теперь отъ выборгскаго воззванія, „политическое“ значеніе котораго они такъ охотно признаютъ во второмъ пунктѣ. Осталось не болѣе, какъ отвлеченное соображеніе о томъ, что пассивное сопротивленіе иногда можетъ оказаться и нужнымъ и полезнымъ, но развѣ бывшіе депутаты Думы съѣзжались въ Выборгъ для такихъ отвлеченныхъ соображеній? Если-бы это было такъ, то они были бы совершено подобны тѣмъ нѣмецкимъ „fünfzig Professoren“ 1848 года, которые, какъ извѣстно, „Vaterland verloren“. Но къ чести ихъ надо сказать, что они съѣзжались туда не за этимъ: они хотѣли указать народу *практическій* выходъ изъ положенія, созданнаго разгономъ Думы. Тонкая гельсингфорсская резолюція ласковыми словами говоритъ имъ теперь, что они такого выхода не нашли или, вѣрнѣе, что они указали ошибочный выходъ. Это крайне печально, несмотря на утѣшительное отсутствіе словечка „но“.

Это тѣмъ печальнѣе, что выходъ въ самомъ дѣлѣ былъ найденъ плохой. Прямые налоги занимаютъ въ нашемъ бюджетѣ ничтожное мѣсто. Поэтому отказъ въ уплатѣ такихъ налоговъ былъ бы мало чувствителенъ для фиска. Организовать отказъ въ уплатѣ косвенныхъ налоговъ вообще и всегда чрезвычайно затруднительно. Стало быть, на его счетъ нечего и распространяться. Что же касается поставки рекрутъ, то я уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ, что такая мѣра въ настоящее время была не по-

лезна, а вредна освободительному движенію. Противъ этой мысли возставали многіе изъ моихъ читателей; но, какъ это видно изъ газетъ, г. Милюковъ сообщилъ на гельсингфорскомъ съѣздѣ, что нѣкоторые крестьяне въ своихъ письмахъ къ Ц. К. партіи народной свободы высказывали ту же мысль, что и я, и защищали ее тѣми же соображеніями. Меня очень обрадовало это извѣстіе, такъ какъ оно показало мнѣ, что эта мысль понимается тѣми, кому прежде всего нужно понять ее. Но если отказъ отъ поставки рекрутъ вреденъ, а отказъ отъ уплаты податей ничтоженъ по своему значенію для фиска, то выборгскій манифестъ одобрять рѣшительно не за что. И во всякомъ случаѣ теперь, послѣ гельсингфорской резолюціи, отъ него осталась только та отвлеченная мысль, что пассивное сопротивленіе иногда можетъ быть и полезнымъ и нужнымъ. Но я уже замѣтилъ выше, что довольствоваться такимъ отвлеченнымъ соображеніемъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ значило бы уподобиться людямъ, за которыми осталась въ исторіи довольно нелестная репутація. Выборгское воззваніе не сказало того, что оно могло и должно было сказать. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Авторы выборгскаго воззванія могли бы возразить мнѣ, пожалуй, что я напрасно такъ презрительно отношусь къ идеѣ пассивнаго сопротивленія, потому что, вѣдь, пассивнымъ сопротивленіемъ была бы и та массовая стачка, о которой разуждали, напримѣръ, нѣмецкіе соціалъ-демократы въ прошломъ году въ Іенѣ. И это вѣрно. Но у нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ эта идея была выражена „mit ein bischen andern Worten“ (нѣсколько иными словами).

Въ устахъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, разсуждавшихъ въ Іенѣ о массовой стачкѣ, идея пассивнаго сопротивленія не имѣла значенія отвлеченнаго тезиса. Она являлась практической мѣрой, принятіе которой откладывалось, правда, на неопредѣленное время, но вопросъ о которой былъ освѣщенъ всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, какой только могла пролить на наго соціалъ-демократическая теорія и практика. Делегаты, собравшіеся въ Іенѣ, ничего не скрывали отъ нѣмецкихъ рабочихъ. Они высказали имъ, по выраженію Лассаля, „то, что есть“. И это высказываніе само пріобрѣло значеніе важнаго практическаго дѣйствія. Такъ ли поступили авторы выборгскаго манифеста? Нѣтъ, они поступили совершенно наоборотъ. Они высказали то, чего не было. Они за-

говорили о пассивномъ сопротивленіи тогда, когда о немъ говорить было неумѣстно. Это была ошибка. Почему они ее сдѣлали? По очень простой причинѣ. Потому что большинство депутатовъ, съѣхавшихся въ Выборгъ, отказалось бы подписать манифестъ, ясно и опредѣленно высказывавшій „то, что есть". Потому что выводъ, логически вытекающій изъ того, что было тогда—и что есть теперь, не укладывался и не укладывается на прокрустово ложе кадетской программы. Эти люди, такъ охотно обвиняющіе въ узости политическихъ представителей пролетаріата, сами обнаружили такую узкость, до которой никогда не доходили, да и не могутъ дойти сколько нибудь мыслящіе идеологи рабочаго класса.

Узость нехороша именно тѣмъ, что она чрезвычайно ослабляетъ силу тѣхъ общественныхъ группъ и тѣхъ политическихъ партій, которыя ею отличаются. Узость, обнаруженная въ разсматриваемомъ случаѣ партіей народной свободы, ослабила ея вліяніе на народную массу и тѣмъ самымъ уменьшила ея значеніе въ дѣлѣ борьбы за народную свободу. Это, конечно, тоже большая *бѣда* для кадетовъ; но это бѣда, которая вызвана не „независящими обстоятельствами", а собственной природой кадетской партіи. *Такая* бѣда является въ то же время и *виною*.

Вина партіи народной свободы состоитъ въ томъ, что она сама боится полнаго торжества этой свободы. Это она доказала своимъ несчастнымъ законопроектомъ о свободѣ собраній, и это же она доказываетъ своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ тому политическому требованію, осуществленіе котораго впервые и цѣликомъ устранило бы зависимость народнаго представительства отъ капризовъ нашей реакціонной партіи. Читатель понимаетъ, о чемъ я говорю. Подобно г. В. Кузьмину-Караваеву, кадеты боятся,— по крайней мѣрѣ, боялись до сихъ поръ,—что если-бы такое требованіе осуществилось, если-бы судьба народнаго представительства стала зависѣть только отъ воли народа, то это обстоятельство само явилось бы источникомъ величайшихъ бѣдствій. Кто зараженъ такимъ страхомъ, тому *нельзя* быть послѣдовательнымъ въ борьбѣ за народную свободу, тотъ не смѣетъ высказать „то, что есть". Чѣмъ замѣнилъ гельсингфорскій съѣздъ идею пассивнаго сопротивленія? Ничѣмъ, потому что та платформа, которая по рѣшенію гельсингфорскаго съѣзда будетъ выставлена кадетской пар-

тіей при новыхъ выборахъ въ Думу, и въ основу которой положенъ отвѣтъ старой Думы на тронную рѣчь, не даетъ народу ни новыхъ лозунговъ, ни новыхъ идей. Гельсингфорскій съѣздъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы выяснить народу политическій смыслъ роспуска Думы. Это значитъ, что и онъ не захотѣлъ высказать „то, что есть". И, насколько я знаю, ни одна изъ ихъ резолюцій не указываетъ на то, что Дума можетъ оказаться совсѣмъ не созванной, и не говоритъ, что надо будетъ дѣлать въ такомъ случаѣ. Умалчивая объ этомъ, гельсингфорскій съѣздъ вдвойнѣ отказался высказать „то, что есть".

Мнѣ отвѣтятъ, что „довлѣетъ дневи злоба его", что въ настоящее время подобная резолюція могла бы имѣть лишь цѣну простого теоретическаго соображенія. Такъ! Но есть теорія и теорія. „Теоретическое" указаніе на „то, что есть" принадлежало бы къ числу тѣхъ теорій, которыя, очевидно, имѣлъ въ виду Фейербахъ, говоря: „что такое теорія? Это мысль, остающаяся въ моей головѣ. Что такое практика? Это мысль, перешедшая изъ моей головы въ головы массы". Теоретическое высказываніе „того, что есть" имѣло бы значеніе практическаго дѣйствія огромной важности. Оно въ значительной степени содѣйствовало бы развитію политическаго самосознанія народа и тѣмъ самымъ облегчило бы организацію оппозиціонныхъ силъ народа, необходимость которой была отмѣчена въ Гельсингфорсѣ, и организацію пассивнаго сопротивленія, *идея* котораго была *одобрена* на томъ же съѣздѣ. Неужели это не ясно?

Это, конечно, очень ясно. Но не менѣе ясна и та особенность нашего современнаго политическаго положенія, благодаря которой вполнѣ высказать „то, что есть" значитъ вплотную подойти къ тому выводу, что кадетская партія должна кореннымъ образомъ измѣнить и свою политическую программу и свою тактику. Но именно этого-то она и не хочетъ. Кадеты очень искренно хотѣли бы раздѣлаться съ нашимъ старымъ порядкомъ. Въ своей борьбѣ съ нимъ они аппелируютъ къ массѣ, рекомендуя ей извѣстныя политическія требованія. Но, рекомендуя эти требованія, они не могутъ не опасаться того, что масса станетъ слишкомъ требовательна. И этимъ опасеніемъ дается предѣлъ тому, что можетъ быть совершено ими въ борьбѣ со старымъ порядкомъ. И на этотъ предѣлъ непремѣнно должны обратить вниманіе

массы тѣ люди, у которыхъ нѣтъ основаній опасаться ея излишней требовательности.

II.

Тутъ я спѣшу оговориться, боясь, какъ-бы люди, только что упомянутые мною, не поторопились поймать меня на словѣ, понявъ это слово превратнымъ и поверхностнымъ образомъ.

Во время высказать „то, что есть“—великое дѣло. Но—какъ и всякое другое великое и даже малое дѣло—его надо дѣлать умѣючи. Наши „лѣвыя партіи“ бойкотировали старую Думу, именно на томъ основаніи, что они надѣялись посредствомъ бойкота высказать народу „то, что есть“. Но бойкотъ вышелъ очень плохимъ средствомъ такого высказыванія.

Для того, чтобы высказать то, что есть, не достаточно произвести извѣстныя колебанія воздуха, недостаточно произнести извѣстныя слова: *необходимо быть понятымъ тѣми, къ кому обращаешься.* А народъ,—т. е. главнымъ образомъ крестьянинъ,—какъ разъ и не понималъ того, что хотѣли сказать „лѣвыя партіи“ своимъ бойкотомъ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ выборахъ, потому что горячо вѣрилъ въ Думу; а горячо вѣрилъ въ Думу онъ потому, что не сознавалъ безправія нынѣшняго своего представительства. То, что хотѣли сказать ему объ этомъ „лѣвыя партіи“ своимъ бойкотомъ, осталось въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ совершенно недостаточнымъ для его пониманія. Что же нужно было сдѣлать для того, чтобы выяснить ему эту необходимую политическую истину, для того, чтобы разбить его „конституціонную иллюзію?“ Нужно было дать ему *на опытѣ* убѣдиться въ томъ, что иллюзія очень не похожа на дѣйствительность; нужно было принять всѣ мѣры къ тому, чтобы жизнь, какъ можно скорѣе, дала ему свой *предметный урокъ.* А это значитъ, что необходимо было участвовать какъ въ выборахъ, такъ и въ работахъ Думы. Только такимъ путемъ и можно было превратить Думу изъ орудія застоя, которое хотѣли выковать изъ нея наши охранители, въ орудіе прогресса. Когда Дума была распущена, первый предметный политическій урокъ, даваемый жизнью русскому народу, былъ оконченъ; оставалось только вкратцѣ резюмировать его для того, чтобы онъ лучше

запечатлѣлся въ памяти ученика. Это собственно и составляло задачу депутатовъ, съѣхавшихся въ Выборгъ. Они плохо поняли и плохо рѣшили свою задачу. И эту ихъ ошибку должны были по мѣрѣ силъ исправить „лѣвыя партіи". Онѣ должны были разъяснить народу смыслъ полученнаго имъ политическаго урока. Будемъ надѣяться, что онѣ и сдѣлали это, хотя бы только отчасти, и несмотря на ошибки, которыхъ и онѣ не избѣжали. Политика не такая простая наука, какую можно было бы изучить въ одинъ урокъ. Если-бы даже всѣ партіи, борющіяся съ бюрократіей, съ полнымъ умѣньемъ взялись за разъясненіе народу перваго полученнаго имъ отъ жизни предметнаго урока, то и тогда этотъ смыслъ, навѣрное, остался бы непонятнымъ для многочисленныхъ слоевъ населенія. Этимъ слоямъ, даже и тогда, нуженъ былъ бы *новый* предметный политическій урокъ. Но на самомъ дѣлѣ партіи, борющіяся съ бюрократіей, довольно неумѣло разъясняли народу смыслъ перваго урока. Поэтому тѣмъ серьезнѣе должны онѣ отнестись къ предстоящему теперь второму уроку. Другими словами: тѣмъ дѣятельнѣе должны они готовиться къ новымъ выборамъ и къ тѣмъ случайностямъ, благодаря которымъ выборы могли бы совсѣмъ не состояться.

Нѣкоторые мои товарищи пытались уличить меня въ противорѣчіи: «съ одной стороны,—говорили они,—вы утверждаете, что Дума сама по себѣ не имѣетъ значенія, потому что ея права ничтожны; а съ другой—вы настоятельно совѣтуете ее поддерживать. Зачѣмъ же поддерживать безсильную Думу?» Я надѣюсь, что теперь я достаточно популярно изложилъ свою мысль и что теперь меня поняли даже самые недогадливые изъ моихъ критиковъ. Мы были обязаны *высказать то, что есть*. Но для того, чтобы народъ повѣрилъ намъ, необходимо было, чтобы жизнь сперва *показала* ему, что мы говоримъ правду. Теперь это отчасти уже показано ею. Но *только* отчасти. Поэтому мы и теперь не можемъ ограничиться однимъ высказываніемъ того, что есть, хотя высказать это теперь тоже необходимо, и хотя очень плохо поступаютъ тѣ борцы за свободу, которые по тѣмъ или по другимъ соображеніямъ уклоняются отъ высказыванія. Ясно, громко и рѣшительно высказывая «то, что есть», мы опять должны позаботиться о томъ, чтобы народъ опять имѣлъ возможность на опытѣ провѣрить справедливость нашихъ словъ. Лишь при такой

тактикѣ можетъ быть осуществлена въ жизни формула: черезъ Думу къ несравненно болѣе высокой формѣ народнаго представительства. Понятно ли это? Далѣе. Я напередъ знаю. что на основаніи моего отзыва о выборгскомъ воззваніи и о гельсингфорскомъ съѣздѣ, проницательный читатель захочетъ уличить меня въ противорѣчіи. „Вы сами распространяетесь о кадетской половинчатости,—скажетъ онъ, —а между тѣмъ вы же сами совѣтовали поддерживать кадетскую Думу".

Я дѣйствительно совѣтовалъ это. И если ошибался, то ошибался въ хорошей компаніи. Марксъ и Энгельсъ совѣтовали рабочимъ въ 1848 году поддерживать буржуазію, поскольку она является передовою въ своей борьбѣ со старымъ порядкомъ. Но говоря, что слѣдуетъ поддерживать буржуазію въ ея передовыхъ стремленіяхъ, Марксъ и Энгельсъ тутъ же прибавляли, что слѣдуетъ бороться съ буржуазіей, поскольку она обнаруживаетъ консервативныя или реакціонныя стремленія, сталкиваясь съ пролетаріатомъ. Я повторяю, вслѣдъ за ними, ту же мысль. И я смѣю думать, что въ ней то и заключается въ данномъ случаѣ „смыслъ философіи всей". Кто этого не понимаетъ, тотъ не понимаетъ политики рабочаго класса, *какой она должна быть въ эпохи перехода отъ стараго порядка къ новому*, соотвѣтствующему новымъ капиталистическимъ отношеніямъ производства. Кто не довольствуется такой политикой и старается замѣнить ее болѣе „крайней", отказывая буржуазіи *во всякой* поддержкѣ и осуждая *всѣ* ея стремленія, тотъ этимъ самымъ и осуждаетъ ея борьбу со старымъ порядкомъ, т. е., значитъ, оказываетъ этому порядку драгоцѣнную услугу. Конечно, чаще всего, такія услуги оказываются невольно и безсознательно. Но вѣдь извѣстно, что весь адъ вымощенъ добрыми намѣреніями.

Съ другой стороны, кто, желая поддержать буржуазію въ ея борьбѣ со старымъ порядкомъ, сталъ бы умалчивать о томъ, что стремленія рабочаго класса, даже и въ этомъ случаѣ, далеко не покрываются ея стремленіями, тотъ обнаружилъ бы *оппортюнизмъ*, затемняющій сознаніе рабочаго класса, а слѣдовательно, ослабляющій его силу въ борьбѣ съ тѣмъ же старымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, и такой человѣкъ тоже содѣйствовалъ бы вымощенію ада добрыми намѣреніями. Въ переходныя эпохи, подобныя переживаемой нами, все искусство политическаго предста-

вителя рабочаго класса заключается въ томъ, чтобы умѣть миновать Сциллу *сектантства*, страдающаго политическими галлюцинаціями, и Харибду *оппортюнизма*, отличающагося неизлѣчимой близорукостью. Къ сожалѣнію, не легко дается такое искусство!

Чтобы усвоить его, надо отучить себя отъ тѣхъ пріемовъ мышленія, которые Энгельсъ такъ хорошо характеризовалъ когда-то, заклеймивъ ихъ названіемъ метафизическихъ.

„Для метафизика вещи и ихъ умственные образцы, т. е. понятія,—говоритъ Энгельсъ,—суть отдѣльные, неизмѣнные, застывшіе, разъ навсегда данные предметы, подлежащіе изслѣдованію одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого. Метафизикъ мыслитъ законченными, непосредственными противоположеніями; рѣчь его состоитъ изъ: да—да, нѣтъ—нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго. Для него вещь существуетъ или не существуетъ: для него предметъ не можетъ быть самимъ собой и въ то же время чѣмъ-нибудь другимъ; положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ другъ друга, причина и слѣдствіе также совершенно противоположны другъ другу. Этотъ способъ мышленія кажется намъ на первый взглядъ потому вполнѣ вѣрнымъ, что онъ присущъ такъ называемому здравому смыслу. Но здравый человѣческій смыслъ, весьма почтенный спутникъ въ домашнемъ обиходѣ между четырьмя стѣнами, переживаетъ самыя удивительныя приключенія, лишь только онъ отваживается въ дальній путь изслѣдованія. Точно также и метафизическое міросозерцаніе, вполнѣ вѣрное и необходимое въ извѣстныхъ, болѣе или мѣнѣе широкихъ областяхъ, рано или поздно достигаетъ тѣхъ предѣловъ, за которыми оно становится одностороннимъ, ограниченнымъ, абстрактнымъ, и запутывается въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, потому что за предметами оно не видитъ ихъ взаимной связи, за ихъ бытіемъ не видитъ ихъ возникновенія и исчезновенія, за ихъ покоемъ не видитъ ихъ движенія,—за деревьями не видитъ лѣса“.

Тѣ ошибки, которыя дѣлались русскими соціалъ-демократами, скажемъ, въ послѣднее десятилѣтіе, вызывались именно тѣмъ, что они не умѣли разсматривать общественныя явленія въ ихъ взаимной связи; что за ихъ бытіемъ они не видѣли ихъ возникновенія и исчезновенія, а за ихъ покоемъ не видѣли ихъ движенія *).

*) Но не одни мы мыслимъ метафизически. Значительная часть ошибокъ нынѣшнихъ итальянскихъ синдикалистовъ обусловливается мета-

И если теперь многимъ изъ нихъ такъ трудно понять, въ чемъ должна заключаться пролетарская тактика, то это происходитъ опять-таки потому, что они мыслятъ, какъ метафизики. Съ этой застарѣлой болѣзнью бороться чрезвычайно трудно,— тѣмъ болѣе трудно, что она представляетъ собою далеко не „случайное“ явленіе. Этой болѣзнью страдала радикальная интеллигенція всѣхъ экономически и политически неразвитыхъ странъ. Бебель сказалъ на прошлогоднемъ съѣздѣ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи въ Іенѣ, что когда онъ, будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, сталъ присматриваться къ политической жизни, то его поразила великая политическая незрѣлость тѣхъ, которые постоянно говорили о революціяхъ и хотѣли быть радикальными до самой послѣдней степени. Теперь Бебель „сдѣлался старикъ сѣдой“, но онъ живо вспомнилъ бы свои молодые годы и испыталъ бы то же самое чувство удивленія, если-бы пришлось побесѣдовать, напримѣръ, съ нашими бывшими большевиками. Да и съ одними-ли большевиками? Неумѣнье усвоить себѣ,—*а особенно примѣнить къ политикѣ*,—тотъ методъ мышленія, который Энгельсъ, въ противоположность метафизическому, назвалъ діалектическимъ, въ большей или меньшей степени составляетъ нашъ общій недостатокъ, и благо тому, кто, сознавъ его, принимаетъ мѣры къ его устраненію.

Мнѣ возразятъ, пожалуй, что теперь уже не до того, чтобы принимать такія мѣры; что теперь надо *дѣйствовать*. Но въ томъ то и дѣло, что дѣйствіе должно быть освѣщено правильной мыслью; въ противномъ случаѣ, оно можетъ стать самоубійственнымъ. Учитесь у нѣмцевъ. Заканчивая въ Іенѣ свой докладъ о всеобщей стачкѣ, Бебель сказалъ своимъ товарищамъ, что имъ прежде всего нужно какъ можно лучше усвоить себѣ духъ науч-

---

физическимъ характеромъ ихъ мышленія. На одномъ изъ засѣданій происходившаго въ 1906 г. въ Римѣ съѣзда итальянской соціалистической партіи синдикалистъ Леонэ сказалъ: „партія представляетъ собою не факторъ исторіи, а ея продуктъ“. Какъ будто „продуктъ“ не можетъ стать въ свою очередь факторомъ! Это заставляетъ вспомнить то замѣчаніе Энгельса, которое гласитъ, что „представленія о причинѣ и слѣдствіи имѣютъ значеніе лишь въ примѣненіи къ отдѣльному явленію, но, разсматривая то же явленіе въ его общей міровой связи, мы убѣждаемся, что эти два представленія соединяются и переходятъ въ представленіе о всемірномъ взаимодѣйствіи, въ которомъ причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами, и то, что теперь или здѣсь—слѣдствіе, то тамъ или тогда будетъ причиной, и наоборотъ“.

наго соціализма, который имъ слѣдуетъ изучать съ гораздо большимъ рвеніемъ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Тогда, говорилъ онъ, не будетъ чудомъ, если мы въ теченіе одного года удвоимъ число членовъ своихъ организацій, въ значительной мѣрѣ усилимъ профессіональные союзы и увеличимъ число читателей нашихъ періодическихъ изданій на 50 или даже 100 процентовъ. Словомъ, тогда у партіи явится такая сила, которая позволитъ ей смѣло смотрѣть въ глаза самому грозному будущему. Это золотыя слова. Такіе люди, какъ Бебель, умѣютъ проливать свѣтъ мысли на свои практическія дѣйствія! Но много-ли у насъ людей, подобныхъ Бебелю? А нужно было бы, чтобы ихъ стало очень много, потому что наше положеніе и теперь уже не изъ легкихъ, а будущее готовитъ намъ новыя и новыя затрудненія. Конечно, нельзя стать по желанію Бебелемъ или какимъ-либо другимъ выдающимся политическимъ дѣятелемъ. Но я говорю не о *тождествѣ*, а только о *подобіи*. Небольшой треугольникъ можетъ быть подобенъ одной изъ сторонъ пирамиды Хеопса, которая, какъ извѣстно, больше всѣхъ другихъ египетскихъ пирамидъ. *Тождество* зависитъ не отъ насъ, а для *подобія* каждый изъ насъ можетъ сдѣлать очень много путемъ упорной работы надъ самимъ собою.

III.

Но какъ бы тамъ ни было, а вполнѣ несомнѣнно то, что намъ необходимо *поддерживать* буржуазныя партіи въ томъ случаѣ, когда онѣ обнаруживаютъ передовыя стремленія, и *критиковать* ихъ, когда ихъ передовыя стремленія ослабѣваютъ и постепенно превращаются въ свою собственную противоположность. Это—аксіома. Но недостаточно знать и помнить эту аксіому; нужно умѣть обращаться съ нею. А умѣетъ обращаться съ нею только тотъ, кто соображаетъ, когда ему слѣдуетъ подчеркнуть ея первую половину (мы *поддерживаемъ* буржуазныя партіи и т. д.), и когда слѣдуетъ съ особеннымъ удареніемъ произнести вторую (*критиковать* и т. д.). Кто не обладаетъ этимъ драгоцѣннымъ умѣньемъ, тотъ рискуетъ попасть въ непріятное положеніе изображаемаго въ народной сказкѣ деревенскаго неудачника, который на похоронахъ пускался плясать, а на свадьбахъ пѣлъ вѣчную па-

мять. Этотъ несчастный неудачникъ имѣлъ самыя хорошія побужденія; однако, на дѣлѣ изъ нихъ не выходило ровно ничего, кромѣ непріятностей. Мнѣ становится очень больно всякій разъ, когда я замѣчаю въ моихъ единомышленникахъ хотя-бы самое отдаленное сходство съ этимъ добрымъ, но безтолковымъ парнемъ. Безпристрастіе заставляетъ меня прибавить, что мои противники изъ лагеря большевиковъ застрахованы отъ цѣлой половины сдѣланныхъ имъ ошибокъ. Когда рѣчь заходитъ о буржуазныхъ партіяхъ, „большевики“ *всегда* поютъ вѣчную память. Но при настоящемъ положеніи дѣлъ эта своеобразная *„половинчатость“* ничего не поправляетъ. Вопреки своему страстному желанію, „большевики“ все-таки не умѣютъ принять полезное участіе въ похоронахъ нашего стараго порядка, который одинаково гнететъ всѣхъ насъ, который давно уже отжилъ свое время, и которому, по извѣстному солдатскому выраженію, давно уже отпускается паекъ на томъ свѣтѣ.

Еще разъ: поддерживать необходимо; но необходимо и критиковать. И при томъ поддерживать и критиковать не однихъ только кадетовъ. Возьмите такъ называемую трудовую партію, имѣющую такъ много общаго съ нашими старыми знакомыми, „эсъ-эрами“, и съ новой народно-соціалистической партіей. „Трудовая“ партія, конечно, „лѣвѣе“ кадетовъ, но по отношенію къ намъ она несомнѣнно стоитъ на *правой* сторонѣ. Въ настоящую минуту мы должны съ особеннымъ вниманіемъ *критиковать* ее, потому что въ ближайшемъ будущемъ ей предстоитъ сыграть огромную роль, и еще потому, что намъ во многихъ и многихъ случаяхъ нужно будетъ *поддерживать* ее всѣми средствами, какія только имѣются въ нашемъ распоряженіи. Если-бы мы поддерживали ее, не разоблачая при этомъ тѣхъ особенностей, которыя мѣшаютъ ей стать на точку зрѣнія пролетаріата, то мы внесли бы вреднѣйшую путаницу въ умы рабочихъ и сильно замедлили бы развитіе ихъ классоваго самосознанія.

Скажу больше. Такъ какъ мы до сихъ поръ недостаточно критиковали эту партію,—а это происходитъ отъ того, что многіе изъ насъ охотнѣе занимались *фракціонными распрями* и кружковой дипломатіей,—то вредъ отчасти уже принесенъ: путаница отчасти уже проникла въ умы пролетаріевъ.

Главная особенность „трудовиковъ“ состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что они отказываются встать на точку зрѣнія какого-

нибудь одного класса. Это, по ихъ мнѣнію, слишкомъ *узко*. Они одновременно стоятъ на *трехъ* точкахъ зрѣнія: 1) на точкѣ зрѣнія *крестьянства*; 2) на точкѣ зрѣнія *пролетаріата*; 3) на точкѣ зрѣнія *интеллигенціи*. Это, дѣйствительно, *широко*. Къ сожалѣнію, для политическаго дѣятеля—даже для широчайшаго политическаго дѣятеля—такъ же невозможно стоять сразу на трехъ точкахъ зрѣнія, какъ одному купцу,—даже наиболѣе размашистому по своей натурѣ,—нельзя сразу ѣхать въ трехъ каретахъ. Какъ ни бейся, а приходится сѣсть въ какую-нибудь одну. Весь вопросъ только въ томъ, въ *какую* карету, т.-е. въ *какомъ направленіи* она катится и должна катиться по неотвратимой силѣ вещей, по непреодолимой логикѣ общественныхъ отношеній.

Въ какую-же карету садятся наши „трудовики"? Они увѣряютъ, что въ карету труда. Но это одна „словесность": такой кареты не бываетъ. Сказать: „трудъ" и не прибавить при этомъ, какой трудъ, значитъ просто-на-просто *не сказать ничего*.

Что такое трудъ? Трудъ есть дѣятельность, въ процессѣ которой человѣкъ совершаетъ извѣстное, нужное для него, измѣненіе въ предметахъ, данныхъ природой или приготовленныхъ его предыдущей производительной дѣятельностью. Иначе и короче: трудъ есть цѣлесообразная дѣятельность для производства потребительныхъ стоимостей. Но это отвлеченное опредѣленіе. Оно имѣетъ въ виду процессъ труда лишь какъ *отношеніе между человѣкомъ и природой*. Между тѣмъ, производительная дѣятельность человѣка,—производство потребительныхъ стоимостей,—непремѣнно предполагаетъ наличность извѣстныхъ *отношеній между людьми въ самомъ процессѣ производства*. По неоспоримому замѣчанію Маркса, для того, чтобы производить, люди должны вступать между собою въ извѣстныя отношенія. Эти отношенія Марксъ назвалъ отношеніями производства. Только внутри и черезъ посредство этихъ отношеній производства или, иначе, производственныхъ отношеній—совершается производительное воздѣйствіе человѣка на природу, т.-е. тотъ процессъ труда, который имѣется въ виду даннымъ выше отвлеченнымъ опредѣленіемъ. Какъ цѣлесообразное воздѣйствіе на природу, какъ процессъ производства потребительныхъ стоимостей, трудъ есть, по словамъ того-же

Маркса, вѣчное, естественное условіе человѣческой жизни. Онъ необходимъ при *всякой* формѣ общественной жизни и потому не характеризуетъ собою *ни одной* изъ нихъ. „Какъ по вкусу пшеницы нельзя опредѣлить, кто ее сѣялъ, такъ изъ этого процесса не видно, при какихъ условіяхъ онъ совершается: подъ кнутомъ ли жестокаго надсмотрщика надъ рабами, или подъ жаднымъ надзоромъ капиталиста; не видно, кто имъ занимается: Цинциннатъ ли, воздѣлывающій свои два югера, или-же дикарь, убивающій камнемъ животное“ *).

Марксъ насмѣшливо прибавляетъ, что на этомъ въ высшей степени логическомъ основаніи извѣстный англійскій экономистъ, полковникъ Торренсъ, открылъ въ камнѣ дикаря зачатокъ капитала. Если-бы Марксъ дожилъ до нашихъ дней, то онъ могъ бы сказать кромѣ того, что на томъ же удивительномъ логическомъ основаніи наши „трудовики“,—а еще раньше ихъ „эсъ-эры“,—отождествили крестьянина съ рабочимъ и провозгласили себя партіей *труда* вообще, независимо отъ тѣхъ общественныхъ отношеній,—отъ тѣхъ отношеній производства,—при которыхъ онъ совершается.

А между тѣмъ *въ этихъ отношеніяхъ все дѣло.* Отношенія производства опредѣляютъ собою все общественное устройство. Съ измѣненіемъ производственныхъ отношеній болѣе или менѣе быстро измѣняются всѣ общественныя отношенія людей, а также и всѣ *общественныя стремленія.* Поэтому тотъ, кто упускаетъ изъ виду отношенія производства, лишаетъ себя всякой возможности правильно понять ходъ общественнаго развитія. Это и дѣлали наши „трудовики“, какъ это дѣлали раньше ихъ „эсъ-эры“, а теперь дѣлаютъ члены „народно-соціалистической партіи“. Но они и не видятъ нужды въ пониманіи хода общественнаго развитія. *Пониманіе* замѣняется у нихъ *доброй волей,* главной носительницей которой является въ ихъ представленіи передовая *интеллигенція.* Мѣсто передовой интеллигенціи въ тріадѣ: интеллигентъ, крестьянинъ, наемный рабочій опредѣляется именно тѣмъ, что „доброй волѣ“ „передовыхъ интеллигентовъ“ предоставляется устраненіе изъ общественной жизни тѣхъ экономическихъ противорѣчій, которыми изобилуетъ программа трудовой партіи.

---

*) Das Kapital. I Band, dritte Auflage, s. 163.

Въ производственныхъ отношеніяхъ все дѣло. *Наемный рабочій* трудится при однихъ производственныхъ отношеніяхъ; *крестьянинъ*,—т. е. такъ называемый трудовой крестьянинъ, т. е. мелкій сельскій производитель, не прибѣгающій къ покупкѣ чужой рабочей силы,—трудится при совершенно другихъ отношеніяхъ производства. Этимъ обусловливается глубокое различіе ихъ общественнаго положенія, а слѣдовательно, и ихъ классовыхъ интересовъ. Классовой интересъ наемнаго рабочаго заключается въ томъ, чтобы устранить капиталистическія производственныя отношенія, т. е. тѣ отношенія, при которыхъ средства производства принадлежатъ одному классу лицъ, живущему эксплоатаціей производителей. Наемный рабочій не можетъ не стремиться къ устраненію капиталистическаго способа производства. Фактически онъ возстаетъ противъ капитализма даже тогда, когда еще раздѣляетъ буржуазные предразсудки. Крестьянинъ не можетъ не стремиться къ упроченію или къ возстановленію тѣхъ производственныхъ отношеній, при которыхъ земля и другія средства производства составляютъ частную собственность или находятся во владѣніи мелкаго производителя. Правда, нашъ,—точнѣе *великорусскій*,— „трудовой" крестьянинъ возстаетъ теперь противъ частной собственности на землю или болѣе или менѣе энергично, болѣе или менѣе сознательно требуетъ „уравнительнаго землепользованія". Но что же такое это землепользованіе, если не своеобразный,—вслѣдствіе своеобразныхъ историческихъ условій,—способъ обезпечить мелкому сельскому хозяину владѣніе мелкимъ земельнымъ участкомъ? Наемный рабочій—*новаторъ* по своему общественному положенію; трудовой крестьянинъ—*консерваторъ* или даже *реакціонеръ* въ силу *своего* положенія. Въ этомъ смыслѣ Марксъ и Энгельсъ и написали въ своемъ манифестѣ, что крестьянинъ, подобно мелкому промышленному производителю, стремится „повернуть назадъ колесо исторіи". Мы переживаемъ теперь тотъ, въ высшей степени замѣчательный и, можно сказать, до крайности рѣдкій историческій моментъ, когда крестьянское стремленіе „повернуть назадъ колесо исторіи" становится источникомъ общественнаго прогресса. Потому крестьянинъ и долженъ быть поддержанъ партіей, представляющей интересы класса новаторовъ по преимуществу, класса наемныхъ рабочихъ. Но онъ долженъ быть ею поддержанъ именно въ той мѣрѣ, въ какой историческая діалектика дѣлаетъ его стремленіе

повернуть назадъ колесо исторіи факторомъ прогрессивнаго развитія. И, поддерживая его, къ нему необходимо относиться съ критикой. потому что его стремленія и теперь отличаются *двойственнымъ характеромъ*. А „трудовая партія“ ограничивается простой *идеализаціей* его стремленій и, погрузившись въ туманъ идеализаціи, совершенно забываетъ, какъ мы видѣли, о томъ, что вопросъ не въ трудѣ, а въ томъ, при какихъ производственныхъ отношеніяхъ трудъ совершается.

Нынѣшніе идеологи „трудового“ крестьянства,—преимущественно изъ лагеря „эсъ-эровъ“,—напоминаютъ христіанскихъ апологетовъ новѣйшаго, „ученаго“ типа. Какъ эти апологеты слѣдятъ за движеніемъ научной мысли, чтобы найти въ немъ матеріалъ для подкрѣпленія своихъ, совсѣмъ не научныхъ догматовъ, такъ идеологи „трудового“ крестьянства слѣдятъ за литературой научнаго соціализма, чтобы выудить изъ нея нѣсколько цитатъ въ подтвержденіе своихъ утопическихъ взглядовъ. Особенное удовольствіе доставляютъ имъ цитаты, выуженныя изъ сочиненій Маркса. Извѣстно, что эти люди „тоже“ марксисты, поскольку они надѣются, что Марксъ поможетъ имъ опровергнуть... Маркса. Такъ, они любятъ цитировать тѣ строки „Капитала“, изъ которыхъ,—конечно, съ невѣроятными натяжками, но безъ натяжекъ апологетамъ обойтись нельзя,—какъ-будто выходитъ, что Марксъ отождествлялъ общественное положеніе крестьянина съ положеніемъ наемнаго рабочаго. Кто хоть немного усвоилъ себѣ духъ Марксова ученія, тотъ понимаетъ, разумѣется, что это пустяки. Для Маркса крестьянинъ,—т. е. *современный* крестьянинъ, работающій при условіяхъ *товарнаго производства*,—есть мелкій производитель, соединяющій въ своемъ лицѣ рабочаго, мелкаго капиталиста и землевладѣльца *). Правда, Марксъ говоритъ, что въ капиталистическомъ обществѣ мелкій крестьянинъ, продавая свой продуктъ, часто получаетъ не полную его стоимость,—которая равнялась бы суммѣ трехъ частей, соотвѣтствующихъ, въ силу тройственнаго характера

*) „Als Schranke der Exploitation fur den Parcellenbauer erscheint einerseits nicht der Durchschnittsprofit des Kapitals, soweit er kleiner Kapitalist ist; noch andererseits die Notwendigkeit einer Rente, soweit er Grundeigentümer ist. Das Kapital. Drit. Band, zweit. Teil, s. 339—340.

Вандервельдъ, который, кстати сказать, никогда не былъ марксистомъ, тоже признаетъ, что въ лицѣ крестьянина рабочій совмѣщается съ капиталистомъ и землевладѣльцемъ. (Le socialisme et l'agriculture, Bruxelles, Paris. 1906, p. 6).

самого производителя, во-первыхъ, *заработной платѣ*, во-вторыхъ, *прибыли на капиталъ* и, въ третьихъ, *поземельной рентѣ*,—а только часть этой стоимости. Крайнимъ предѣломъ является здѣсь, по словамъ Маркса, часть, соотвѣтствующая заработной платѣ *). Это все такъ. Но въ интересующемъ насъ вопросѣ это ровно ничего не доказываетъ.

Капиталистъ, не получающій прибыли на свой капиталъ, не можетъ быть доволенъ своимъ положеніемъ. Онъ стремится измѣнить его. Но какимъ путемъ? Путемъ-ли устраненія капиталистическихъ отношеній производства? Вовсе нѣтъ! Бездоходности капиталистическаго предпріятія далеко недостаточно для того, чтобы капиталистъ сдѣлался соціалистомъ. То же—и съ землевладѣльцемъ. Если его поземельная рента падаетъ, то онъ старается поднять ее тѣми или другими путями, но совсѣмъ не отказывается при этомъ отстаивать тотъ общественный порядокъ, при которомъ существуютъ частное землевладѣніе и поземельная рента. Наконецъ, то же приходится сказать о „трудовомъ“ крестьянинѣ, совмѣщающемъ въ своемъ лицѣ рабочаго, капиталиста и землевладѣльца. Если его давитъ конкуренція, то онъ старается такъ или иначе ослабить ея гнетъ и установить такія отношенія производства, благодаря которымъ на его долю доставалась бы, при распредѣленіи общественнаго дохода, полная стоимость его продукта.

Примѣръ—Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Тамъ много „трудовыхъ“ фермеровъ, и эти „трудовые“ фермеры не мало терпятъ отъ господства крупнаго капитала. Вызываетъ ли въ нихъ это послѣднее обстоятельство склонность къ соціализму? Нисколько! „Трудовые“ фермеры шли въ Greenback-Party; потомъ они шли въ Peoples-Party; каждая изъ этихъ партій готова была дѣлать большія уступки пролетаріату, поддержка котораго была нужна ей для борьбы съ крупнымъ капиталомъ; но о соціализмѣ въ программѣ этихъ партій не было и не могло быть рѣчи; „трудовому“ фермеру нужно было *не устраненіе капиталистическихъ отношеній производства, а только извѣстное видоизмѣненіе ихъ*. Правда, къ популистамъ (къ „народникамъ“, въ Peoples-Party) принадлежали также и послѣдователи Генри Джорджа, т. е. сторонники *націонализаціи земли*. Но это только

*) Das Kapital, стр. 340.

лишній разъ показываетъ, что стремленіе къ національзаціи земли прекрасно уживается съ совершенно буржуазными тенденціями. И замѣтьте: каждая изъ названныхъ мною двухъ партій привлекла къ себѣ много рабочихъ. Но и это не устранило буржуазнаго характера этихъ партій. Напротивъ, примыкавшіе къ нимъ рабочіе сами проникались буржуазнымъ духомъ. Впрочемъ, это не совсѣмъ точно. Рабочіе, примыкавшіе къ нимъ, не были соціалистами, т. е., значитъ, и раньше стояли на точкѣ зрѣнія буржуазіи. Поэтому ихъ участіе въ названныхъ партіяхъ привело собственно не къ тому, что они проникли буржуазнымъ духомъ, а къ тому, что *замедлился процессъ избавленія ихъ отъ вліянія буржуазныхъ идей*, процессъ развитія ихъ классоваго самосознанія, переходъ на точку зрѣнія соціализма. Стало-быть, участіе рабочихъ въ мелко-буржуазныхъ партіяхъ было вредно для дѣла ихъ собственнаго класса. Это фактъ, который очень полезно запомнить русскимъ пролетаріямъ.

Въ книгѣ Вернера Зомбарта: „Warum giebt es in den Vereinigten-Stadten keinen Socialismus?“ есть интересная глава: „Die Flucht des Arbeiters in die Freiheit“. (Бѣгство рабочаго на свободу). Въ этой главѣ изображается то вліяніе, которое имѣли поземельныя отношенія Соединенныхъ Штатовъ на развитіе самосознанія американскаго пролетарія. Существованіе на американскомъ Западѣ „свободной земли“, на которой могли возникать,—и во множествѣ возникали,—„трудовыя“ фермы, вело къ тому, что человѣкъ „труда“ *мирился* съ капитализмомъ, убаюкиваемый тою мыслью, что онъ самъ можетъ перестать трудиться на предпринимателя и сдѣлаться самостоятельнымъ производителемъ. Зомбартъ говоритъ: „Значеніе того факта, что американскій капитализмъ развился въ странѣ съ огромною площадью terra libera, вовсе не исчерпывается опредѣленіемъ числа тѣхъ лицъ, которыя въ теченіе даннаго времени избавились отъ капиталистической зависимости, поселившись на казенныхъ земляхъ. Тутъ надо принять во вниманіе, что уже одно сознаніе того, что онъ всегда *можетъ* сдѣлаться свободнымъ крестьяниномъ, должно было сообщать американскому рабочему то чувство увѣренности и спокойствія, которое чуждо европейскому рабочему. Всякое зависимое положеніе легче переносить тогда, когда человѣкъ воображаетъ im dem Wahne lebt), что въ крайности онъ можетъ изъ него

выйти! Само собою ясно, что отношеніе пролетаріата къ задачамъ будущаго устройства хозяйственной жизни должно было, вслѣдствіе этого, принять совершенно своеобразный характеръ. Возможность выбрать между капитализмомъ и некапитализмомъ (т. е. положеніемъ „трудового“ фермера. Г. П.) превращала всякое возникающее неудовольствіе противъ существующей хозяйственной системы изъ активнаго въ пассивное, и лишало рѣзкости всякую антикапиталистическую агитацію“ *).

Бѣгство рабочаго на свободу и заключалось, по словамъ Зомбарта, въ томъ, что онъ избавлялся отъ капиталистической зависимости, становясь „трудовымъ“ фермеромъ. Возможностью такого бѣгства въ значительной степени объясняется, какъ думаетъ Зомбартъ, тотъ фактъ, что, несмотря на гигантское развитіе капитализма въ Соединенныхъ Штатахъ, тамъ до сихъ поръ не было сколько-нибудь сильной соціалистической партіи. Но площадь свободныхъ земель все больше и больше уменьшается; предохранительный клапанъ закрывается все плотнѣе и плотнѣе, и потому Зомбартъ думаетъ, что въ недалекомъ времени мы увидимъ широкое развитіе американскаго соціализма.

Это очень поучительно для Россіи. Площадь тѣхъ свободныхъ земель, которыя могли бы избавить нашего рабочаго отъ капиталистической зависимости, была бы очень не велика даже въ томъ случаѣ, если-бы къ ней присоединились всѣ земли, принадлежащія теперь помѣщикамъ. Стало-быть, *фактически* бѣгство рабочаго на свободу могло бы принять лишь весьма небольшіе размѣры. Но въ устахъ „трудовиковъ“ возможность этого бѣгства пріобрѣтаетъ колоссальные размѣры; она дѣлается основнымъ мотивомъ той колыбельной пѣсенки, съ помощью которой они убаюкиваютъ безсознательныхъ рабочихъ, препятствуя имъ съ полной ясностью понять свое пролетарское положеніе, свои пролетарскія задачи. Въ этомъ и состоитъ главное отличіе „трудовиковъ“ отъ соціалъ-демократовъ. Вліяніе однихъ замедляетъ развитіе классоваго сознанія пролетаріата; вліяніе другихъ ускоряетъ процессъ этого развитія, доказывая рабочему, что и послѣ аграрной революціи капитализмъ отнюдь не перестанетъ быть

---

*) См. назв. сочиненіе, стр. 140.

капитализмомъ, а бѣгство наемнаго рабочаго „на свободу“ чаще всего останется лишь довольно нескладною мечтою. Но ускореніе непримиримо съ замедленіемъ: одно исключаетъ другое. Поэтому „примиреніе“ между этими двумя партіями останется совершенно невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ не откажется отъ своей точки зрѣнія. Надѣяться на это пока нѣтъ никакихъ основаній.

Борьба между „трудовиками“ и соціалъ-демократами неизбѣжна. Нужно только позаботиться о томъ, чтобы она не помѣшала имъ „вмѣстѣ бить“ тѣхъ, кого они могутъ и должны бить вмѣстѣ.

Чтобы наша критика „трудовой“ программы не помѣшала намъ „вмѣстѣ бить“, мы опять-таки должны помнить, что метафизическое мышленіе приводитъ къ нелѣпымъ результатамъ. Тѣ изъ насъ, которые всегда разсуждаютъ по формулѣ: „да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго“, скажутъ, пожалуй: „если terra libera однимъ фактомъ своего существованія замедляетъ развитіе пролетарскаго сознанія, то мы должны высказаться противъ ея образованія“. Но если-бы они захотѣли послѣдовать этому своему выводу на практикѣ, то они превратились бы въ консерваторовъ и должны были бы пѣть хвалебные гимны казацкой нагайкѣ, внушающей крестьянамъ уваженіе къ правамъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Нечего и говорить, что подобное превращеніе совсѣмъ нежелательно. Положеніе дѣлъ у насъ теперь таково, что крестьянская „тяга къ землѣ“ непремѣнно должна быть поддержана представителями сознательнаго пролетаріата. Но поддерживать ее вовсе не значитъ относиться безъ критики ко всему тому, что сказали и могутъ еще сказать по его поводу г.г. „трудовики“, „эсъ-эры“ или члены „народно-соціалистической партіи“.

IV.

Въ приложеніи къ „Рѣчи“ отъ 14 іюля текущаго года было напечатано интересное письмо на имя „членовъ Государственной Думы“ отъ 150 крестьянъ Ставропольской губерніи. Авторы письма рекомендовали Думѣ отстаивать слѣдующую программу:

1) Разрушить средостѣніе между государемъ и Государственной думой. Пусть будетъ государь и Государственная дума, и вы намъ дадите и землю и волю.

2) Отмѣнить военное положеніе и установленную охрану.

3) Отмѣнить смертную казнь.

4) Требуйте отъ правительства полную амнистію.

5) Осуществить манифестъ 17 октября 1905 года, пунктъ 9-й установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной думы и чтобы выбраннымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей.

6) Требуйте всеобщаго права безъ исключенія иновѣрцевъ и инородцевъ.

7) Требуйте отчуждать земли казенныя, удѣльныя, государственныя, кабинетскія, монастырскія, церковныя и помѣщичьи, земли чтобы эти перешли въ пользованіе крестьянъ, т. е. всему рабочему населенію, потому что эти земли не должны быть отданы въ пользованіе какому-либо одному лицу, которое ее самъ не обрабатываетъ, а землей долженъ пользоваться весь рабочій народъ, который самъ своимъ трудомъ обрабатываетъ, онъ своей кровью пріобрѣлъ себѣ эту землю, и донынѣ народъ охраняетъ эти земли. А помѣщики отчуждали много земли отъ крестьянъ изъ крѣпостнаго права. А куда-же дѣвалась крестьянская земля? Овладѣли помѣщики и называютъ ее своей собственной и неприкосновенной. Нѣтъ, неприкосновенная собственность не земля, имущество разнаго рода, животныя и всякая монета, это есть чужая и неприкосновенная собственность. Помѣщики скажутъ, землю, которою мы владѣемъ, намъ заслужили отцы и праотцы. Да, господа, дѣйствительно, это правда. Да почему же намъ наши отцы и праотцы не заслужили, вѣдь и наши же отцы не меньше вашихъ крови пролили, и хотя-бы они и заслужили, то правительство сказало бы: не имѣете права пользоваться заслуженными отцовскими знаками, то также не имѣютъ права пользоваться заслуженной отцовской землей. Надо солдатиковъ давать, надо границу держать, а ты откуда солдатиковъ возьмешь, когда ты самъ одинъ душой живешь, а земли у тебя 200—300 десятинъ, а вѣдь отъ количества земли надо солдатиковъ давать".

Программа эта въ высшей степени характерна для настроенія крестьянской массы. Она показываетъ, во-первыхъ, въ какой мѣрѣ цѣлесообразна „большевистская“ тактика, направленная на немедленныя „активныя выступленія“, ради извѣстныхъ политическихъ лозунговъ (см. § 1 программы), Не менѣе ясно показываетъ она, до какой степени ошибаются тѣ „трудовики“ (или ихъ братья—„эсъ-эры“ и члены народно-соціалистической партіи), которые, позабывъ о характерныхъ для „трудового“ крестьянина производственныхъ отношеніяхъ, искренне готовы отождествить такого крестьянина съ наемнымъ рабочимъ. „Трудовые“ авторы письма обѣими ногами стоятъ на точкѣ зрѣнія „трудовиковъ“: они требуютъ, чтобы земли казенныя, удѣльныя, государственныя, кабинетскія, монастырскія, церковныя и помѣщичьи перешли въ пользованіе всего рабочаго населенія, при чемъ „эти земли не должны быть отданы въ пользованіе какому-либо одному лицу, которое ее само не обработываетъ, а землей долженъ пользоваться весь рабочій народъ, который самъ своимъ трудомъ обработываетъ, онъ своею кровью пріобрѣлъ себѣ эту землю, и донынѣ народъ охраняетъ эти земли“. Вы видите, что „трудовой принципъ“ примѣняется тутъ, какъ нельзя болѣе послѣдовательно. Подъ него подводится даже фактъ *завоеванія земли* („рабочій народъ своею кровью пріобрѣлъ эту землю“), и уже послѣднее обстоятельство должно заставить насъ усомниться въ томъ, что логика этого знаменитаго принципа ведетъ къ *устраненію*, а не къ возникновенію капиталистическихъ отношеній производства. И она, въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не ведетъ къ нему. „Нѣтъ,—говорятъ авторы письма,—неприкосновенная собственность не земля, а имущество разнаго рода, напримѣръ, движимое имущество, товары разнаго рода, животныя и всякая монета, это есть чужая и неприкосновенная собственность“. Какъ видимъ, писавшіе письмо русскіе „трудовые“ крестьяне разсуждаютъ подобно тѣмъ американскимъ фермерамъ, которые, въ своей оппозиціи крупному капиталу, доходятъ до требованія *націонализаціи земли*, становятся послѣдователями Генри Джорджа. Товары и всякая „монета“ составляютъ въ ихъ глазахъ „неприкосновенную собственность“. Они—за товарное производство, а еще Марксъ показалъ, что внутренняя логика *товарнаго* производства неизбѣжно ведетъ къ возникновенію *капиталистическихъ* производственныхъ отношеній. И это

легко понять. Если „трудовымъ принципомъ“ можно освятить фактъ *завоеванія* земли „рабочимъ народомъ“, то нѣтъ ничего естественнѣе, какъ оправдывать, опираясь на него, *эксплуатацію чужого труда*. То, что создано моимъ трудомъ, принадлежитъ мнѣ. Мнѣ же принадлежитъ и то, что получено мною въ обмѣнъ на продуктъ моего труда, напримѣръ: „монета“ („чужая и неприкосновенная собственность“). Но если мнѣ принадлежитъ „монета“, то мнѣ же принадлежитъ и тотъ *товаръ* (тоже, какъ мы знаемъ, „неприкосновенная собственность“), который я получу въ обмѣнъ на свою „монету“. Если это такъ,—а вѣдь это внѣ всякаго сомнѣнія такъ,—то легко видѣть, какія соціальныя послѣдствія явятся тогда, когда товаромъ, пріобрѣтаемымъ мною въ обмѣнъ на мою „монету“ и составляющимъ мою „неприкосновенную собственность“, окажется *чужая рабочая сила:* я, „трудовой крестьянинъ“, сяду верхомъ на моего брата—пролетарія. А вѣдь осуществленіе программы „трудовиковъ“ вовсе не обезпечиваетъ насъ отъ появленія на рынкѣ товара—рабочей силы. Это прекрасно понимаютъ и сами „трудовики“. И въ виду этого совсѣмъ непонятно, какимъ же образомъ могутъ они отождествлять положеніе „трудового крестьянина“ съ положеніемъ наемнаго рабочаго. Какъ могутъ они забывать о неумолимой внутренней логикѣ товарнаго производства?

Они не забываютъ о ней; они просто—напросто отмахиваются отъ нея съ помощью... интеллигенціи. Какъ я уже сказалъ выше, интеллигенція потому и ставится ими въ одну шеренгу съ наемнымъ рабочимъ и трудовымъ крестьяниномъ, что они видятъ въ ней чудодѣйственный соціальный аппаратъ, способный, къ общему удовольствію и въ интересахъ справедливости, разрѣшить самыя неразрѣшимыя противорѣчія экономической жизни. Интеллигенція повліяетъ на „трудового крестьянина“, она воспитаетъ его въ духѣ ассоціаціи, а воспитанный въ такомъ духѣ „трудовой“ крестьянинъ станетъ стремиться уже не къ капитализму, а къ соціализму. Утопическая фантазія чрезвычайно легко справляется со всевозможными экономическими трудностями. Жаль только, что жизнь, въ свою очередь, не считается съ утопической фантазіей. Ассоціаціи, довольно многочисленныя и теперь въ средѣ западнаго крестьянства, конечно, приведутъ къ *соціализму*, но пройдя предварительно черезъ *капиталистическую* фазу. Это признаютъ

теперь въ западно-европейскомъ соціалистическомъ мірѣ даже „критики Маркса“, напримѣръ, цитированный выше Е. Вандервельдъ.

Отмѣчу здѣсь еще, что письмо ставропольскихъ „трудовыхъ“ крестьянъ очень хорошо подтверждаетъ сказанное мною въ другомъ мѣстѣ объ историческомъ происхожденіи нынѣшняго взгляда великорусскихъ крестьянъ на поземельную собственность. „Господа“ потому не имѣютъ права на землю, что размѣры ихъ землевладѣнія не соотвѣтствуютъ числу тѣхъ „солдатиковъ“, которыхъ они могутъ „давать“ за нее государству. Это взглядъ Московской Руси, лишь нѣсколько видоизмѣненный подъ вліяніемъ развитія товарнаго производства. Я былъ совершенно правъ, говоря, что когда крестьянинъ требуетъ отобранія земли у помѣщиковъ, то онъ bona fide и не безъ историческаго основанія считаетъ себя не революціонеромъ, а защитникомъ и возстановителемъ старинныхъ экономическихъ основъ нашего государственнаго быта. Онъ тоже стремится „повернуть назадъ колесо исторіи“.

Теперь наша общественнея жизнь такъ усложнилась, что если бы крестьянину удалось осуществить свое стремленіе, то этимъ самымъ онъ сообщилъ бы всему механизму поступательное, а не попятное движеніе. Но это уже вопросъ другой, самое существованіе котораго показываетъ, однако, что стремленія современнаго русскаго крестьянства имѣютъ *двойственный* характеръ и что, въ виду ихъ двойственнаго характера, пролетаріатъ не можетъ сочувствовать ему безъ весьма пространныхъ оговорокъ.

Критикѣ этихъ стремленій препятствуетъ туманъ, заволакивающій собой экономическія представленія „трудовиковъ“. И чѣмъ больше сгущается этотъ вредный туманъ, тѣмъ болѣе отрадный видъ пріобрѣтаетъ то ближайшее будущее, которое сулятъ „трудовики“ „трудовымъ“ крестьянамъ и наемнымъ рабочимъ. Всякій, желающій заняться земледѣліемъ, получаетъ земельный участокъ. Это очень хорошо. Но еще покойный Энгельгардтъ,—постоянный сотрудникъ тѣхъ „*Отечественныхъ Записокъ*“, на страницахъ которыхъ подвизался великій „теоретикъ“ народничества, г. В. В.,—весьма справедливо замѣтилъ, что земли ѣсть нельзя, а надо ее обработывать; для обработки же нужны средства, которыя, какъ уже извѣстно, имѣются далеко не у всякаго, желающаго „трудиться“. Это очень плохо. Однако, этимъ не надо сму-

щаться: государство даетъ всякому, желающему „сѣсть на землю“, средства, необходимыя для „трудового“ земледѣлія. Это опять очень хорошо. Но тутъ невольно вспоминается вопросъ, который Санчо-Панса задалъ нѣкогда Донъ-Кихоту: „на какія деньги живутъ странствующіе рыцари?“. Этотъ прозаическій вопросъ поставилъ поэтическаго рыцаря въ большое затрудненіе: онъ не предусмотрѣлъ его, занимаясь разработкой своихъ упоительныхъ плановъ. Я думаю, что и „трудовики“ затруднятся дать обстоятельный отвѣтъ на прозаическій вопросъ о томъ, откуда возьметъ государство деньги для снабженія ими всякаго, желающаго взяться за „трудовое“ земледѣліе.

Государство можетъ дать гражданамъ только тѣ средства,—вѣрнѣе, только *часть* тѣхъ средствъ,—которыя оно беретъ у нихъ. Стало быть, средства, необходимыя для поддержанія „трудового“ земледѣлія, придется добывать путемъ налоговъ. Кого же будетъ облагать государство? Крупныхъ землевладѣльцевъ? Но послѣ осуществленія программы „трудовиковъ“, отъ крупныхъ землевладѣльцевъ останется лишь болѣе или менѣе пріятное воспомананіе. Значитъ, придется обложить *во-первыхъ*, тѣхъ же „трудовыхъ“ *земледѣльцевъ*; *во-вторыхъ*, лицъ, „трудящихся“ въ области промышленности и торговли. Что касается первыхъ, то они могутъ помириться,—хотя я не увѣренъ въ томъ, что помирятся,—съ налогомъ, берущимъ средства у людей, уже занятыхъ земледѣліемъ, и дающимъ ихъ тѣмъ лицамъ, которыя только собираются „убѣжать на свободу“. Если они помирятся съ такимъ налогомъ,—въ чемъ, повторяю, вполнѣ позволительно усомниться,—то съ этой стороны дѣло пойдетъ гладко. Земледѣльческая Россія составитъ нѣчто вродѣ гигантскаго общества взаимнаго страхованія дѣйствительныхъ и возможныхъ земледѣльцевъ отъ неблагопріятныхъ шансовъ товарно-капиталистическаго производства. А что сказать о людяхъ, занимающихся промышленнымъ трудомъ? Обложатъ ли и ихъ въ пользу „трудового“ земледѣлія? И если да, то кого же именно? Однихъ ли „трудовыхъ“ предпринимателей *) или также и „трудовыхъ“ рабочихъ? Что касается капиталистовъ,

*) Терминъ „трудовой“ оказывается иногда очень растяжимымъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одно весьма и весьма,—какъ сказалъ бы Гоголь,—значительное лицо, въ своемъ обращеніи къ съѣзду доблестныхъ россійскихъ дворянъ, назвало его съѣздомъ *„трудового дворянства.“*

то я готовъ головой выдать ихъ „трудовикамъ“. Но я боюсь, что съ нихъ много не возьмешь и что придется облагать наемныхъ рабочихъ. А это уже опять плохо. Облагать *пролетарія* для поддержки *мелкаго самостоятельнаго производителя* значитъ совершать актъ и несправедливый (а вѣдь „трудовики“ такъ часто и такъ охотно апеллируютъ къ справедливости!) и реакціонный par exellence. И, разумѣется, всѣ представители сознательнаго пролетаріата должны будутъ самымъ энергичнымъ образомъ возстать противъ такого обложенія.

Логика хороша вездѣ,—даже и въ несправедливости. Если облагать пролетарія для поддержки мелкаго самостоятельнаго производителя, то я не понимаю, почему надо облагать его только въ интересахъ „трудового“ земледѣльца, но не въ интересахъ „трудового“ сапожника, „трудового“ портного, „трудового“ булочника, „трудового“ гробовщика и т. п., словомъ, почему не обложить пролетарія также и въ пользу всѣхъ мелкихъ мѣщанъ промышленнаго труда? Почему не провозгласить, что справедливость требуетъ, чтобы пролетарій, трудящійся на крупнаго буржуа, потрудился также и на мелкихъ?

V.

„Трудовики“ очень милые люди: они возразятъ мнѣ, добродушно улыбаясь: пролетаріевъ мы совсѣмъ избавимъ отъ налоговъ. И тутъ я опять вынужденъ буду воскликнуть: это очень хорошо! Но въ такихъ вопросахъ одной доброты мало. Поэтому я спрошу: отъ какихъ налоговъ избавите вы, господа, пролетаріевъ? Если отъ *прямыхъ*, то это немного: самъ г. Витте не ухитрился бы обложить прямымъ налогомъ пролетаріевъ, какъ таковыхъ. Отъ *косвенныхъ* же налоговъ очень трудно избавить пролетарія въ буржуазномъ государствѣ, и мы имѣемъ полное право предположить, что „трудовая“ партія не сумѣла бы, при данномъ состояніи производительныхъ силъ Россіи, совсѣмъ уничтожить косвенные налоги, даже въ томъ случаѣ, если-бы она была у власти. При существованіи же косвенныхъ налоговъ пролетаріатъ будетъ весьма серьезно заинтересованъ въ томъ, чтобы государство не брало денегъ изъ его кармана для культивированія „трудового“ сельско-

хозяйственнаго мѣщанства. А это значитъ, что осуществленіе того пункта программы „трудовиковъ“, который обѣщаетъ государственную помощь всѣмъ тѣмъ, которые захотѣли бы посвятить себя „трудовому“ земледѣлію, грозитъ привести интересы „трудовыхъ“ земледѣльцевъ въ непосредственное противорѣчіе съ интересами пролетаріевъ. Идеологи пролетаріата обязаны поставить это на видъ рабочимъ.

Какъ ни верти программу „трудовиковъ“ (а также и „эсъэровъ“, а также и народно-соціалистической партіи), ея мелкобуржуазная природа не можетъ не броситься въ глаза всякому логически мыслящему человѣку, и по этому поводу я позволю себѣ сдѣлать маленькую экскурсію въ область исторіи русской литературы.

Славянофилы вели когда-то съ западниками ожесточенный споръ о томъ, какимъ путемъ должно пойти культурное развитіе Россіи. Въ эпоху Бѣлинскаго, К. Аксакова, И. Тургенева, Хомякова споръ этотъ имѣлъ чисто философскій отвлеченный характеръ. Но уже у И. Аксакова отвлеченныя положенія славянофильства въ значительной степени переводятся на языкъ политической экономіи и получаютъ *буржуазный* оттѣнокъ. Городу, испорченному „гнилью“ Запада, противопоставляется у него „село съ его фабрикой и кустарными промыслами“. Народники, которыхъ тотъ же И. Аксаковъ очень мѣтко называлъ *непослѣдовательными славянофилами*, продолжали противопоставленіе села городу, въ которомъ они видѣли сознаніе капиталистической культуры, но они уже поняли, что сельская фабрика есть такое же капиталистическое предпріятіе, какъ и городское. Поэтому они идеализировали, какъ представителей „народнаго“ способа производства, крестьянъ и кустарей до „мастерковъ“ включительно. Крупно-буржуазныя тенденціи И. Аксакова приняли у народниковъ *мелко-буржуазный* характеръ *). Теоретики народничества были *идеологами мелкой буржуазіи по преимуществу*. И такими же идеологами являются нынѣшніе „эсъ-эры“ и вожаки „народно-соціалистической“ партіи. Разница между ними лишь въ частностяхъ, опредѣляемыхъ большею или меньшею примѣсью утопизма. Но по „нынѣшнему времени“ даже и утопизмъ долженъ придать

*) Я разумѣю нашихъ легальныхъ народниковъ, г. В. В. и К°.

себѣ, по крайней мѣрѣ, внѣшность научнаго соціализма. Поэтому являются заимствованія у теоретиковъ соціалъ-демократіи. Однако, и тутъ дѣло не обходится безъ „заковыкъ“. У истинныхъ теоретическихъ представителей соціалъ-демократіи удается раздобыть въ интересахъ апологетики очень мало: развѣ лишь нѣсколько цитатокъ, неясно передающихъ ясное ученіе Маркса. Поэтому приходится обращаться къ *правому* крылу соціалъ-демократической партіи, заимствовать премудрость у Бернштейна, Давида и братіи. „Соціалистическіе“ идеологи нашей мелкой буржуазіи выдаютъ себя за крайнихъ революціонеровъ, а въ теоріи,—особенно въ аграрномъ вопросѣ,—хватаются за фалды соціалъ-демократическаго оппортюнизма. Какая злая иронія исторической судьбы!

Такъ закончился старый, великій споръ славянофильства съ западничествомъ. Нынѣшніе представители западничества стали на точку зрѣнія *рабочаго класса*, нынѣшніе представители народничества стали на точку зрѣнія *мелкой буржуазіи*. Пока славянофильскія тенденціи выражались языкомъ Гегеля, въ нихъ оставалось чрезвычайно много неяснаго, когда же онѣ стали подкрѣпляться доводами, заимствованными у Давида и Бернштейна, они стали прозрачны, какъ стекло. Нельзя не порадоваться столь большому прогрессу...

Но съ насъ довольно утопій! *Реакціонныя* же сугубо противны намъ потому, что намъ давно уже набила оскомину реакція во всѣхъ ея видахъ. Мы будемъ рѣшительно отвергать все то реакціонное прожектерство, которое гнѣздится въ программахъ нашихъ мелко-буржуазныхъ партій. Но пусть ихъ не вводитъ въ заблужденіе наша критика. Тѣмъ энергичнѣе будемъ мы поддерживать ихъ тамъ, гдѣ онѣ явятся дѣйствительно передовыми въ своей борьбѣ съ бюрократіей, съ „послѣдышами“ помѣстнаго сословія и съ прочими темными силами.

И чтобы доказать имъ наше расположеніе, я въ заключеніе дамъ ихъ приверженцамъ дружескій совѣтъ: господа, помните, что „трудовой“ крестьянинъ прежде всего *хозяйственный* человѣкъ. Г. Петрункевичъ сообщилъ на гельсингфорскомъ съѣздѣ, что „въ ту самую ночь, когда въ государственной типографіи печатался указъ о роспускѣ Государственной Думы, 40 человѣкъ крестьянъ, входящихъ въ „трудовую“ группу, съ присоединеніемъ къ нимъ 20-ти безпартійныхъ крестьянъ, подписали протоколъ объ образованіи осо-

бой —крестьянской—группы, которая по своимъ взглядамъ гораздо ближе стояла къ к.-д. партіи, чѣмъ къ трудовой“*). Какъ вы думаете, господа, почему произошло это? Очевидно, *деревенскіе „трудовики“* пришли къ тому заключенію. что *„трудовики“ „трудовой“ партіи* недостаточно *обстоятельный* народъ. Caveant consules!

Послѣ мелкой буржуазіи,—какъ той, которая въ самомъ дѣлѣ трудится въ процессѣ производства, такъ и той, которая трудится, главнымъ образомъ, надъ идеализаціей этой послѣдней,—естественно было бы перейти къ тому пролетаріату, съ которымъ она хочетъ „родною счесться“,—къ тому пролетаріату, надъ которымъ теперь происходитъ судъ въ Петербургѣ. Этотъ судъ обнаружилъ въ высшей степени интересные факты и вызвалъ нѣкоторыя въ высшей степени замѣчательныя и симпатичныя явленія. Эти явленія еще и еще разъ показываютъ, что сознательные представители пролетаріата должны и могутъ теперь вырваться изъ узкихъ щелей *кружковщины* и пуститься въ широкое море *массоваго движенія*. Но—увы!—не всѣ тѣ, которые берутъ на себя представительство интересовъ пролетаріата, отличаются сознательностью. То, что нѣкоторые изъ нихъ пишутъ теперь *противъ рабочаго съѣзда*, не разъ заставляло меня съ горечью восклицать: „да какіе же это представители пролетаріата? Это такъ, междометія какія-то!“ Но о писаніяхъ этого рода я поговорю частью въ другомъ мѣстѣ, а частью, можетъ быть, и здѣсь, но въ другой разъ.

---

*) „Товарищъ“, № 74.

Письмо второе.

Годъ тому назадъ умеръ нашъ „старый порядокъ", и родилась наша „конституція". Покойникъ отличался столь крупными свойствами, что искренно жалѣть объ его смерти не могли даже люди охранительнаго образа мыслей; искренне пожалѣли о немъ только тѣ его „вѣрные слуги", которымъ онъ приносилъ *непосредственную* матеріальную пользу, которые могли, благодаря царившему въ немъ безправію, безнаказанно обирать „ввѣренное имъ" населеніе. Россійскіе *обыватели*, ставшіе вдругъ *гражданами*, преисполнились радости. Но извѣстно, что радость ихъ была непродолжительна, потому что новорожденная „конституція" очень скоро послѣ своего появленія на свѣтъ стала обнаруживать совершенно такія же крупныя свойства, которыя въ высокой степени свойственны были ея почившему предшественнику, и даже гораздо болѣе крупныя. Тутъ повторилось то, что произошло по смерти царя Соломона. Помните Библію? „Тогда Іеровоамъ и все собраніе израильтянъ пришли и говорили (новому царю) Ровоаму, и сказали:

„Отецъ твой наложилъ на насъ тяжкое иго, ты же облегчи намъ жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое онъ наложилъ на насъ, и тогда мы будемъ служить тебѣ.

„И сказалъ онъ имъ: пойдите и черезъ три дня опять пріидите ко мнѣ. И пошелъ народъ".

Черезъ три дня Ровоамъ, подчинившись вліянію молодыхъ совѣтниковъ, „отвѣчалъ народу сурово".

„И говорилъ онъ по совѣту молодыхъ людей и сказалъ: отецъ мой наложилъ на васъ тяжкое иго, а я увеличу иго ваше: отецъ мой наказывалъ васъ бичами, а я буду наказывать васъ скорпіонами".

Библійскій разсказъ поясняетъ: „ибо такъ суждено было Господомъ“.

Я не знаю, изрекъ-ли кто-либо какое-нибудь „слово“ по поводу нашей „конституціи“; очень возможно, что „слово“ было произнесено, напримѣръ, Д. Треповымъ, сыномъ Ѳедоровымъ, но, какъ бы то ни было, фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что наша „конституція“ оказалась много свирѣпѣе нашего „стараго порядка“, и что если онъ наложилъ на насъ тяжкое иго, то она увеличила иго наше; если онъ наказывалъ насъ бичами, то она наказываетъ насъ скорпіонами.

Ровоамовъ либерализмъ,—какъ сказалъ бы г. Столыпинъ,— очень не понравился народу: „и разошелся Израиль по шатрамъ своимъ“ и отложился отъ Ровоама. Словомъ вышло совсѣмъ не такъ, какъ того хотѣли „либеральные“ совѣтники Ровоама: они жестоко ошиблись въ расчетѣ.

Не нравятся и русскимъ гражданамъ тѣ скорпіоны, которыми наказываютъ ихъ теперь наши „конституціонные“ министры. И они тоже расходятся по шатрамъ своимъ и принимаютъ посильныя мѣры къ тому, чтобы избавиться отъ скорпіоновъ. И весь вопросъ заключается теперь въ томъ, насколько цѣлесообразными окажутся въ свою очередь тѣ мѣры, которыя они придумываютъ въ своихъ „шатрахъ“.

Въ прошлый разъ я говорилъ о мѣрахъ, придуманныхъ на кадетскомъ съѣздѣ въ Гельсингфорсѣ. Теперь мнѣ хочется поговорить о томъ, что могли бы и должны были бы дѣлать люди, сбирающіеся въ „шатрѣ“ пролетаріата.

Мнѣ хочется говорить на основаніи того, что уже было сдѣлано ими съ того времени, когда скончался нашъ „старый порядокъ“ и началась „конституціонная“ эра.

Что же собственно сдѣлали они въ теченіе этого, столь богатаго событіями, года?

Сдѣлано было не мало. Къ сожалѣнію, далеко не все то, что они сдѣлали, можетъ быть одобрено съ точки зрѣнія защищаемыхъ ими интересовъ. Выражусь рѣшительнѣе, скажу откровеннѣе и рѣзче: они сдѣлали много такого, чего они не должны были дѣлать и чего они, навѣрно, не сдѣлали бы, если бы умѣли сообразовать свои средства со своею цѣлью. Это очень печальная истина, но это истина, и ее необходимо высказать для пользы дѣла.

Марксъ говоритъ въ своей книгѣ „Восемнадцатое Брюмэра Луи Бонапарта“, что „революціи пролетаріата постоянно критикуютъ сами себя, то и дѣло останавливаются на ходу, взвращаются, къ повидимому уже сдѣланному, чтобы еще разъ начать сначала, жестоко, основательно осмѣиваютъ половинчатость, слабыя стороны и негодность своихъ первыхъ попытокъ“. Эти слова относятся у Маркса къ первымъ попыткамъ пролетаріата добиться своего освобожденія отъ гнета *капиталистическихъ* отношеній. Но ихъ можно примѣнить и къ попыткамъ, совершаемымъ имъ тамъ, гдѣ ему приходится,—какъ у насъ въ Россіи,—выступать въ качествѣ передового борца за политическую свободу. По крайней мѣрѣ, *ему слѣдовало бы, ему очень полезно было бы* почаще подвергать безпощадной критикѣ свои дѣйствія и жестокой насмѣшкѣ—слабыя стороны этихъ дѣйствій. Критиковать себя вообще очень полезно *).

Еще болѣе полезна самокритика *для пролетаріата, проходящаго первыя ступени своего развитія*. Такой пролетаріатъ рѣшительно не можетъ обойтись безъ услугъ многочисленныхъ „интеллигентовъ“. Оказывая ему услуги, многочисленные „интеллигенты“ пріобрѣтаютъ рѣшающее вліяніе на всѣ его дѣйствія. *Тактика пролетаріата на первыхъ ступеняхъ его развитія всегда оказывается, въ сущности, тактикой интеллигенціи*. А эта тактика далеко не всегда соотвѣтствуетъ тому, что составляетъ задачу рабочаго класса, какъ таковаго. Въ этомъ отношеніи исторія Франціи даетъ не мало поучительныхъ примѣровъ.

Уже къ концу 30-хъ годовъ прошлаго вѣка французское революціонное движеніе было почти исключительно пролетарскимъ. Но хотя оно и было таковымъ, пріемы и тактика его участниковъ имѣли въ себѣ очень мало пролетарскаго. Эта тактика и эти пріемы были тактикой и пріемами *заговорщиковъ*. Въ чемъ же состоитъ отличительная черта такой тактики и такихъ пріемовъ? Для характеристики ихъ мнѣ уже не разъ случалось ссылаться на авторитетное свидѣтельство Энгельса, который жилъ во

---

*) „Критики“ Маркса оконфузились не тѣмъ, что они были *критиками*, а тѣмъ, что ихъ критика была огромнѣйшимъ шагомъ назадъ въ исторіи соціалистической мысли. *Такая* критика возстаетъ не противъ *слабыхъ*, а противъ *сильныхъ* сторонъ ученія, вслѣдствіе чего она сама представляетъ собою слабую сторону и заслуживаетъ жестокой насмѣшки.

Франціи въ періодъ, непосредственно предшествовавшій февральской революціи, и хорошо изучилъ психологію тогдашнихъ французскихъ заговорщиковъ. „Само собой понятно,—говорилъ Энгельсъ,—что заговорщики не ограничивались организаціею революціоннаго пролетаріата, они стремились именно къ тому, чтобы опередить революціонный процессъ развитія, вызвать въ немъ искусственный кризисъ, сдѣлать революцію въ такое время, когда еще не было налицо необходимыхъ для нея условій“. Такъ какъ не отъ нихъ зависѣло создать эти, пока еще отсутствовавшія условія, то, для ускоренія революціоннаго процесса развитія, они направляли свои усилія въ ту сторону, которая цѣликомъ зависѣла отъ ихъ планомѣрнаго воздѣйствія. Они сосредоточивали свое вниманіе на измышленіи наилучшей *организаціи заговора.* Энгельсъ называетъ ихъ алхимиками революціи и прибавляетъ, что имъ свойственны были такая же путаница понятій и такая же ограниченность взглядовъ, какими отличались алхимики добраго стараго времени. „Они старались дѣлать открытія, которыя должны были совершить революціонныя чудеса: взрывчатые снаряды, адскія машины магической силы, возстанія, которыя должны были дѣйствовать тѣмъ сильнѣе и удивительнѣе, чѣмъ менѣе у нихъ было разумнаго основанія. Энгельсъ называетъ заговорщиковъ этого рода *офицерами уличныхъ возстаній*, и они, дѣйствительно, были такими офицерами, причемъ,—надо сказать это къ ихъ чести,—они въ большинствѣ случаевъ обнаруживали поистинѣ геройскую храбрость. Но если-бы храбрости достаточно было для побѣды надъ непріятелямъ, то было бы совершенно непонятно, почему терпятъ пораженія, въ своихъ войнахъ съ цивилизованными народами, дикія племена, отличающіяся обыкновенно безупречнымъ мужествомъ. Тайна ихъ пораженія заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что ихъ боевыя силы безконечно слабѣе вооруженной силы цивилизованныхъ народовъ. Приблизительно таково же было отношеніе боевыхъ силъ французскихъ заговорщиковъ къ вооруженной силѣ того государства, съ которымъ они боролись. Вотъ почему заговорщики, несмотря на весь свой героизмъ, были заранѣе осуждены на постоянныя пораженія. И эти ихъ пораженія были также и пораженіями рабочаго класса, потому что первоначально сознательные рабочіе, какъ я уже сказалъ, выступали подъ руководствомъ заговорщиковъ и цѣликомъ усваивали себѣ всѣ ихъ воззрѣнія и

всѣ ихъ привычки. И только подъ вліяніемъ этихъ безпрерывныхъ пораженій въ рабочемъ классѣ начало возникать смутное пониманіе того, что тактика заговорщиковъ для него совсѣмъ не подходитъ. Но зато, чѣмъ больше выяснялось это пониманіе, тѣмъ болѣе падало вліяніе заговорщиковъ и тѣмъ болѣе росло вліяніе тѣхъ тайныхъ рабочихъ обществъ, которыя ставили себѣ цѣлью *не непосредственное возстаніе, а организацію силъ рабочаго класса и развитіе его самосознанія* И чѣмъ больше росло вліяніе рабочихъ обществъ *этого рода*, тѣмъ неустойчивѣе становилось положеніе существовавшаго тогда во Франціи политическаго порядка, тѣмъ быстрѣе приближалась та революція, къ которой такъ усердно и такъ безуспѣшно стремились самоотверженные, но неразумные алхимики революціоннаго дѣла. Тѣ пріемы борьбы и та тактика, на которые эти алхимики смотрѣли, какъ на измѣну революціи, на самомъ дѣлѣ составляли необходимое условіе ея торжества.

Итакъ, на первыхъ ступеняхъ политическаго развитія пролетаріата, самокритика необходима ему въ особенности для того, чтобы понять слабыя стороны интеллигентской тактики. Чѣмъ скорѣе обнаруживается передъ нимъ ея несостоятельность, тѣмъ болѣе приближается онъ къ побѣдѣ.

Событія того года, который протекъ со времени пріобрѣтенія россійскими гражданами ихъ своеобразной конституціи, дали чрезвычайно много матеріала для сужденія о томъ, въ какой мѣрѣ соотвѣтствовала у насъ положенію дѣлъ тактика людей, являвшихся представителями интересовъ пролетаріата. Въ сторону такого сужденія и должна быть направлена у насъ *пролетарская самокритика.*

Главная отличительная черта тактики нашихъ „интеллигентныхъ“ руководителей пролетаріата состояла въ томъ, что она далеко не соотвѣтствовала силамъ, находившимся въ ихъ распоряженіи. Она цѣликомъ основывалась на страшномъ, невѣроятномъ преувеличеніи этихъ силъ. Въ цитированной выше книгѣ Марксъ говоритъ, характеризуя французскую демократическую партію: „Никакая партія не преувеличивала въ такой мѣрѣ своихъ средствъ, какъ партія демократическая, и никакая другая партія не обольщала себя столь легкомысленно относительно своего настоящаго положенія, какъ она. Когда часть арміи подала за нее свои го-

лось, Гора уже вообразила, чте армія поднимается за нее на мятежъ“. Къ сожалѣнію, теперь приходится сказать, что въ продолженіе истекшаго года никакая партія не преувеличивала въ такой мѣрѣ своихъ средствъ, какъ та, которая стояла на точкѣ зрѣнія интересовъ рабочаго класса. Интересно, что даже по отношенію *къ арміи* она, насколько это зависѣло отъ нея, повторила печальную ошибку старыхъ французскихъ демократовъ. На этотъ счетъ я могъ бы привести немало поучительныхъ примѣровъ; но я предполагаю ихъ извѣстными, а кто ихъ не знаетъ, тому я рекомендую книгу *„Москва въ декабрѣ 1905 г.“* (Москва. 1906 г.): она какъ нельзя лучше удовлетворитъ его любопытство. Я не стану заниматься здѣсь вопросомъ о томъ, почему россійскіе *соціалъ*-демократы,—по крайней мѣрѣ, въ лицѣ *нѣкоторой своей части*,—повторили ошибки французскихъ *буржуазныхъ* демократовъ конца сороковыхъ годовъ. Это завело бы меня слишкомъ далеко. Я только скажу, что и тамъ, и тутъ, и въ средѣ французскихъ *буржуазныхъ* демократовъ указаннаго времени, и въ средѣ россійской *соціальной* демократіи, задавала тонъ *интеллигенція*, и что въ этомъ обстоятельствѣ и надо искать отвѣта на вопросъ о томъ, почему произошло то, чего ожидать, казалось бы, вовсе не слѣдовало, т. е. почему россійскіе соціалъ-демократы отчасти уподобились французскимъ буржуазнымъ демократамъ. Но пояснять это, распространяться объ этомъ мнѣ здѣсь невозможно, да и нѣтъ нужды. Для моей цѣли достаточно выяснить себѣ, чѣмъ обусловливался только что отмѣченный мною коренной недостатокъ тактики нашихъ соціалъ-демократическихъ интеллигентовъ. И тутъ я долженъ вернуться къ психологіи такъ мѣтко характеризованныхъ Энгельсомъ французскихъ офицеровъ уличныхъ возстаній. Напомню читателю мимоходомъ, что это была тоже психологія интеллигенціи по преимуществу, хотя между „офицерами“ было много рабочихъ.

Мы уже знаемъ, что эти люди стремились „опередить революціонный процессъ развитія, вызвать въ немъ искусственный кризисъ, сдѣлать революцію въ такое время, когда еще не было на лицо необходимыхъ для нея условій“. Но кто стремится опередить революціонный процессъ развитія, тотъ естественно настраиваетъ себя такъ, что лишается способности правильно оцѣнить значеніе совершающихся передъ его глазами событій. Онъ теря-

етъ политическій „глазомѣръ“ и принимаетъ за *окончаніе процесса* развитія то, что на самомъ дѣлѣ является *одной изъ промежуточныхъ его фазъ.* А кто теряетъ политическій глазомѣръ, тотъ опять-таки весьма естественно склоняется къ преувеличенію своихъ силъ и средствъ.

Какъ происходитъ это въ дѣйствительности, наглядно показываетъ исторія истекающаго года. Очень многіе изъ нашихъ соціалъ-демократовъ считали, какъ извѣстно, нужнымъ „бойкотировать“ Думу. Какъ же защищали они свою точку зрѣнія? Чтобы показать это, я сошлюсь на „большевика“ П. Орловскаго, на котораго мнѣ однажды уже приходилось ссылаться.

П. Орловскій напечаталъ въ „Нашей мысли“ статью „Государственная Дума“, рѣзко критикуя тотъ законъ, на основаніи котораго Дума созывалась. У него выходило такъ, что разъ этотъ законъ неудовлетворителенъ, то не слѣдуетъ участвовать въ выборахъ. И чтобы пояснить это, онъ утверждалъ, что народъ требовалъ „созыва Учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права“, а ему отвѣтили сначала закономъ 6 августа, а потомъ очень мало измѣнившимъ дѣло закономъ 11-го декабря. На эту аргументацію П. Орловскаго я еще въ февралѣ 1906 года возражалъ слѣдующимъ образомъ.

„Если-бы это было такъ, то наше участіе въ выборахъ, въ самомъ дѣлѣ. было бы совершенно излишне и даже очень вредно. Тогда можно было бы только удивляться тому, что народъ, требовавшій Учредительнаго собранія, принимаетъ участіе въ выборахъ въ Думу. *Но вѣдь это не такъ.* П. Орловскій принимаетъ *свое желаніе за дѣйствительность.* Онъ хотѣлъ бы, чтобы весь народъ требовалъ Учредительнаго собранія, и ему начинаетъ казаться, что весь народъ въ самомъ дѣлѣ его требовалъ. Это *психологическая аберрація.* И на этой-то психологической аберраціи строится тактика бойкота выборовъ. Судите же сами, можетъ ли быть правильнымъ политическое дѣйствіе, основанное на психологической аберраціи.

„Въ дѣйствительности, Учредительнаго собранія требовалъ далеко не весь народъ... И наша реакціонная бюрократія дѣлаетъ все отъ нея зависящее для того, чтобы заставить народъ потребовать Учредительнаго собранія. И въ народѣ все больше

и больше развивается настроеніе, изъ котораго можетъ выйти такое требованіе. Но именно только *развивается*. Это цѣлый процессъ, и мы еще не въ концѣ его: мы даже, пожалуй, еще не въ серединѣ, но мы можемъ значительно ускорить его своими дѣйствіями, къ числу которыхъ принадлежитъ и участіе въ выборахъ"......

Я беру эти строки изъ своей статьи о выборахъ въ Думу. Когда появилась эта статья, она вызвала цѣлый взрывъ негодованія среди единомышленниковъ П. Орловскаго и,—это само собой разумѣется,—среди нашихъ „эсъ-эровъ", имѣющихъ со мною очень-очень старые литературные счеты. Одинъ „эсъ-эровскій" публицистъ,—у котораго еще не зажилъ рубецъ отъ раны, нанесенной ему мною въ спорѣ объ аграрномъ вопросѣ,—ехидно обозвалъ меня *кадетообразнымъ* соціалъ-демократомъ. По свойственной мнѣ кротости, я совсѣмъ не отозвался на эту послѣднюю выходку, заранѣе хорошо зная, что время съ неотразимой ясностью обнаружитъ полную справедливость моихъ словъ. И оно, въ самомъ дѣлѣ, обнаружило ее съ неотразимой ясностью.

Я уже не говорю о томъ, что весною нынѣшняго года правильность моего отрицательнаго взгляда на „бойкотъ" была признана верховной инстанціей россійской пролетарской партіи: приговоръ этой инстанціи кажется мало убѣдительнымъ единомышленникамъ П. Орловскаго: еще менѣе убѣдителенъ онъ,—какъ это само собою разумѣется,—для гг. „эсъ-эровъ". Но у меня есть другое, хотя и косвенное признаніе. Передо мною лежитъ брошюра „*Роспускъ Думы и задачи пролетаріата*", вышедшая изъ подъ пера самыхъ „твердокаменныхъ большевиковъ". И въ этой брошюрѣ я, къ удовольствію своему, нахожу слѣдующія весьма значительныя строки: „Народъ, т. е. широкія массы населенія, еще не доросъ въ массѣ своей до сознательной революціонности къ 1906-му году. Сознаніе невыносимости самодержавія стало всеобщимъ, сознаніе негодности правительства чиновниковъ—тоже, сознаніе необходимости народнаго представительства—тоже. Но непримиримости старой власти *съ властнымъ* народнымъ представительствомъ народъ еще не могъ сознать и прочувствовать. Ему нуженъ еще былъ, какъ оказалось, особый для этого опытъ кадетской Думы". *)

---

*) Назв. брошюра, стр. 2, 3.

И такъ „*оказалось*“, что народу былъ нуженъ опытъ кадетской Думы. А если опытъ этотъ былъ нуженъ, то представители пролетаріата должны были принять въ немъ участіе. А если они должны были принять въ немъ участіе, то имъ не слѣдовало „бойкотировать“ Думу. А если имъ не слѣдовало „бойкотировать“ Думу, то не правъ былъ П. Орловскій, совѣтовавшій „бойкотировать“ ее, и правъ былъ я, находившій „бойкотъ“ большой политической ошибкой. Наконецъ, если не правъ былъ П. Орловскій, а правъ былъ я, то справедливо было бы сознаться теперь: „*оказалось*“, что мы напрасно нападали на г. Плеханова: но „оказалось“, что авторъ цитируемой мною брошюры не захотѣлъ признаться въ этомъ. Даже больше того: онъ не только умолчалъ объ этомъ, но имѣлъ развязность утверждать, что правы были „большевики“, единомышленники П. Орловскаго. А меня онъ отнесъ къ числу „не очень стойкихъ соціалъ-демократовъ“. Я не могу рѣшить, чего собственно недостаетъ этому, очевидно „стойкому“ человѣку: логики или чего другого.

Когда я высказывалъ ту мысль,—бывшую, какъ „оказалось“ справедливой,—что бойкотъ Думы составляетъ политическую ошибку, я опирался, главнымъ образомъ, на то соображеніе, что самымъ надежнымъ учителемъ массы является ея собственный опытъ, котораго никогда не замѣнятъ никакія прокламаціи и никакія резолюціи. Я говорилъ, что убѣжденіе въ преобладающемъ значеніи опыта для дѣла политическаго воспитанія массы, въ свою очередь, опирается на матеріалистическое объясненіе исторіи, основное положеніе котораго гласитъ: не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. Въ своей полемикѣ съ единомышленниками П. Орловскаго, я не разъ повторялъ этотъ главный свой доводъ и, когда я повторялъ его, я зналъ, что въ этомъ случаѣ я остаюсь вѣрнымъ духу научнаго соціализма. Но въ то время у меня все-таки не было *осязательнаго* доказательства того, что я дѣйствительно вѣренъ ему. Теперь у меня есть такое доказательство:

Въ только-что вышедшей книгѣ „Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u A. an F. A. Sorge und Andere“, вообще содержащей въ себѣ много чрезвычайно интереснаго матеріала, находится нѣсколько писемъ Энгельса, имѣющихъ прямое отношеніе

къ соціалъ-демократической тактикѣ. И я съ удовольствіемъ вижу, что Энгельсъ говорилъ объ этой тактикѣ почти тѣми же самыми словами, какими говорилъ о нихъ я въ своемъ спорѣ съ большевиками. Вотъ, напримѣръ, что писалъ Энгельсъ въ январѣ 1887 года г-жѣ Вишневецкой,—американкѣ, вышедшей замужъ за русскаго эмигранта и переведшей на англійскій языкъ знаменитую книгу „Die Lage den arbeitenden Klassen in England",—о тогдашнемъ движеніи американскаго пролетаріата:

,,Американское движеніе, особенно въ настоящій моментъ, лучше всего видно съ другого берега океана *). На мѣстѣ его размѣры скрадываются личными дрязгами и мѣстными распрями. Его ростъ можетъ быть задержанъ только упроченіемъ **) разногласій въ видѣ сектъ. До извѣстной степени это неизбѣжно, но чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. И нѣмцы***) должны, какъ можно больше, избѣгать этого. Наша теорія есть ученіе о развитіи, а не догма, которую можно выучить наизусть и повторять механически. (Our theory is a theory of evolution, not a dogma to be bornt, by heort and to be repeated mechanically). Чѣмъ меньше она будетъ навязываться американцамъ извнѣ, и чѣмъ болѣе они испробуютъ ее на собственномъ опытѣ,—при содѣйствіи со стороны нѣмцевъ,—тѣмъ глубже она войдетъ имъ въ плоть и кровь. Когда мы весною 1848-го года вернулись въ Германію, мы примкнули къ демократической партіи, видя въ этомъ единственное средство пріобрѣсти вліяніе на рабочій классъ (as the only possible means of gaining the ear of the working class); мы были самымъ передовымъ крыломъ этой партіи, но все-таки ея крыломъ. Когда Марксъ основывалъ Интернаціоналъ, онъ формулировалъ основныя положенія его устава такимъ образомъ, что всѣ рабочіе соціалисты (all working class socialists) того пері-

---

*) У насъ,—да и не только у насъ,—многіе думаютъ, что ясность политическаго взгляда уменьшается вмѣстѣ съ ростомъ географическихъ разстояній. Какъ видно, Энгельсъ не раздѣлялъ этого взгляда, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ тогдашней Америкѣ.

**) Consolidation: письмо писано по-англійски.

***) Unter dem Beistand der Deutchen: здѣсь нѣсколько строкъ написано по-нѣмецки. Говоря о нѣмцахъ, Энгельсъ имѣетъ въ виду нѣмецкихъ иммигрантовъ—соціалъ-демократовъ, которые пытались вести въ Америкѣ соціалъ-демократическую пропаганду, но имѣли тогда мало успѣха именно потому, что плохо понимали важное значеніе опыта въ дѣлѣ воспитанія массъ. Въ своихъ письмахъ Энгельсъ не разъ съ упрекомъ ставилъ имъ на видъ это ихъ непониманіе.

ода могли на нихъ объединиться, послѣдователи Прудона, Пьера Леру и даже болѣе передовая часть англійскихъ трэдъ-юньоновъ; и только благодаря такой широтѣ формулировки, Интернаціоналъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ: средствомъ разложенія и поглощенія всѣхъ этихъ маленькихъ сектъ, за исключеніемъ анархистовъ. внезапное выступленіе которыхъ въ различныхъ странахъ было лишь слѣдствіемъ сильной буржуазной реакціи послѣ Коммуны... Гдѣ мы были бы теперь, если-бы въ промежутокъ времени отъ 1864 до 1873 года мы шли только съ тѣми, которые открыто признавали нашу программу? Я думаю, вся наша практическая дѣятельность доказала, что мы можемъ итти вмѣстѣ съ общимъ движеніемъ рабочаго класса въ каждой точкѣ его пути, не покидая при этомъ нашей особенной позиціи, не разрушая нашей организаціи и не скрывая ее. И я боюсь, что наши нѣмецкіе американцы сдѣлаютъ большую ошибку, поступая иначе“*).

Въ письмѣ отъ 9-го февраля того же года Энгельсъ говоритъ той же г-жѣ Вишневецкой: „Неосновательно то ваше опасеніе, что въ своемъ взглядѣ на американское движеніе я слишкомъ подчинился вліянію Эвелинга **). Разъ возникло національное движеніе американскаго рабочаго класса, независимое отъ нѣмецкаго, моя точка зрѣнія была предписана мнѣ фактами. Это великое національное движеніе, каковъ бы ни былъ его первоначальный видъ, есть дѣйствительная точка исхода въ развитіи американскаго рабочаго класса; если нѣмцы войдутъ въ него, чтобы помогать ему или чтобы ускорять его движеніе въ надлежащемъ направленіи, то они могутъ сдѣлать хорошее дѣло и сыграть рѣшающую роль; если же станутъ держаться отдѣльно, то превратятся въ догматическую секту (a dogmatic sect) и будутъ отодвинуты въ сторону, какъ люди, не понимающіе своихъ собственныхъ принциповъ (as people who do not understand their own principles). Г-жа Эвелингъ ***), видѣвшая, какъ дѣйствовалъ ея отецъ, прекрасно поняла это съ самаго начала, и если Эвелингъ тоже понялъ это, то тѣмъ лучше. И всѣ мои письма въ

---

*) Назв. соч., стр. 248—249.

**) Эдуарда Эвелинга, только что вернувшагося тогда изъ путешествія по Америкѣ и рѣшительно осуждавшаго тамошнюю тактику „нѣмецкихъ американцевъ“.

***) Жена Эдуарда Эвелинга. Элеонора, младшая дочь Маркса.

Америку: къ Зорге, къ вамъ, къ Эвелингамъ, съ самаго начала, постоянно и постоянно повторяли этотъ взглядъ“ *).

Въ іюнѣ того же года, въ письмѣ къ Зорге, Энгельсъ пишетъ: „die Massen lernen, aber nur durch die Folgen ihrer eigenen Böcke“ (массы учатся только благодаря послѣдствіямъ ихъ собственныхъ ошибокъ) **).

Я могъ бы привести еще нѣсколько подобныхъ цитатъ, но уже и тѣ выписки, которыя сдѣланы мною, съ неотразимою ясностью показываютъ, какъ хорошо умѣлъ Фридрихъ Энгельсъ примѣнять къ рѣшенію тактическихъ вопросовъ ту соціологическую теорему, что не мышленіе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою мышленіе. „Массы учатся только благодаря послѣдствіямъ ихъ собственныхъ ошибокъ,“—въ этомъ весь марксизмъ въ его примѣненіи къ тактикѣ. Альтернатива, передъ которой стояли, по словамъ Энгельса, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка „нѣмецкіе американцы“, была, какъ двѣ капли воды, похожа на ту, передъ которой стояли наши соціалъ-демократы при началѣ нашего конституціоннаго движенія ***): или они войдутъ въ него, чтобы ускорять развитіе въ надлежащемъ направленіи, и тѣмъ сдѣлаютъ хорошее дѣло и сыграютъ рѣшающую роль; или же они, во имя своихъ доктринерскихъ „лозунговъ“, станутъ держаться отдѣльно и, превратившись въ догматическую секту, будутъ отодвинуты исторіей въ сторону, какъ люди, не понимающіе своихъ собственныхъ принциповъ. Споръ о томъ, „бойкотировать“ Думу или „не бойкотировать“, сводился къ вопросу о томъ, на что слѣдуетъ рѣшиться въ виду указанной альтернативы: принять ли участіе въ конституціонномъ движеніи народной массы или же повернуться къ нему спиною, объявивъ, — какъ это сдѣлалъ Ленинъ весною 1906 года,— что Дума стоитъ не на большой дорогѣ нашего освободительнаго движенія. Наши идеологи пролетаріата—въ своемъ тогдашнемъ большинствѣ—предпочли повернуться спиною къ движенію того самаго народа, который они хотѣли увѣрить въ превосходствѣ своихъ политическихъ „лозунговъ“. Этимъ они дали печальное

---

*) Назв. соч., стр. 250—251.

**) Назв. соч., стр. 272.

***) Объ „эсъ-эрахъ“ я молчу: тѣ всегда путаютъ,—это ужъ такъ самимъ Богомъ устроено, и вольтерьянцы напрасно противъ этого говорятъ.

доказательство того, что „не понимаютъ своихъ собственныхъ принциповъ“. Они вѣрили въ чудодѣйственную силу своихъ „лозунговъ“ и не подозрѣвали, что признаніе народной массой справедливости этихъ „лозунговъ“ можетъ явиться только „послѣдствіемъ этихъ ошибокъ“, т.-е. ея собственнаго политическаго опыта.

До какой степени эти идеологи повторяли ошибку французскихъ буржуазныхъ демократовъ, т.-е. преувеличивали свои силы, хорошо видно изъ того, какъ отнеслись многіе изъ нихъ къ пресловутой „черной сотнѣ“. Они горѣли нетерпѣніемъ вступить съ нею въ бой, отразить ея насилія силой. И въ этомъ, разумѣется, не было ровно ничего дурного. Напротивъ, энергичный отпоръ черной сотнѣ, тамъ, гдѣ онъ могъ принять значительные размѣры, какъ это было, напримѣръ, въ Петербургѣ,—спасалъ честь россійскаго пролетаріата. Но, организуя отпоръ черной сотнѣ, слѣдовало спросить себя, изъ какихъ общественныхъ элементовъ она составляется. При мало-мальски внимательномъ отношеніи къ предмету, немедленно выяснилось бы, что она состоитъ не только изъ лицъ, матеріально заинтересованныхъ въ сохраненіи безправія, но также и изъ лицъ, *по своему*, на свой дикій „манеръ“, возстающихъ противъ нашего стараго порядка.

Такими были безсознательные рабочіе, особенно чернорабочіе. Уже въ началѣ нашей „конституціонной“ эры я отмѣтилъ въ одной изъ своихъ статей то, въ высшей степени важное, обстоятельство, что нѣкоторыя черносотенныя прокламаціи призывали народъ *„бить баръ“*. Ихъ авторы недурно знаютъ психологію темныхъ слоевъ нашего населенія. И если они, заклятые враги всякой демократіи, нашли нужнымъ подстрекать народъ противъ баръ, то это показываетъ, что въ числѣ людей, шедшихъ за ними, было много такихъ, которые сами не чужды были демократическихъ стремленій. Эти стремленія принимали у нихъ совершенно *нелѣпый, звѣрскій видъ;* но они, несомнѣнно, были, и идеологи пролетаріата могли и должны были опереться на нихъ въ своей борьбѣ съ развращающимъ вліяніемъ на этихъ людей черной сотни. Нужно было только *внести свѣтъ сознанія въ темныя головы* черносотенцевъ-демократовъ, чернорабочихъ, своими дѣйствіями протестовавшихъ противъ своего порабощенія, но не умѣвшихъ разобраться въ томъ, *кто ихъ врагъ, и кто другъ.* Попытки такого рода

дѣлались не одинъ разъ. И почти каждый разъ, когда онѣ дѣлались, онѣ увѣнчивались блестящимъ, часто невѣроятнымъ успѣхомъ. Иногда происходили поистинѣ чудеса, похожія на евангельскія: слѣпые вдругъ становились зрячими. И именно потому, что такія чудеса были возможны, необходимо было систематизировать просвѣтительное воздѣйствіе сознательнаго пролетаріата на черную сотню. Въ этомъ состояла одна изъ самыхъ важныхъ практическихъ задачъ пролетарской партіи въ то время, когда скончался нашъ свирѣпый „старый порядокъ“, и когда его еще болѣе свирѣпая дочь „конституція“ стала апеллировать къ народу, направляя его на „измѣнниковъ“, „жидовъ“, „демократовъ“ и т. п. Эта чрезвычайно важная практическая задача, къ сожалѣнію, не была рѣшена во всей ея полнотѣ. А не была она рѣшена потому, что далеко не всѣ идеологи пролетаріата понимали всю ея важность. Они преувеличивали силы, находившіяся въ ихъ распоряженіи, и полагали, что однихъ этихъ силъ вполнѣ достаточно для осуществленія ихъ крайнихъ политическихъ „лозунговъ“.

То же—и съ профессіональными союзами. Организація профессіональныхъ союзовъ означаетъ организацію силъ пролетаріата. Такая организація необходима вездѣ, особенно же необходима она у насъ въ Россіи, гдѣ пролетаріатъ несетъ на своихъ плечахъ,—если не исключительно, то въ ея большей части,—тяжесть освободительнаго движенія. Чѣмъ многочисленнѣе будутъ профессіональныя организаціи, создающіяся въ процессѣ этого движенія, тѣмъ сильнѣе сдѣлаются тѣ позиціи, которыя займетъ пролетаріатъ въ обновленномъ обществѣ, избавившемся отъ пережитковъ „добраго стараго времени“. Правда, на пути къ созданію профессіональныхъ союзовъ стояло много полицейскихъ рогатокъ; но, сталкиваясь съ ними, пролетаріатъ все болѣе и болѣе убѣждался бы въ необходимости ихъ полнаго разрушенія и тѣмъ самымъ расширялъ бы свой политическій кругозоръ, углублялъ бы свое классовое сознаніе, пріобрѣталъ бы ясное пониманіе связи между экономикой, съ одной стороны, и политикой, съ другой. Организація профессіональныхъ союзовъ, безъ всякаго сомнѣнія, тоже принадлежала къ числу первостепенныхъ практическихъ задачъ, поставленныхъ передъ идеологами пролетаріата октябремъ прошлаго года. Я не скажу, что идеологи пролетаріата пренебрегли этой задачей. Нѣтъ! Они кое-что сдѣлали для ея рѣшенія. Но они не сдѣлали

всего того, что они могли и должны были сдѣлать въ интересахъ рабочаго класса въ частности и всего нашего освободительнаго движенія вообще. Большинству ихъ было не до того: они лихорадочно спѣшили *опередить революціонный процессъ развитія*; они находили нужнымъ предварительно осуществить свои политическіе „лозунги". Имъ и въ голову не приходило, что осуществленіе этихъ лозунговъ *предполагаетъ* осуществленіе цѣлаго ряда *предварительныхъ условій*, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ организація силъ пролетаріата и воздѣйствіе его организованныхъ,—т.-е., стало быть, болѣе или менѣе сознательныхъ,—силъ на его безсознательный слой, поддающійся вліянію черносотенныхъ агитаторовъ. Работа надъ организаціей профессіональныхъ союзовъ многимъ казалась скучной *прозой*, ненужной и неумѣстной тогда, когда для нихъ стала,—какъ думали они,—легко доступной *поэзія* немедленной и полной побѣды надъ рыцарями кнута, палки и... погромовъ.

Когда я печатно указалъ на то, какъ важна теперь профессіональная проза, я получилъ отъ своихъ читателей немало писемъ, въ которыхъ на разные лады и съ большею или меньшею строгостью повторялся одинъ и тотъ же припѣвъ: *намъ теперь не до профессіональныхъ союзовъ*. Дальнѣйшія событія показали, какъ неправы были мои болѣе или менѣе поэтическіе и строгіе корреспонденты. Я вовсе не хочу доходить ихъ теперь съ ихъ ошибкой. Но я считаю полезнымъ отмѣтить, что ихъ ошибка тоже обусловливалась стремленіемъ опередить революціонный процессъ развитія, страшнымъ преувеличеніемъ своихъ собственныхъ силъ.

Еще большіе размѣры принимало это стремленіе и это преувеличеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходила о пріемахъ *непосредственной* борьбы со старымъ порядкомъ. Одинъ изъ подсудимыхъ по дѣлу Совѣта рабочихъ депутатовъ, Бронштейнъ-Троцкій, сказалъ, поясняя смыслъ резолюціи о вооруженномъ возстаніи, принятой въ засѣданіи Совѣта 28-го ноября 1905 года:

„...Думалъ ли этотъ самый Совѣтъ, что готовиться къ вооруженному возстанію, это значитъ—заготовить запасы оружія, разбить городъ на кварталы, сдѣлать все то, что дѣлаютъ военныя власти, когда они ожидаютъ какихъ-либо безпорядковъ?"

„Нѣтъ!"

„Готовиться къ вооруженному возстанію, по нашему мнѣнію,

значитъ пропитывать сознаніе народныхъ массъ убѣжденіемъ, что конфликтъ неизбѣженъ,—что только сплоченной силой возможно достигнуть побѣды, что наступитъ рѣшительный моментъ, когда необходимо будетъ дать отпоръ старому правительству.

„Вотъ сущность подготовки вооруженнаго возстанія...

„Представленіе революціи неразрывно связано съ баррикадами. Но даже баррикады имѣютъ чисто моральное значеніе. Они служатъ для того, чтобы сплотить революціонную массу, вселить въ нее готовность къ смерти и тѣмъ обезпечить побѣду.

„Возстаніе подготовлено, когда народъ готовъ умирать за будущее благо“ *).

Теоретически вопросъ совсѣмъ не исчерпанъ этими словами Бронштейнъ-Троцкаго. Можно, не безъ основанія, утверждать даже, что они вносятъ въ нихъ нѣкоторый новый элементъ ошибки. Изъ нихъ какъ-будто выходитъ, что для паденія іерихонскихъ стѣнъ достаточно одного трубнаго звука. Но „по нонѣшнему времени“ этотъ элементъ ошибки положительно ничтоженъ въ сравненіи съ ошибкой тѣхъ людей, которые такъ понимаютъ возстаніе, какъ понимали его упомянутые мною выше французскіе заговорщики и упоминаемые Троцкимъ карбонаріи,—тѣхъ людей, которые помѣшались на революціонной „техникѣ“ и стремятся, въ самомъ дѣлѣ „разбивать городъ на кварталы“ и совершать все то, что совершаютъ власти, когда онѣ ожидаютъ какихъ-либо безпорядковъ. Такіе люди являются уже настоящими алхимиками революціи, а такихъ людей въ 1906 году было у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много. Воспитанные въ сумракѣ революціонной кружковщины, до мозга костей пропитанные застарѣлыми кружковыми предразсудками, совершенно не понимающіе той „теоріи эволюціи“, подъ которой они становятся, неизмѣнно и неустанно превращающіе эту *„теорію эволюціи“* въ *догму*, заучиваемую ими наизусть,—эти люди роковымъ образомъ осуждены на то, чтобы, идя въ одну комнату, попадать въ другую. Многіе изъ нихъ совершенно искренно преданны пролетаріату, но они органически неспособны понять ту тактику, которая предписывается пролетаріату всѣмъ его общественнымъ положеніемъ. Они представляютъ собою не будущее движеніе, а прошлое его; они

*) Цитирую по отчету о процессѣ, данному „Товарищемъ“.

не помогаютъ пролетаріату въ его борьбѣ за лучшее будущее. а затрудняютъ это борьбу...

И эти люди, какъ видно, совершенно неисправимы. Вотъ интересный образчикъ ихъ политическаго глубокомыслія.

Читатель не забылъ, надѣюсь, признанія, сдѣланнаго авторомъ брошюры „Роспускъ Думы и задачи пролетаріата". Этотъ авторъ самъ говоритъ, что народу *еще нуженъ былъ*, „какъ оказалось", *опытъ кадетской Думы.* Но это признаніе „ни на-столько" не поколебало его убѣжденія въ правильности тактическихъ взглядовъ бывшихъ „большевиковъ". Онъ и теперь считаетъ возможнымъ, что событія потребуютъ отъ него и его единомышленниковъ „назначенія времени выступленія". Онъ скромно прибавляетъ: „Если-бы это оказалось такъ, то мы совѣтовали бы назначить всероссійское выступленіе, забастовку и возстаніе къ концу лѣта или къ началу осени, къ серединѣ или къ концу августа"*). Его брошюра написана, по его собственному заявленію, *въ іюлѣ*: въ промежутокъ между роспускомъ Думы и свеаборгскимъ возстаніемъ. Я пишу о ней *въ октябрѣ* и не могу удержаться отъ улыбки состраданія, перечитывая совѣтъ назначить всероссійское выступленіе къ серединѣ или концу августа. Покойный Энгельсъ очень удивился бы, увидѣвъ, что подобные совѣты могутъ давать люди, „пережившіе двѣнадцатилѣтній возрастъ". Люди, способные давать такіе совѣты, останутся политическими младенцами, хотя-бы они прожили маѳусаиловы годы. Но къ голосу этихъ младенцевъ прислушивались и не перестали прислушиваться до сихъ поръ; за ними идетъ не малая часть нашего сознательнаго пролетаріата. А это уже не смѣхъ, а горе!

Почему авторъ брошюры „Роспускъ Думы" полагалъ... въ іюлѣ, что выступленіе возможно „къ серединѣ или концу августа"? Потому что, по его мнѣнію, „въ сознаніе самаго темнаго мужика стучится теперь обухомъ вбитая мысль: ни къ чему Дума, *если нѣтъ власти у народа*" **). Онъ убѣжденъ, что политическое воспитаніе „самаго темнаго мужика" уже закончено, что одного факта роспуска первой Думы достаточно было для того, чтобы внести въ совершенно неразвитую голову такого мужика яркій свѣтъ политическаго сознанія. На этомъ убѣжденіи и основывается

*) Стр. 15.
**) Стр. 5—6.

его изумительное „къ серединѣ или концу августа“. *Въ немъ все дѣло.* Если-бы въ сознаніе самаго темнаго мужика, въ самомъ дѣлѣ, „стучалось“ то, что слышится автору брошюры, то и въ самомъ дѣлѣ было бы ненужно,—потому что было бы слишкомъ поздно,—толковать о Думѣ. Тогда слѣдовало бы совершенно *отвергнуть ее, какъ уже превзойденную ступень.* Но на самомъ дѣлѣ этого, конечно, нѣтъ и быть не могло. Нашъ авторъ повторяетъ ту самую ошибку, которую сдѣлалъ когда-то его единомышленникъ, П. Орловскій, и которую онъ самъ, этотъ нашъ изумительно легкомысленный авторъ, вынужденъ былъ, „какъ оказалось“, признать ошибкой. Теперь, „какъ оказалось“, жизнь объявила смѣшной, ребяческой ошибкой его собственное „къ серединѣ или концу августа“. Но онъ, разумѣется, не смущается этимъ. Вмѣсто августа онъ, навѣрно, поставилъ теперь какой-нибудь другой мѣсяцъ и продолжаетъ, какъ дятелъ, упорно долбить свой коротенькій „лозунгъ“. Этотъ алхимикъ революціи не можетъ не стремиться къ ускоренію общественнаго процесса развитія: вѣдь, онъ совершенно не понимаетъ его хода.

И, замѣтьте, какъ странно, какъ неуклюже формулировалъ онъ главный доводъ, на которомъ основано „къ серединѣ или концу августа“: „въ сознаніе самаго темнаго мужика стучится теперь обухомъ вбитая мысль: ни къ чему Дума“ и т. д. Но вбитая топоромъ мысль, очевидно, *крѣпко вбита.* А между тѣмъ, „какъ оказалось“, она еще только „стучится“, т. е., стало быть, *еще вовсе не вбита.* А если она *еще не вбита*, то, стало быть, народное воспитаніе *еще не закончено*, и тогда „къ серединѣ или концу августа“ выходитъ совершенно нелѣпымъ даже съ точки зрѣнія собственнаго разсужденія нашего автора. Но, повторяю, его не смутишь этимъ; онъ упрямо долбитъ свое, повергая наивныхъ людей въ изумленіе „твердостью“ своего характера. Его позиція неизмѣнна. Онъ вѣренъ себѣ, какъ баронъ фонъ-Гринвальюсъ у Козьмы Пруткова:

„Бароны воюютъ,
Бароны пируютъ:
Баронъ фонъ-Гринвальюсъ,
Сей доблестный рыцарь,
Все въ той же позицьи,
На камнѣ сидитъ...“

И пусть онъ сидѣлъ себѣ на камнѣ: это для него самая подходящая „позицья", но наивные люди, поражающіеся твердостью его характера, берутъ его ребяческіе „лозунги" въ серьезъ. Правда, это тоже еще только полъ-бѣды. Чего и ждать отъ наивныхъ людей? Бѣда въ томъ, что наивные люди вліяютъ на нѣкоторую часть пролетаріата. Подчиняясь вліянію людей этого рода, рабочіе тѣмъ самымъ доказываютъ, что они еще не сознательные рабочіе, т. е., что они еще не поняли тѣхъ условій, наличность которыхъ необходима для рѣшенія пролетаріатомъ своей политической задачи. Для русскаго рабочаго нашихъ дней *насмѣшливое отношеніе къ заговорщическимъ наивностямъ есть начало всякой премудрости.*

Что въ продолженіе 1906-го года идеологи пролетаріата нерѣдко увлекались такими „выступленіями", которыя были неумѣстны и потому вредны при данномъ соотношеніи общественныхъ силъ, это въ настоящее время едва-ли нужно доказывать: убѣжденіе въ этомъ распространяется теперь такъ сильно въ рядахъ названныхъ идеологовъ, — по крайней мѣрѣ, нѣкоторой, болѣе разумной, ихъ части, — что можно опасаться, какъ-бы они, по нашему исконному обычаю, не ударились *въ противоположную крайность*, т. е. какъ-бы они не начали относить на счетъ заговорщическихъ иллюзій такія политическія требованія, которыя подсказываются самимъ голосомъ жизни. Но странное дѣло: несмотря на эту естественную реакцію, даже здравомыслящіе люди до сихъ поръ избѣгаютъ подчасъ говорить рѣшительно тамъ, гдѣ рѣшительно говорить необходимо. Вотъ напримѣръ, что читаемъ мы въ концѣ уже упомянутой мною выше книги: *„Москва въ декабрѣ 1905 года"*:

„Декабрьское выступленіе пролетаріата, которому лишь пассивно сочувствовала масса буржуазнаго населенія, выступленіе за свои собственные лозунги не могло быть поддержано арміей, и потому „стремленіе перевести всеобщую забастовку въ вооруженное возстаніе" не могло увѣнчаться успѣхомъ и должно быть признано исторической ошибкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ декабрьскіе дни показали, что каждая побѣда надъ народомъ, одержанная старымъ режимомъ, уменьшаетъ его силы и увеличиваетъ кадры борцовъ съ нимъ, и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, ведетъ

къ торжеству народа, къ гибели проклятаго строя насилія и гнета, нищеты и безправія".

Здѣсь не сведены концы съ концами. Если „историческая ошибка", совершенная въ Москвѣ въ декабрѣ прошлаго года, уменьшила силы стараго режима и увеличила кадры борцовъ съ нимъ, то какая же это ошибка? А съ другой сторони, данныя, въ изобиліи собранныя въ той же книгѣ, какъ нельзя болѣе, убѣдительно доказываютъ, что это была, въ самомъ дѣлѣ, ошибка. Какъ же тутъ разобраться? Этого ни откуда не видно. Авторы ничего не говорятъ объ этомъ. А между тѣмъ, дѣло ясно. Ошибка *враговъ* стараго режима вызвала цѣлый рядъ ошибокъ со стороны защитниковъ этого режима. Эти послѣдніе своимъ кровожаднымъ варварствомъ вызвали почти всеобщее неудовольствіе, и этимъ отчасти поправили дѣло. Но кровожадные варвары, навѣрно, остались бы кровожадными варварами даже и въ томъ случаѣ, если-бы московскіе враги стараго порядка не совершили своей исторической ошибки. И, конечно, кровожадные варвары не воздержались бы и въ этомъ случаѣ отъ *обнаруженія* своего варварства: воздержность, какъ извѣстно, совсѣмъ не принадлежитъ къ числу ихъ добродѣтелей. И ихъ варварство усиливало бы общественное неудовольствіе, т. е., значитъ, по своему приближало бы торжество свободы. *Плюсъ* продолжалъ бы оставаться *плюсомъ*. Но *минуса*, которымъ является всякая историческая ошибка, не было бы налицо въ предполагаемомъ мною случаѣ, а, слѣдовательно, алгебраическая сумма была бы больше, т. е. гибель стараго порядка была бы ближе, чѣмъ теперь, послѣ того, какъ совершилась ошибка. Вотъ это-то и не оттѣнено въ названной мною, крайне интересной книгѣ, а въ этомъ *„смыслъ философіи всей"*. Иначе не было бы никакой надобности воздерживаться отъ историческихъ ошибокъ, которыя, впрочемъ, какъ я уже замѣтилъ выше, перестали бы тогда быть ошибками, *превратившись въ свою собственную противоположность*.

Подводя итогъ всему сказанному, можно утверждать вотъ что:

Всѣ тѣ немногочисленные и болѣе или менѣе непоправимые промахи, которые сдѣланы были идеологами пролетаріата въ продолженіе 1906-го года, объясняются преувеличеніемъ своихъ силъ со стороны этихъ идеологовъ, стремленіемъ опередить революціонный процессъ развитія. Чтобы избѣжать въ будущемъ по-

вторенія подобныхъ ошибокъ, необходимо проникнуться тѣмъ убѣжденіемъ, что стремленіе опередить историческій процессъ развитія не можетъ привести ни къ чему, кромѣ частыхъ и жестокихъ пораженій.

Но стремленіе опередить историческій процессъ развитія, въ свою очередь, обусловливается привычками интеллигентскаго мышленія. Пока идеологи пролетаріата не выйдутъ изъ узкихъ предѣловъ своей интеллигентской кружковщины, подъ вліяніемъ которой они лишаются всякаго политическаго глазомѣра, до тѣхъ поръ указанныя мною ошибки будутъ неизбѣжны, хотя, благодаря суровымъ урокамъ жизни, и примутъ другой видъ. Совершенно избавитъ насъ отъ подобныхъ ошибокъ только ростъ политической *самодѣятельности* пролетаріата. Развитіе самодѣятельности пролетаріата,—вотъ къ чему сводится политическое завѣщаніе истекающаго года. Рабочій съѣздъ, о которомъ все чаще и чаще говоритъ теперь наша періодическая печать, составляетъ одно изъ самыхъ первыхъ и самыхъ необходимыхъ условій такого развитія. Онъ необходимъ. И онъ состоится, какъ-бы громко ни кричала противъ него интеллигентская кружковщина. Суженаго конемъ не объѣдешь.

Революціонная кружковщина,—„люди стараго поведенія“,—какъ сказалъ бы Н. И. Златовратскій,—отчасти боятся его. Но что касается возможности рабочаго съѣзда, то тутъ можно сказать одно: препятствій для него много; но и не такія препятствія побѣждались у насъ людьми, знающими, чего они хотятъ, и умѣющими стремиться къ своей цѣли. А насчетъ опасеній, вызываемыхъ съѣздомъ, я скажу, что интеллигентская кружковщина приходитъ съ ними *слишкомъ поздно*. Она, эта кружковщина, которая никогда не могла понять ученіе Маркса, какъ теорію эволюціи, а всегда понимала ее, какъ застывшую догму; она, которая никогда не умѣла опереться ни на что, кромѣ такой догмы, заученной ею наизусть и механически повторяемой; она, вся духовная исторія которой есть непрерывный переходъ отъ одного вида непониманія современнаго соціализма къ другому,—она, абстрактная и неумѣлая, боится, что рабочіе, собравшись на съѣздъ, не сумѣютъ правильно понять свои классовые интересы. Она воображаетъ, что долгъ чести заставляетъ ее продолжать свою роль гувернантки пролетаріата. Эта безплодная старая дѣва не

видитъ, что пролетаріатъ переросъ ее на цѣлую голову. Она этого не видитъ, потому что не хочетъ видѣть и только потому, что не хочетъ. А, между тѣмъ, это бьетъ въ глаза: все, что дѣлаетъ пролетаріатская масса, обнаруживаетъ замѣчательную зрѣлость ея политическаго сознанія; все, что дѣлаетъ около этой массы интеллигентская кружковщина, показываетъ, что эта последняя со своимъ „старымъ поведеніемъ“ отстала отъ хода событій чуть не на двадцать лѣтъ.

Пора, пора оставить „старое поведеніе“! И оставить цѣликомъ, безъ поворота. Никакими заплатами тутъ не поможешь. О „старомъ поведеніи“ приходится сказать приблизительно такъ, какъ сказалъ у Гоголя портной Петровичъ о старой шинели Акакія Акакіевича:

— „Нѣтъ, ничего нельзя сдѣлать. Дѣло совсѣмъ плохое. Ужъ вы лучше, какъ придетъ зимнее холодное время, надѣлайте себѣ изъ нея онучекъ, потому что чулокъ не грѣетъ... шинель ужъ, видно, вамъ придется новую дѣлать“.

Но я не могу здѣсь распространяться о съѣздѣ, потому что мнѣ пора кончать. При томъ же съѣздъ не единственная злоба нашего дня. Другой его злобой являются теперь выборы въ Думу.

Кто вѣритъ „въ середину или въ конецъ августа“, для того эти выборы не могутъ имѣть значенія. Въ сознаніе такого человѣка стучится теперь, какъ и въ прошлый разъ, обухомъ вбитая мысль: „ни къ чему Дума“ и т. д. Если такой человѣкъ и найдетъ полезнымъ принять участіе въ выборахъ, то онъ все-таки не сумѣетъ къ нимъ отнестись съ точки зрѣнія „теоріи эволюціи“, а непремѣнно взглянетъ на нихъ съ точки зрѣнія той догмы, въ которую онъ превратилъ эту теорію, и которую онъ повторяетъ на память. Но кто понялъ, что „къ серединѣ или концу августа“ есть лишь каникулярная фантазія размечтавшагося „на травкѣ“ гимназиста: кто сознаетъ, что стремленіе опередить исторію несовмѣстимо съ ея матеріалистическимъ объясненіемъ; кто уяснилъ себѣ это объясненіе и умѣетъ правильно примѣнять его къ рѣшенію задачъ, которыя ставятся на очередь процессомъ современной эволюціи въ Россіи, тому нѣтъ надобности доказывать, что предстоящіе выборы имѣютъ колоссальную, рѣшающую важность. И тотъ знаетъ, что, готовясь принять участіе въ нихъ, идеологи

пролетаріата должны *рѣшительно освободиться отъ всякаго доктринерства*. Они покрыли бы себя всесвѣтнымъ и несмываемымъ позоромъ, если-бы ихъ доктринерство оказало хотя-бы самомалѣйшую услугу реакціи.

Тутъ прежде всего надо правильно разрѣшить слѣдующіе практическіе вопросы: могутъ ли названные идеологи вступать въ избирательныя соглашенія съ другими политическими партіями? На этотъ вопросъ одни отвѣчаютъ, что могутъ, но только съ „трудовиками“ и съ ихъ братьями „эсъ-эрами“; другіе находятъ, что вступать въ такія соглашенія совсѣмъ не слѣдуетъ. Лично я думаю, что, приступая къ рѣшенію этого вопроса, слѣдуетъ вспомнить правило Бебеля: „въ интересахъ дѣла я готовъ вступить въ соглашеніе съ самимъ чортомъ и даже съ его бабушкой“. Этими немногими словами Бебель прекрасно показалъ, что онъ, какъ нельзя болѣе, чуждъ сектантской догмы и обѣими ногами твердо стоитъ на почвѣ марксовой теоріи эволюціи.

Въ избирательныя соглашенія вступать не только можно. но и *должно*, если этого требуетъ интересъ дѣла. Въ чемъ же теперь состоитъ главнѣйшій интересъ его? Въ томъ, чтобы нанести возможно болѣе жестокое пораженіе реакціи, которая съ своей стороны организуется, строится въ ряды и готовится пойти на приступъ. Стало быть, избирательныя соглашенія обязательны для идеологовъ пролетаріата всюду, гдѣ это необходимо для побѣды надъ реакціей. Разъ признана правильность этого вывода,—а не признать ее невозможно,—то я не вижу, почему въ соглашеніяхъ слѣдуетъ ограничиваться „трудовиками“ и „эсъ-эрами“. Тутъ тоже необходимо избѣгать всякаго доктринерства, тутъ тоже надо руководствоваться принципомъ цѣлесообразности.

Иные говорятъ, что соглашенія будутъ затемнять классовое самосознаніе пролетаріата. Но, во-первыхъ, побѣда реакціи на предстоящихъ выборахъ поставила бы развитію пролетарскаго самосознанія такія препятствія, больше которыхъ и придумать невозможно. Во-вторыхъ, развѣ соглашеніе непремѣнно должно вредить самосознанію пролетаріата? По моему, все зависитъ здѣсь отъ того, *какой характеръ придать соглашенію и какъ мотивировать его передъ избирателями*. При правильной мотивировкѣ соглашенія, оно могло бы послужить для пролетаріата не источникомъ предразсудковъ, а высшей школой тактики,

изъ которой онъ вынесъ бы умѣніе глядѣть на событія съ точки зрѣнія много разъ уже упомянутой мной „теоріи эволюціи“, а не съ точки зрѣнія окостенѣлой догмы. Кто не способенъ дать такую мотивировку, тотъ пусть пеняетъ на себя, а не на соглашеніе. Тутъ можно сказать латинской пословицей: non est culpa vini, sed culpa bibentis (виновато не вино, а пьющіе).

Амстердамская резолюція? Эмиль Вандервельдъ не безъ остроумія пишетъ: „откровенно признаюсь, что мнѣ будетъ все равно, если освободительное движеніе въ Россіи побѣдитъ, хотя-бы и вопреки амстердамской резолюціи“ *). Но Вандервельдъ былъ противникомъ этой резолюціи. Естественно, что онъ не упустилъ случая остроумно пошутить по ея поводу. На самомъ же дѣлѣ она имѣетъ въ виду совсѣмъ не тѣ соглашенія, о какихъ могла бы пойти рѣчь теперь у насъ въ Россіи. Амстердамскій съѣздъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ „ревизіонистскія стремленія измѣнить нашу испытанную и увѣнчанную успѣхомъ тактику въ такомъ направленіи, чтобы на мѣсто завоеванія политической власти путемъ побѣды надъ нашими противниками поставить политику уступокъ существующему порядку“. Отсюда слѣдуетъ, что поступилъ бы вопреки амстердамской резолюціи тотъ, кто вошелъ бы въ избирательныя соглашенія *съ цѣлью уступокъ существующему порядку*. А у насъ идетъ теперь рѣчь о такихъ соглашеніяхъ, которыя представляли бы собою не уступку существующему порядку, а новое усиліе въ борьбѣ съ нимъ.

Далѣе. Что понимаетъ амстердамская резолюція подъ существующимъ порядкомъ? Это видно изъ слѣдующихъ строкъ: „Послѣдствіемъ такой ревизіонистской тактики было бы превращеніе партіи, ставящей себѣ цѣлью возможно быстрое преобразованіе существующаго буржуазнаго общества въ общество соціалистическое,— а потому революціонной въ лучшемъ смыслѣ слова,—въ партію, довольствующуюся реформированіемъ буржуазнаго общества“.

Вѣдь, это же ясно! Амстердамская резолюція имѣетъ въ виду переходъ буржуазнаго общества въ соціалистическое. А у насъ развѣ рѣчь идетъ о такомъ переходѣ? Нѣтъ! О такомъ переходѣ говорятъ только анархисты, „максималисты“ и нѣсколько „эсъ-эровъ“

*) См. „мнѣнія“ иностранныхъ соціалистовъ: „Современная жизнь“, 1906 г., ноябрь.

изъ самыхъ безтолковыхъ. Отсюда еще разъ слѣдуетъ, что амстердамская резолюція запрещаетъ не тѣ соглашенія, о которыхъ спорятъ у насъ теперь. Амстердамскую резолюцію тоже не слѣдуетъ превращать въ сектантскую догму, она тоже основана на „теоріи эволюціи".

Но если это такъ, то почему же ссылались на амстердамскую резолюцію нѣкоторые участники стокгольмскаго съѣзда? Если это такъ, то амстердамская резолюція не имѣетъ вообще никакого отношенія къ нашимъ дѣламъ?

Извините, имѣетъ!

Амстердамская резолюція говоритъ, что „соціалъ-демократія, согласно резолюціи Каутскаго на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ 1900 года въ Парижѣ, не можетъ стремиться къ участію въ правительственной власти въ рамкахъ буржуазнаго общества".

Далѣе она отвергаетъ „всякое стремленіе затушевать существующія классовыя противорѣчія, чтобы облегчить сотрудничество съ буржуазными партіями". *И въ этомъ все дѣло*. Для насъ, русскихъ, das ist des Pudels Kern.

Помните, что участіе въ правительственной власти, въ рамкахъ буржуазнаго общества, предосудительно. Помните, что, когда вы мечтаете объ участіи во „временной"... власти, вы грѣшите помышленіемъ противъ амстердамской резолюціи.

Помните,—и это особенно важно для насъ въ настоящую минуту,—что, если вы, желая облегчить себѣ избирательныя соглашенія съ буржуазными партіями, вздумаете затушевывать существующія теперь классовыя противорѣчія, то вы согрѣшите помышленіемъ, словомъ и дѣломъ противъ амстердамской резолюціи.

Не затушевывайте противорѣчій, обнаруживайте ихъ, — поскольку вы способны на это,—со всѣмъ жаромъ убѣжденія: но умѣйте показать, что *именно въ интересахъ дальнѣйшаго развитія этихъ прогрессивныхъ по своему существу,—противорѣчій, необходимо поразить реакцію, не отступая передъ нужными для этой цѣли избирательными соглашеніями*. Вотъ только и всего. И симъ побѣдиши!

Но обязательны именно только соглашенія, а не блокъ. Блокъ, представляющій собою соглашеніе, возведенное въ высшую степень, обязываетъ васъ на гораздо болѣе продолжительное время и пред-

писываетъ вамъ систематическое приспособленіе вашей дѣятельности къ дѣятельности буржуазныхъ партій. Блокъ запрещаетъ вамъ *итти врозь*, между тѣмъ, какъ вамъ нужно лишь „вмѣстѣ бить“ или, вѣрнѣе, *вмѣстѣ ударить*.

Какія же соглашенія? При перебаллотировкахъ?

Изъ полемики Мартова съ „*Рѣчью*“ выяснилось, что нашъ законъ перебаллотировокъ не допускаетъ. Поэтому необходимы *предвыборныя соглашенія*. Но такъ какъ рѣчь идетъ о соглашеніяхъ, а не о блокѣ, то не слѣдуетъ выставлять *одну какую-нибудь общую формулу*. Принявъ въ принципѣ положительное рѣшеніе вопроса, мы должны на практикѣ осуществлять его, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, „*отъ случая къ случаю*“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соглашенія, навѣрно, окажутся совершенно излишними. Такъ, напримѣръ, было бы не только не нужно, но и прямо преступно входить въ соглашенія съ кадетами въ рабочихъ куріяхъ *). (При блокѣ такая гибкая тактика оказалась бы невозможной). Но тамъ, гдѣ соглашеніе полезно въ интересахъ дѣла, тамъ надо соглашаться „съ самимъ чортомъ и даже съ его бабушкой“, тамъ доктринерство было бы хуже измѣны!

---

*) Да и съ „эсъ-эрами“ тутъ надо соглашаться лишь, когда совсѣмъ нельзя обойтись безъ этого.

Письмо третье.

Если у васъ на столѣ лежитъ кусокъ сахару, и если вы замѣчаете на этомъ кускѣ характерные слѣды мышиныхъ зубовъ, то вы, не колеблясь, говорите: „мыши обгрызли“. А между тѣмъ, на самомъ-то дѣлѣ, его грызла, можетъ быть, только одна мышь. Имѣете ли вы право ставить *цѣлое* на мѣсто *части?* Да, имѣете, потому что если вашъ кусокъ грызла, по случайнымъ обстоятельствамъ, только одна мышь, то при тѣхъ же обстоятельствахъ всякая другая мышь поступила бы совершенно такъ же, т.-е. принялась бы грызть вашъ сахаръ. А если-бы не всѣ мыши поступали, при данныхъ обстоятельствахъ, одинаково; если-бы существовали, скажемъ, двѣ породы мышей, одна изъ которыхъ любила бы сахаръ, а другая питала бы къ нему отвращеніе, то уже неправильно было бы сваливать на *мышей вообще* то, что способны дѣлать только *мыши извѣстной породы.*

Такъ-ли это? Мнѣ думается, что такъ. И думается мнѣ также, что съ этимъ согласится всякій человѣкъ, не лишенный дара логическаго мышленія, хотя-бы онъ и принадлежалъ къ либераламъ, кадетамъ и „критикамъ Маркса“. Но вотъ что странно: человѣкъ, принадлежащій къ либераламъ, кадетамъ или „критикамъ Маркса“, охотно признаетъ неоспоримой изложенную мною истину во всѣхъ другихъ случаяхъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ рѣчь идетъ о „крайнихъ партіяхъ“. Тутъ онъ всегда будетъ склоненъ приписывать „крайнимъ партіямъ“ вообще то, что въ дѣйствительности свойственно только одной изъ нихъ. Тутъ у него —„родъ недуга“. И, по правдѣ сказать, это довольно непріятный и неудобный родъ. Имъ причиняется очень много самой вредной путаницы понятій.

Вотъ свѣжій примѣръ. Извѣстно, что осенью 1905-го и весною 1906-го года большая часть нашихъ соціалъ-демократовъ стояла

за бойкотъ Государственной Думы. Не менѣе извѣстно и то, что другая,—въ то время, правда, значительно меньшая,—ихъ часть уже тогда была *противъ бойкота*. Потомъ эта значительно меньшая часть стала значительно большей частью. Уже въ началѣ мая Р. С.-Д. Р. партія офиціально признала, что не слѣдуетъ бойкотировать Государственную Думу. Это обстоятельство было, конечно, своевременно отмѣчено нашими *лѣвыми* (называю ихъ такъ въ отличіе отъ *крайних: лѣвыхъ*). Но, отмѣчая его, наши лѣвые по большей части ограничились разсужденіями на ту тему, что вотъ, молъ, „жизнь научила нашихъ соціалъ-демократовъ; жизнь показала имъ“ и т. п. Они забывали прибавить, что и въ средѣ соціалъ-демократовъ были люди, которымъ не нужно было дорого стоющихъ уроковъ жизни для того, чтобы понять полную несостоятельность тактики бойкота. Выходило такъ, что сахаръ обгрызли мыши, хотя нѣкоторая часть мышей не только его не грызла, но и не могла грызть.

Мнѣ скажутъ, что такое различеніе совсѣмъ не важно. Но я позволю себѣ не согласиться съ этимъ.

Оно было бы не важно, если бы дѣло сводилось къ вопросу о томъ, кто изъ членовъ Р. С.-Д. Р. партіи и когда именно сказалъ: „*э!*“ Это вопросъ неважный до смѣшного. Но дѣло вовсе не въ немъ. Оно вотъ въ чемъ.

Когда сваливаютъ на мышей то, что сдѣлано одной мышью, тогда принимаютъ мѣры для истребленія, въ данномъ мѣстѣ, всей вообще мышиной породы. Когда приписываютъ всѣмъ соціалъ-демократамъ ошибки, сдѣланныя только одной частью ихъ, тогда кидаютъ камень въ городъ „ортодоксіи“: все, дескать, она виновата. А это, во-первыхъ, раздражаетъ тѣхъ „ортодоксовъ“, которые ошибки не дѣлали; во-вторыхъ,—и это главное, — подобная „тактика“ побуждаетъ людей, склонныхъ къ „ортодоксіи“, но плохо понимающихъ, въ чемъ она состоитъ, упорствовать въ своей ошибкѣ. Имъ кажется, что сознаться въ этой ошибкѣ значитъ измѣнить „ортодоксіи“. И вотъ они фанатически отстаиваютъ неправильный способъ дѣйствій, хотя, въ глубинѣ души, они и сами, можетъ быть, чувствуютъ, что жизнь идетъ не такъ, какъ они ожидали. Надо помочь этимъ людямъ выйти на вѣрный путь, а не загораживать отъ нихъ этотъ путь вздорными предразсудками.

Недавно въ № 104 „Товарища“ г. Жилкинъ, въ статьѣ „*Странички Жизни*“, характеризуя снова наступающую у насъ политическую весну,—по его словамъ, „въ Россіи весна осенью бываетъ“—писалъ: „Недаромъ зазвучалъ со всѣхъ сторонъ, какъ боевой рогъ, настойчивый призывъ къ объединенію. Ошибки, пораженія учатъ сильнѣе успѣха. А позади осталось много подобныхъ уроковъ. Гордая изолированность, пренебреженіе помощью близкихъ союзниковъ, книжныя, непримиримыя теоріи, подмятыя обвалами жизни,—все это окупилось тяжкой цѣной. И много уже трезвыхъ, властныхъ голосовъ раздается по лѣвому флангу русской жизни: „Единеніе, единеніе, всеобщая организація“.

Спора нѣтъ, „*единеніе*“, обставленное надлежащими условіями и не переходящее въ *сліяніе*,—прекрасная вещь. И оно, несомнѣнно, можетъ очень сильно содѣйствовать наступленію „весны“. Но при чемъ тутъ „книжныя, непримиримыя теоріи, подмятыя обвалами жизни“,—это совершенно непостижимо. Г. Жилкинъ, думаетъ, какъ видно, что если были такіе люди, которые ни за что не хотѣли „единенія“, то виноваты въ этомъ „книжныя, непримиримыя теоріи“, и что если теперь „крайніе лѣвые“ обнаруживаютъ склонность къ „единенію“, то это объясняется тѣмъ, что они вырвались изъ-подъ вліянія теорій, „подмятыхъ обвалами жизни“. Но это только показываетъ, насколько онъ самъ „беззаботенъ“ насчетъ „книжныхъ теорій“.

А вотъ еще. Въ № 206-мъ „Рѣчи“ г. М. Фридманъ помѣстилъ рецензію на книгу Парвуса „*Россія и революція*“. Въ этой рецензіи онъ, по собственному признанію, „рѣзко“ говоритъ о „суздальской соціалъ-демократической картинѣ политическихъ отношеній Россіи, списанной съ Франціи и Германіи, гдѣ дѣйствіе происходило и происходитъ (какое же это дѣйствіе? Г. П.) при очень отличныхъ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ“. По словамъ г. М. Фридмана, „именно эти предразсудки залѣпляли глаза русскимъ соціалъ-демократамъ и не позволяли понять истинной природы ни русскаго либерализма, ни крестьянскаго движенія“. Дѣло, какъ видитъ читатель,—совсѣмъ дрянь. Но далѣе нашъ авторъ нѣсколько смягчаетъ краски въ нарисованной имъ „картинѣ“. Онъ говоритъ:

„Стоитъ сравнить мнѣнія Парвуса съ извѣстными взглядами

Плеханова и тѣмъ, что говорятъ нынѣ нѣкоторые изъ меньшевиковъ, имѣющіе смѣлость показаться „буржуазными кадетами". *Поворотъ немалый!* Очевидно, жизнь многому научила".

Итакъ, „извѣстные взгляды Плеханова" и разсужденія нѣкоторыхъ „меньшевиковъ" свидѣтельствуютъ о томъ, что въ средѣ Р. С.-Д. Р. Партіи произошелъ „переворотъ немалый", хотя, по мнѣнію автора, и недостаточно радикальный. Но спрашивается: когда же именно произошелъ этотъ „немалый поворотъ"? Насколько я знаю, „извѣстные взгляды Плеханова" сложились очень давно и, во всякомъ случаѣ, значительно раньше, чѣмъ началась публицистическая дѣятельность Парвуса. И Плехановъ былъ не одинъ. „Извѣстно", что его „извѣстные взгляды" раздѣлялись и П. Б. Аксельродомъ, и В. И. Засуличъ, и Ортодоксомъ,—авторомъ недавно вышедшаго сборника прекрасныхъ философскихъ статей,—и еще нѣкоторыми другими видными дѣятелями россійской соціалъ-демократіи. Далѣе, изъ словъ самого г. М. Фридмана видно, что эти „извѣстные взгляды" имѣютъ очень мало общаго съ „суздальской картиной политическихъ отношеній Россіи". Но если все это такъ, то выходитъ, что г. М. Фридманъ совершенно напрасно именуетъ эту картину *соціалъ-демократической* картиной. Выходитъ, что если она и въ самомъ дѣлѣ писана соціалъ-демократами, то соціалъ-демократами особой школы, придерживающейся суздальской эстетики, которая совсѣмъ не похожа на взгляды старѣйшихъ членовъ россійской соціалъ-демократіи. А отсюда слѣдуетъ, что если ужъ говорить о „поворотѣ немаломъ", то надо изобразить его такъ, какъ онъ произошелъ въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности же произошло приблизительно слѣдующее.

„Извѣстные взгляды Плеханова" и вообще группы „Освобожденіе труда", явившейся первой въ Россіи носительницей соціалъ-демократическихъ идей, были правильны, по крайней мѣрѣ, въ тактическомъ отношеніи,—говоря это, я становлюсь на точку зрѣнія г. рецензента;—въ теченіе нѣкотораго времени эти взгляды считались правильными въ роосcійской соціалъ-демократической средѣ. Но потомъ, по мѣрѣ того, какъ эта среда расширялась, къ нимъ стали относиться „критически". Представители, вѣроятно, „извѣстнаго" и г. М. Фридману „экономическаго" направленія объявили ихъ устарѣлыми. На защиту этихъ, будто-бы устарѣлыхъ, взглядовъ ополчились „политики", сгруппировавшіеся во-

кругъ „Зари“ и „Искры“. Но и „политики“ довольно плохо усвоили ихъ себѣ, ихъ писанія часто весьма значительно расходились,—особенно въ томъ, что касалось *тактики*, точнѣе было бы сказать, *стратегіи* партіи,—съ тѣмъ, что не переставала проповѣдывать группа „Освобожденіе Труда“ въ продолженіе всего своего существованія. Этимъ вызывалось не мало преній, далеко не всегда выходившихъ наружу. Тѣмъ не менѣе, достаточно прочесть политическія статьи Плеханова въ *„Зарѣ“*, чтобы видѣть, что во время появленія этихъ статей тактическіе взгляды вышеназванной группы являлись, такъ сказать, офиціальными взглядами „политиковъ“. Но чѣмъ дольше дѣйствовала притягательная сила россійской соціалъ-демократіи, чѣмъ больше примыкало къ ней людей, мало подготовленныхъ къ усвоенію правильныхъ тактическихъ понятій, на этихъ людей и поспѣшили опереться тѣ изъ главныхъ представителей „политическаго“ направленія, которые и стали на сторону группы „Освобожденіе Труда“ въ ея борьбѣ съ „экономистами“, но на самомъ дѣлѣ являлисъ скорѣе бланкистами, чѣмъ марксистами, „отъ нихъ же первый“ былъ „извѣстный“ Н. Ленинъ. Само собою разумѣется, что Ленинскій бланкизмъ обнаружился во всей полнотѣ далеко не сразу. Въ теченіе довольно продолжительнаго времени онъ имѣлъ видъ марксизма,—правда, весьма односторонняго и „куцаго“, но все-же подающаго надежды на дальнѣйшее развитіе въ надлежащую сторону.

И въ теченіе всего этого времени люди, видѣвшіе его слабыя стороны, нравственно *обязаны были* не воевать съ нимъ, а по мѣрѣ возможности способствовать такому его развитію. Тутъ приходилось слѣдовать пословицѣ: худой миръ лучше доброй ссоры. Когда всякая надежда на благодѣтельныя послѣдствія „худого мира“ была потеряна; когда Ленинъ и его ближайшіе единомышленники оказались неисправимыми заговорщиками, тогда „добрая ссора“ сдѣлалась, въ свою очередь, обязательной. Но тогда дала почувствовать себя та истина, которую высказалъ Марксъ, если не ошибаюсь, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Зорге: при массовомъ движеніи программа передовыхъ представителей даннаго класса опредѣляется положеніемъ этого класса; тамъ же, гдѣ движеніе имѣетъ кружковой характеръ, всегда есть возможность сгруппировать извѣстное количество лицъ вокругъ какой угодно

программы *). Для Ленина такая групировка облегчилась двумя очень важными обстоятельствами. Во-первыхъ, онъ оставлялъ въ сторонѣ собственно программные вопросы, выражая свою природу заговорщика лишь въ своихъ тактическихъ построеніяхъ **). Свою бланкистскую контрабанду онъ проносилъ подъ флагомъ самой строгой „ортодоксіи". Это успокаивало марксистскую совѣсть тѣхъ его сторонниковъ, которые, плохо разбираясь въ вопросѣ о томъ, какою именно должна быть тактика марксистовъ, въ то же время хотѣли остаться вѣрными Марксу. Во-вторыхъ, пульсъ нашей общественной жизни бился все сильнѣе и сильнѣе, вслѣдствіе чего начинали кружиться даже и такія головы, въ которыхъ было несравненно болѣе свѣта, нежели въ ограниченныхъ головахъ энергичныхъ, но очень мало развитыхъ лѣдей, *подобранныхъ* Ленинымъ къ своей тактикѣ. Г. М. Фридманъ приводитъ въ своей рецензіи тѣ слова Парвуса, которыми этотъ послѣдній пытается оправдать свои недавнія политическія ошибки. Парвусъ поэтически называетъ себя арфой, на которой игралъ ураганъ революціи. Онъ говоритъ, что его и людей, раздѣлявшихъ его иллюзіи, толкали надвигавшіяся тяжелыя массы, и что тотъ, кто ведетъ массы, долженъ быть впереди ихъ. Это, разумѣется, одна „словесность". Смыслъ того, что говоритъ здѣсь Парвусъ, можно передать, нѣсколько измѣняя извѣстную французскую фразу: ils sont nos chefs, donc ils doivent nous suivre („они наши вожди; поэтому они должны за нами слѣдовать"). Парвусъ не хочетъ „suivre", онъ считаетъ себя обязаннымъ итти „впереди". Однако, „впереди", или назади, а *вожаки* все-таки оказываются *ведомыми*. Но если *вожакъ* обязанъ быть *ведомымъ*, то мать-природа, въ интересахъ экономіи, могла бы дать ему только способность *говорить* (кричать: „впередъ, братцы, ура" и т. д.), въ способности же *мыслить* ему нѣтъ надобности. Я увѣренъ, что воспѣтый севастопольской солдатской пѣсней генералъ Реадъ, „спросту поведшій свой отрядъ прямо къ мосту," свято исполнилъ свою обязанность итти впереди своихъ людей, но ничего

---

*) Ручаюсь только за смыслъ, а не за букву, такъ какъ въ настоящую минуту у меня нѣтъ подъ руками книги, содержащей въ себѣ переписку Маркса съ Зорге.

**) Теперь это уже измѣнилось, такъ какъ аграрная программа Ленина, по его собственному признанію, пріурочена къ его заговорщицкимъ мечтаніямъ о „захватѣ власти".

хорошаго изъ этого все-таки не вышло, да и не могло выйти. Марксисты говорятъ: наши стремленія являются сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго процесса развитія. И это совершенно вѣрно въ той мѣрѣ, въ какой они правильно понимаютъ этотъ безсознательный процессъ. Но чтобы правильно понять его, недостаточно итти „впереди“ всѣхъ иллюзій массы. Наоборотъ! *Нужно умѣть критиковать эти иллюзіи и нужно имѣть гражданское мужество не оставлять свѣтильникъ критики подъ спудомъ.* Вотъ въ чемъ первая обязанность вождя. Я полагаю, что Парвусъ лучше сдѣлалъ бы, если-бы прямо сознался въ своей ошибкѣ. Онъ ошибся не одинъ; ошиблись многіе, почти всѣ. Я сослался на него единственно затѣмъ, чтобы напомнить на его примѣрѣ, что лихорадочное біеніе общественнаго пульса могло ввести въ заблужденіе даже и сильныя головы. Тѣмъ легче попадали въ ошибку головы менѣе сильныя. Наличныя силы движенія преувеличивались до такой степени, что всякія напоминанія о благоразуміи стали казаться признакомъ „отсталости“. Нечего и говорить, что такое настроеніе умовъ было какъ нельзя болѣе благопріятно для распространенія въ средѣ нашихъ идеологовъ пролетаріата взглядовъ Реада-Ленина, вся тактическая мудрость котораго безъ остатка исчерпывается лаконическимъ возгласомъ: „нутка на ура!“ Дѣло дошло до того, что даже люди, понимавшіе несостоятельнось этой тактической мудрости, не всегда рѣшались возставать противъ нея, опасаясь обвиненій въ оппортюнизмѣ. Дальше этого итти было невозможно, и это было кульминаціоннымъ пунктомъ развитія нашего „большевизма“. Но если іерихонскія стѣны пали, по свидѣтельству Библіи, отъ трубнаго звука, то препятствія, отдаляющія торжество освободительнаго движенія въ Россіи, не были устранены трескомъ революціонной фразеологіи. Они очень скоро дали почувствовать свою силу и показали несостоятельность тактики, характеризующейся Реадовскимъ „на ура!“ Даже „большевики“ увидѣли себя вынужденными внести въ эту тактику нѣкоторыя поправки, что, впрочемъ, не мѣшало имъ повторять съ самою комическою „твердостью харектера“: „событія показали, что мы были правы“. Началось отрезвленіе, которому мы и обязаны тѣмъ, что „большевики“ стали de facto „меньшевиками“. Этотъ процессъ отрезвленія еще далеко не законченъ. Очень возможно, что, благодаря тѣмъ или другимъ „новымъ фактамъ“,

онъ на время пріостановится или даже вернется къ точкѣ своего исхода. Но такіе остановки и возвраты не должны смущать никого. Неоспоримо то, что поскольку ходъ нашей общественной жизни будетъ вынуждать нашихъ идеологовъ пролетаріата къ усвоенію правильныхъ пріемовъ политическаго мышленія,—*а она не можетъ не дѣлать это*,—постольку туманъ революціонной фразеологіи будетъ разсѣиваться, и шансы „большевиковъ" будутъ таять, „яко таетъ воскъ отъ лица огня". Это неизбѣжно, какъ смерть. И тѣ отдѣльные факты, которые привѣтствуются теперь нашими либералами, кадетами и трудовиками, и бернштейніанцами, являются лишь ласточками, возвѣщающими о перемѣнѣ времени года. Но напрасно думаютъ господа либералы, кадеты и проч., что эти ласточки возвѣщаютъ также крушеніе ненавистной имъ „ортодоксіи". Совершенно наоборотъ! Онѣ возвѣщаютъ *возвращеніе къ ортодоксіи*, торжество тѣхъ „извѣстныхъ взглядовъ Плеханова", которые сложились и проповѣдывались уже въ ту, довольно отдаленную теперь эпоху, когда папеньки многихъ изъ нынѣшнихъ „большевиковъ" и „меньшевиковъ" еще только начинали ухаживать за ихъ маменьками. „Большевики" кричатъ, конечно, что эти „извѣстные взгляды" не имѣютъ ничего общаго съ „ортодоксіей". Но, во-первыхъ, не далѣе, какъ во время изданія „*Зари*" и „старой", „*Искры*" взгляды эти признавались вполнѣ „ортодоксальными" „самимъ" Ленинымъ. А, во-вторыхъ, скажите намъ, господа трудовики, бернштейніанцы, кадеты и проч. и проч., почему это вы, расходящіеся съ „большевиками" въ столь многомъ, сходитесь съ ними во взглядѣ на марксистскую „ортодоксію"? Почему вы думаете, что „ортодоксальная" марксистская тактика совпадаетъ съ тактикой севастопольскаго генерала Реада? Я скажу вамъ—почему: потому, что вы смотрите на эту тактику, какъ и вообще на марксизмъ, сквозь призму непреодолимаго предубѣжденія; потому что для правильнаго пониманія марксизма вамъ нужно было бы отказаться отъ цѣлаго ряда будто-бы критическихъ положеній, позволяющихъ вамъ участвовать въ освободительномъ движеніи, оставаясь въ то же время на буржуазной точкѣ зрѣнія; словомъ, потому, что вы слишкомъ *узки* для пониманія марксизма, а не потому, что,—какъ вы охотно утверждаете это,—*онъ* слишкомъ узокъ для того, чтобы имъ могли „удовлетвориться" люди широкаго размаха мысли. „Критика Маркса" была во всемъ мірѣ, а у насъ

въ особенности, попыткой сдѣлать Марксово ученіе удобоваримымъ для буржуазныхъ головъ. Эта попытка ровно ни къ чему путному не привела, вслѣдствіе чего тѣ наши „критики“, которые способны были логически мыслить, „веселыми ногами“ пошли „отъ марксизма къ идеализму“. И когда теперь передовому идеологу нашей буржуазіи,—это не значитъ „буржуй“, господа, *прошу замѣтить:* я не „ругаюсь“, а просто употребляю возможно болѣе сочную соціологическую терминологію,—когда передовому идеологу этого общественнаго класса приходится теперь говорить о марксизмѣ, онъ самымъ искреннимъ образомъ представляетъ его себѣ чѣмъ-то до послѣдней степени тупымъ, одностороннимъ и узкимъ. А когда онъ слышитъ отъ марксизма слово, кажущееся ему разумнымъ, онъ, опять-таки безъ всякаго лицемѣрія, восклицаетъ: „давно пора! вы сами видите теперь, что ваша теорія противорѣчитъ жизни“.

Это было бы смѣшно, если-бы не было вредно. А вредно это,—какъ я уже сказалъ,—тѣмъ, что мѣшаетъ нѣкоторымъ, менѣе даровитымъ отъ природы или просто менѣе образованнымъ идеологамъ пролетаріата понять, что недостаточно всегда говорить и дѣйствовать наперекоръ буржуазіи, чтобы остаться вѣрнымъ Марксу и явиться дѣльнымъ защитникомъ интересовъ пролетаріата. Если-бы наши,—скажемъ для краткости,—кадетскіе публицисты ясно представляли себѣ тотъ *практическій* вредъ, который приносятъ эти камешки, кидаемые ими въ „ортодоксальный“ огородъ, то они, вѣроятно, перестали бы кидать ихъ; но—увы!—этотъ, повторяю, *практическій* вредъ совершенно ускользаетъ отъ ихъ духовныхъ взоровъ. Тутъ *практическій* предразсудокъ затемняетъ ясность ихъ *политическаго* пониманія; *„догма“ мѣшаетъ расчету!*

Я говорю: догма. Не подумайте, господа, что употребляя это выраженіе, я хочу вернуть вамъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ упрековъ въ догматизмѣ, которые вы такъ охотно посылаете по нашему адресу. Ничего подобнаго! Я пользуюсь словомъ *догма* потому, что оно въ самомъ дѣлѣ, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было полемическихъ соображеній, должно быть употреблено здѣсь.

Ученіе Маркса есть та „непримиримая теорія“, въ которой лучше, полнѣе, стройнѣе, нежели въ какой бы то ни было другой,

выразилась непримыримость интересовъ рабочаго класса съ интересами буржуазіи. Этимъ обстоятельствомъ одинаково хорошо объясняются и тактическіе промахи „недозрѣлыхъ умовъ“ нашего марксизма, и неумѣстныя выходки противъ „ортодоксіи“ нашихъ—выразимся такъ опять для краткости—кадетовъ.

Пораженные тою ясностью, съ которой ученіе Маркса обнаруживаетъ непримиримость интересовъ пролетаріата съ интересами буржуазіи, „недозрѣлые умы“ россійскаго марксизма разъ навсегда поворачиваются спиною ко всему тому, что носитъ на себѣ печать буржуазности, и даже не подозрѣваютъ, что историческимъ лейтъ-мотивомъ нынѣшняго нашего освободительнаго движенія является не борьба пролетаріата съ буржуазіей, предполагающая существованіе новѣйшаго буржуазнаго общества, съ соотвѣтствующими ему политическими учрежденіями, а одновременная и въ значительной степени совмѣстная борьба классовъ, характеризующихъ собою это новѣйшее буржуазное общество, съ разнородными пережитками стараго порядка, выросшаго на основѣ совсѣмъ иныхъ экономическихъ отношеній. Одна изъ частныхъ истинъ марксизма ослѣпляетъ умъ неразвитого „марксиста“ и мѣшаетъ ему понять *діалектическій*, т. е. слѣдовательно, *историческій* характеръ марксистскаго міросозерцанія.

А что происходитъ въ головахъ публицистовъ, названныхъ нами, краткости ради, кадетскими? Въ интересующемъ насъ случаѣ, въ нихъ происходитъ слѣдующее.

Та же частная истина марксизма, о которой я недавно говорилъ и которая своимъ яркимъ свѣтомъ ослѣпляетъ „недозрѣлые умы“ нѣкоторыхъ представителей пролетаріата, представляется публицистамъ указаннаго разряда, какъ одно изъ тѣхъ теоретическихъ положеній, которыя безпощадно разоблачаютъ тщету всѣхъ попытокъ установить „соціальный миръ“ тамъ, гдѣ по неумолимой логикѣ вещей неизбѣжна соціальная война. А такъ какъ публицисты этого разряда не могутъ не тяготѣть къ „соціальному миру“, то неудивительно, что они недоброжелательно относятся къ ученію, такъ хорошо обосновывающему эту непріятную истину. Но это еще не все. Марксизмъ очень презрительно относится ко всѣмъ тѣмъ идеологическимъ привѣскамъ, которыми украшается стремленіе къ „соціальному миру“. Путешествіе къ „святымъ мѣстамъ“ идеализма съ точки зрѣнія Маркса представляется рядомъ непрости-

тельныхъ логическихъ промаховъ. Это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ недоброжелательное отношеніе кадетскаго публициста къ марксистской „ортодоксіи". И вотъ онъ начинаетъ страдать той же психологической аберраціей, которой страдаютъ „недозрѣлые умы" россійскаго марксизма. Онъ теряетъ всякую историческую перспективу. Онъ забываетъ о томъ, что у насъ въ Россіи рѣчь идетъ теперь не о диктатурѣ пролетаріата, а о возможно болѣе плодотворной борьбѣ этого класса,—*рядомъ съ другими классами новѣйшаго происхожденія,* — противъ до-буржуазнаго порядка; онъ не можетъ скрыть свое крайне недружелюбное отношеніе къ теоріи, считающей такую диктатуру неизбѣжной при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ; онъ усиливается кольнуть ее даже при самомъ неудобномъ случаѣ и относитъ на ея счетъ даже тѣ тактическія ошибки, которыя, прежде всего, являются преступленіемъ противъ нея самой. Словомъ, его сужденія о *настоящемъ* крайне запутываются тѣмъ, что онъ предвѣщаетъ насчетъ *будущаго.* Классовой инстинктъ сбиваетъ въ немъ съ толку классовой разсудокъ. И, надо сказать правду, классовой инстинктъ въ немъ гораздо сильнѣе, нежели въ соціалъ-демократическихъ недоросляхъ ленинскаго пошиба. Между тѣмъ, какъ эти послѣдніе равнодушны къ теоріи, а когда интересуются ею, то съ изумительной легкостью усваиваютъ себѣ, въ философіи, въ морали, въ эстетикѣ и т. д.,—нездоровые плоды буржуазнаго декаданса, передовые идеологи нашей буржуазіи умѣютъ чрезвычайно хорошо разобраться въ томъ, какой видъ *„сознанія"* соотвѣтствуетъ и какой не соотвѣтствуетъ данному, опредѣленному исторіей виду буржуазнаго „бытія". Передовой идеологъ нашей буржуазіи отнюдь не беззаботенъ по части теоріи, нѣтъ! Къ большой чести его надо сказать, что онъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою тѣхъ, вернувшихся изъ вавилонскаго плѣна іудеевъ, которые, одной рукой отбиваясь отъ непріятелей, другою возводили зданіе своего храма. И это, конечно, показываетъ, что онъ хорошо служитъ тому классу, служить которому онъ взялся. Но фактъ тотъ, что именно увлеченіе этой постройкой храма буржуазной идеологіи заставляетъ его вносить страшную *путаницу* въ пониманіе той марксистской идеологіи, правильное истолкованіе которой является въ настоящее время, можно сказать, *политическою необходимостью.* Еще разъ: въ отношеніи къ марксистской идеологіи голосъ

классоваго инстинкта заглушаетъ въ немъ голосъ политическаго разсудка.

Въ лагерѣ передовыхъ идеологовъ нашей буржуазіи я не вижу ни одного человѣка, обладающаго изъ ряду вонъ выходящими теоретическими способностями. Но между ними, безъ сомнѣнія, есть умные и образованные люди. Съ литературой соціализма они знакомы несравненно лучше, нежели были знакомы съ нею наши народники и субъективисты, выѣзжавшіе больше на экономической „самобытности“ Россіи. Что же мѣшаетъ имъ понять „ортодоксальный“ марксизмъ? Я не знаю другого препятствія, кромѣ ограниченности („узости“, въ которой они такъ часто насъ обвиняютъ!) ихъ *классовой* точки зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, познакомьтесь съ дѣятельностью Маркса въ международномъ товариществѣ рабочихъ и вы увидите, что тактика великаго основателя современнаго научнаго соціализма не имѣла ничего, ровнехонько общаго съ тою тактикой части нашихъ „эсъ-дековъ“, которую столь многіе, столь охотно и столь несправедливо относятъ теперь на счетъ марксистской „ортодоксіи“; прочтите недавно опубликованныя письма Энгельса къ Зорге, и вы опять увидите, что тактика нашихъ бланкистовъ, облыжно именующихъ себя марксистами, такъ же похожа на тактику Маркса и Энгельса, какъ жалкія произведенія нашихъ суздальскихъ „живописцевъ“ похожи на картины, написанныя кистью Рафаэля или Леонардо-да-Винчи. Я не знаю, что сказалъ бы суздальскій „художникъ“, увидѣвъ произведенія названныхъ мною великихъ мастеровъ. Но я убѣжденъ, что любой изъ нашихъ „большевиковъ“ объявилъ бы *измѣнническою* тактику Маркса и Энгельса... если бы только, разумѣется, онъ имѣлъ нравственное мужество высказаться о ней откровенно. Достоевскій, устами одного изъ братьевъ Карамазовыхъ, сказалъ когда-то, что если-бы Христосъ опять сошелъ на землю, то онъ опять былъ бы распятъ—и на этотъ уже разъ христіанами. Я съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ утверждаю, что если-бы Марксъ и Энгельсъ выступили инкогнито на одномъ изъ тѣхъ собраній, на которыхъ блещутъ своимъ революціоннымъ краснорѣчіемъ наши „большевики“, то ихъ освистали бы за ихъ „умѣренность“ и объявили бы „кадетообразными марксистами“, а,—подъ сердитую руку,—и просто „кадетами“. Въ этомъ, къ сожалѣнію, нельзя сомнѣваться. Но вѣдь это жалкое, хотя въ то

же время и досадное ребячество. Съ какой же стати вписывать его въ „debet“ марксистской „ортодоксіи?“ Гдѣ же здравый смыслъ? Гдѣ правда?

Тому назадъ лѣтъ тридцать съ хвостикомъ, кто-то, кажется, Н. Михайловскій, писалъ, что если Дарвинъ говоритъ: „борьба за существованіе“, а „дарвиненокъ“, услышавъ это, выбѣгаетъ на улицу и хватаетъ за горло перваго встрѣчнаго, то винить въ такомъ происшествіи Дарвина значитъ грѣшить противъ самой элементарной справедливости. Не то-ли же самое съ Марксомъ? Не грѣшитъ-ли противъ самой элементарной справедливости тотъ, кто ставитъ въ вину его *ученію* тѣ многочисленныя тактическія,—да и не одни тактическія ошибки, которыя были сдѣланы и дѣлаются людьми, легкомысленно называющими себя его *учениками?*

Какова должна быть въ Россіи тактика правовѣрныхъ послѣдователей Маркса? „Большевики“ развязно отвѣчаютъ: „совершенно такова, какъ наша“. И этотъ ихъ отвѣтъ вполнѣ подтверждается публицистами кадетскаго толка: „да,—глубокомысленно вторятъ они,—правовѣрная марксистская тактика, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть иною“. Но тутъ я рѣшительно протестую и, кромѣ всѣхъ доводовъ, приведенныхъ выше, привожу доказательство ad hominem.

Въ ноябрьской книжкѣ 1906 г. „Современной жизни“ было напечатано мнѣніе Поля Лафарга о томъ, какъ должна вести себя въ настоящее время россійская рабочая партія. Какъ это извѣстно всякому, даже не обучавшемуся въ семинаріи, Поль Лафаргъ принадлежитъ къ числу самыхъ „ортодоксальныхъ“ послѣдователей Маркса и и Энгельса. Что же говоритъ онъ? И похоже-ли то, что онъ говоритъ, на то, что кричатъ,—они именно кричатъ, а не говорятъ,—наши „большевики?“ Нѣтъ, ни капельки не похоже!

А въ декабрьской книжкѣ напечатано, между прочимъ, мнѣніе о томъ же предметѣ Жюля Гэда. На счетъ Гэда опять-таки всякому, даже не обучавшемуся въ семинаріи, извѣстно, что онъ—такой правовѣрный марксистъ, какихъ немного. Что же говоритъ Жюль Гэдъ? И похоже-ли то, что онъ говоритъ, на то, что вопіяли и вопіютъ наши „большевики“? Опять нѣтъ! Опять ни капельки не похоже!

Вотъ, потрудитесь послушать.

„Я съ отчаяніемъ видѣлъ,—пишетъ Ж. Гэдъ,—какъ мои товарищи сперва бойкотировали Думу, а потомъ проявляли къ ней равнодушное отношеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что она не проводитъ нашей программы, тогда какъ это первое народное представительство, какъ бы ни было оно изуродовано, становилось необходимымъ революціоннымъ центромъ, дававшимъ возможность всѣмъ оппозиціоннымъ силамъ сплотиться противъ „стараго режима", отказывающагося сойти со сцены, и повести на него общую аттаку съ лозунгомъ: „Да здравствуетъ Дума!"

Вы видите, что здѣсь говорится нѣчто прямо-противоположное тому, что считали „правовѣрнымъ" наши „большевики". Вы видите, что тактика этихъ людей доводила правовѣрнаго Гэда до „отчаянія". Это уже очень недурно. Но слушайте дальше.

„Поэтому я съ величайшей радостью вижу, что наши друзья измѣнили свой взглядъ и намѣрены участвовать въ выборахъ, видя въ Думѣ то, чѣмъ она въ дѣйствительности будетъ: каковъ бы ни былъ ея составъ, она явится могущественнымъ боевымъ орудіемъ противъ стараго режима".

Переводя это на нашъ жаргонъ, можно сказать, что Ж. Гэдъ съ величайшей радостью увидѣлъ, что партія отказалась отъ тактики „большевиковъ" и приняла тактику „меньшевиковъ". Но если Ж. Гэдъ готовъ одобрить тактику этихъ послѣднихъ, то онъ требуетъ отъ нея ясности и послѣдовательности. Онъ не боится быть заподозрѣннымъ въ оппортюнизмѣ, какъ боятся этого нѣкоторые „меньшевистскіе" дипломаты. Нѣтъ, не такой онъ человѣкъ, не изъ такого тѣста сдѣланъ! „И въ особенности не надо бояться,—прибавляетъ онъ,—входить въ открытыя соглашенія съ такъ называемыми у васъ кадетами, въ тѣхъ случаяхъ, когда понадобится разрушить ту или другую основу стараго порядка. Какое имъ дѣло до того, что пули *) будутъ пущены не изъ нашихъ ружей, лишь бы онѣ мѣтили въ нашу цѣль и разили то, что намъ надо поразить!"

Ну, а какъ же быть съ амстердамской резолюціей? Вѣдь она запрещаетъ соглашеніе съ непролетарскими партіями.

„Если вы будете держаться этой естественно-необходимой

*) Для успокоенія нервныхъ читателей изъ числа подписчиковъ *„Россіи"* спѣшу замѣтить, что „пули" надо понимать въ переносномъ смыслѣ.

тактики,—отвѣчаетъ знаменитый французскій „ортодоксъ“,—то будетъ съ вами, а не противъ васъ амстердамская резолюція, которая, запрещая и называя измѣной всякое сотрудничество съ буржуазіей, обладающей политической властью... повелѣваетъ, наоборотъ, употребить всѣ средства для того, чтобы покончить со всѣми формами абсолютизма и создать такимъ образомъ тотъ режимъ, въ которомъ эта власть должна быть и будетъ завоевана рабочимъ классомъ“.

Вотъ оно такъ! Не смущается даже и амстердамской резолюціей! Совсѣмъ кадетъ! Вотъ только на счетъ диктатуры пролетаріата у него вышло не по-кадетски. Да онъ, должно быть, упомянулъ о ней просто такъ, для отвода глазъ или по старой дурной привычкѣ; что бы онъ тамъ ни говорилъ объ этой диктатурѣ, а все-таки сейчасъ видно, что отъ настоящей-то „ортодоксіи“ онъ уже далеко отклонился.

Такъ что-ли? Или, можетъ быть, теперь уже ясно, что совсѣмъ не такъ? Ясно, можетъ быть, что настоящая-то „ортодоксія“ говоритъ вовсе не тѣмъ языкомъ, какимъ кричатъ наши псевдомарксисты ленинскаго толка? А если ясно, то надо перестать обвинять „ортодоксію“ въ томъ, въ чемъ виновато лишь явное непониманіе „ортодоксіи“. Пора усвоить себѣ ту простую мысль, что партія пролетаріата у насъ, какъ и во всемъ мірѣ, можетъ довести до максимума полезность своей политической работы *только* въ томъ случаѣ, если она пойдетъ подъ знаменемъ „ортодоксальнаго“ марксизма.

Я знаю, какъ трудно освоиться съ этой простою мыслью нашимъ кадетскимъ публицистамъ. Но что же дѣлать! Надо привыкать!

Это въ общемъ нашемъ интересѣ, господа; въ интересѣ того общаго напора на нашъ старый порядокъ, о которомъ говоритъ Ж. Гэдъ. Зачѣмъ вамъ сразу гнаться за двумя зайцами, рискуя упустить обоихъ? Зачѣмъ вамъ возводить неправильныя обвиненія на ортодоксію тамъ, гдѣ вы правильно отмѣчаете наши политическія ошибки? Не лучше-ли установить здѣсь раздѣленіе труда? Не лучше-ли предоставить критику „ортодоксіи“ вашимъ теоретикамъ,—въ родѣ лицъ, группировавшихся вокругъ *„Полярной Звѣзды“* г. П. Струве,—лицъ, которыя, во всякомъ случаѣ, лучше подготовлены для этого дѣла, чѣмъ вашъ средній публицистъ?

И не лучше-ли вашимъ среднимъ публицистамъ вовсе прекратить всякія „киванія“ въ сторону правовѣрнаго марксизма, ставя политическіе вопросы исключительно только на *конкретную почву политическаго расчета*? Право же, лучше!

„Ортодоксы“ не боятся теоретическихъ споровъ,—всѣмъ извѣстно, что это очень горячіе спорщики,—но они очень хорошо видятъ (и удивляются, какъ не замѣчаете этого вы), что если ихъ *практическія* соглашенія съ вами должны быть обусловлены предварительнымъ *теоретическимъ* соглашеніемъ, то они *никогда* не будутъ имѣть мѣста. А между тѣмъ, они нужны для успѣха нашего общаго дѣла.

Написавъ эти строки, я прочиталъ въ № 212 „*Рѣчи*“ статью А. С. Изгоева „*Конституціонализмъ и соціализмъ*“. Эта статья можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ тому, что сказано мною о неумѣстныхъ „киваніяхъ“ кадетскихъ публицистовъ въ сторону марксизма.

Г. Изгоевъ говоритъ: „У насъ въ Россіи до конца 70-хъ годовъ почти безраздѣльно господствовалъ утопическій соціализмъ, подъ видомъ „народничества“, отрицавшій, конечно, конституцію, западно-европейскія основы жизни и проч. Съ конца 80-хъ годовъ началось выступленіе научнаго соціализма сперва въ теоріи, затѣмъ на практикѣ. Но, развившись болѣе въ интеллигентной средѣ, чѣмъ въ рабочей, нашъ новѣйшій соціализмъ принялъ разнообразныя формы, въ которыхъ причудливо сплетались марксизмъ съ утопизмомъ, бланкизмомъ, эволюціонизмомъ, анархизмомъ, анархическимъ синдикализмомъ и проч.“

Утопическій соціализмъ, господствовавшій въ Россіи до конца 70-хъ годовъ, не умѣлъ правильно рѣшить политическій вопросъ, это справедливо. И чѣмъ болѣе собирается матеріаловъ для идейной исторіи русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ, тѣмъ очевиднѣе становится, что съ политическимъ вопросомъ не умѣли тогда у насъ справиться даже такіе люди, которые считали политическую борьбу самой насущной задачей освободительнаго движенія. Это звучитъ парадоксомъ, но это именно такъ. Напечатанная въ „*Быломъ*“ статья Николадзе объ освобожденіи Чернышевскаго показываетъ это съ неотразимой убѣдительностью. Научный соціализмъ, „выступленіе“ котораго началось у насъ въ

восьмидесятыхъ годахъ *), имѣлъ всѣ данныя для рѣшенія политическаго вопроса,—„научные соціалисты, говоритъ г. Изгоевъ, отлично понимаютъ, что безъ парламентаризма соціализмъ невозможенъ“,—но правильному пониманію этого рѣшенія нашими соціалистами помѣшало то обстоятельство, что они принадлежали „болѣе“ къ интеллигентной средѣ. Въ нашемъ новѣйшемъ соціализмѣ марксизмъ причудливо сплелся, по словамъ г. Изгоева, съ разными видами утопическаго соціализма. Это, къ сожалѣнію, тоже вѣрно, по отношенію ко многимъ изъ нашихъ „марксистовъ“. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Казалось бы, что въ виду этого слѣдовало желать, чтобы научный соціализмъ поскорѣе восторжествовалъ у насъ надъ утопическимъ. Г. Изгоевъ именно этого и хочетъ. Но при этомъ онъ спѣшитъ сдѣлать одно существенное различеніе. Онъ заявляетъ, что въ самомъ научномъ соціализмѣ есть примѣсь утопіи, которая „иногда“ создавала возможность противополагать конституціонализмъ и парламентаризмъ соціализму. Въ научномъ соціализмѣ Маркса и его ближайшихъ послѣдователей „революціонные и эволюціонные элементы были тѣсно смѣшаны другъ съ другомъ, не переставая враждовать подъ общей крышей“. Къ счастію, дальнѣйшее движеніе соціализма „вело ко все большему и большему выдѣленію эволюціонныхъ элементовъ ученія, которые съ каждымъ годомъ усиливались, несмотря на то, что фразеологія осталась прежняя, революціонная. Поведеніе Бебеля на мангеймскомъ конгрессѣ по вопросу о всеобщей стачкѣ только одинъ изъ сотни эпизодовъ, характерующихъ его теченіе.

Я не стану возвращаться здѣсь къ оцѣнкѣ поведенія Бебеля въ Мангеймѣ. Я подробно высказался о немъ въ статьѣ, написанной подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ мангеймскаго съѣзда. Я только попрошу читателя замѣтить, въ чемъ видитъ г. Изгоевъ главный отличительный признакъ научнаго соціализма. Онъ видитъ его въ отсутствіи революціоннаго элемента. Это не болѣе, какъ старое, давно избитое и потому давно оставленное даже анархистами *противопоставленіе революціи эволюціи*. Какъ будто не ясно до очевидности, что эволюція *не исключаетъ* революцій, а *подготовляетъ ихъ?* Но г. Изгоевъ этого знать не хо-

---

*) Г. Изгоевъ относитъ его „выступленіе“ *къ концу* восьмидесятыхъ годовъ, но это не вѣрно: оно началось уже въ 1883 году.

четъ: ему подавай такой соціализмъ, въ которомъ совсѣмъ не было бы слышно революціоннаго „канупера“. Только такой соціализмъ онъ и согласенъ признать научнымъ. Короче сказать, научный соціализмъ, это—не соціализмъ Маркса и Энгельса, а соціализмъ г. Бернштейна. И когда г. Изгоевъ и его единомышленники желаютъ успѣха въ Россіи научному соціализму, это значитъ, что они желаютъ успѣха соціализму г. Бернштейна.

Это, конечно, ихъ дѣло. Я совсѣмъ не думаю посягать на свободу ихъ симпатій. Но я опять говорю имъ: господа, въ этомъ случаѣ голосъ инстинкта заглушаетъ въ васъ голосъ разсудка и справедливости. Припомнимъ факты. Въ своемъ знаменитомъ манифестѣ Марксъ и Энгельсъ насмѣхаются надъ тѣми „истинными“ нѣмецкими соціалистами, которые безтактно нападали на буржуазный конституціонализмъ. Авторы манифеста называли этихъ будто-бы истинныхъ соціалистовъ невольными защитниками стараго порядка. Манифестъ былъ, какъ извѣстно, написанъ въ самомъ началѣ 1848 года. Потомъ, послѣ мартовскихъ событій, Марксъ и Энгельсъ, вернувшись въ Германію, примыкаютъ къ *демократической партіи*, на что Энгельсъ указывалъ, много лѣтъ спустя,—въ письмѣ къ Зорге,—какъ на шагъ, совершенно правильный въ тактическомъ отношеніи. Что скажете вы объ этомъ? Вы скажете, вѣроятно, что тутъ Марксъ и Энгельсъ повели себя, какъ истинные эволюціонисты. Но я отвѣчу вамъ, что тотъ же, столь любезный вамъ, г. Бернштейнъ считаетъ эпоху сороковыхъ годовъ какъ разъ тѣмъ временемъ, когда революціонные элементы преобладали въ міросозерцаніи Маркса и Энгельса надъ эволюціонными. Выходитъ, что это преобладаніе не помѣшало основателямъ научнаго соціализма держаться той тактики, которая *на вашемъ языкѣ* называется *эволюціонной*. Да и какъ бы оно могло помѣшать этому, когда и все-то противопоставленіе революціи эволюціи не выдерживаетъ даже и самой снисходительной научной критики?

Существуютъ доктринеры революціонизма. Нашихъ проповѣдниковъ „эволюціонной“ тактики, поминутно шпыняющихъ „ортодоксальный“ марксизмъ, приходится признать *доктринерами антиреволюціонизма.*

Какой изъ двухъ видовъ докринерства привлекательнѣе? Это какъ кому. Но фактъ тотъ, что на практикѣ антиреволюціонное доктринерство нисколько не менѣе вредно, нежели революціонное.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмите хотя-бы статью г. Изгоева. Написана она, вѣроятно, съ хорошей цѣлью пояснить русскимъ марксистамъ, что только утопическій соціализмъ можетъ быть враждебенъ конституціонализму. И я взялся за чтеніе этой статьи съ не менѣе похвальной цѣлью почерпнуть въ ней новые доводы въ пользу соглашенія „крайнихъ лѣвыхъ“ съ „лѣвыми“. Значитъ, у насъ обоихъ были самыя мирныя намѣренія, а кончилось дѣло споромъ. Это ужъ нецѣлесообразно.

Г. Изгоевъ воленъ повторять избитыя разсужденія г-на Бернштейна на тему о двухъ элементахъ въ ученіи Маркса. Никто ему этого въ вину не поставитъ, а иные найдутъ, можетъ быть. что это „очень оригинально“ и свидѣтельствуетъ о наличности критическаго элемента въ міросозерцаніи самого г. Изгоева. Но къ чему заниматься этой „критической“ жвачкой въ передовыхъ статьяхъ политической газеты, имѣющей въ настоящее время совсѣмъ другія задачи? Въ переживаемое нами время публицистамъ этой газеты слѣдовало бы не поддаваться искушеніямъ антиреволюціоннаго доктринерства.

Надо считаться съ фактами. А факты говорятъ, что во имя такъ называемаго критическаго соціализма идеологи россійскаго пролетаріата ни за что не пойдутъ ни на какія соглашенія съ „лѣвыми“. Если вы хотите такихъ соглашеній, то докажите, что ихъ требуетъ правильно понятая „ортодоксія“, и тогда вы можете быть увѣрены, что ваши доводы не пропадутъ безслѣдно. Дурно это или хорошо—я здѣсь разсматривать этого не стану. Но дѣйствительность такова, и вамъ, „реальнымъ политикамъ“, полезно считаться съ нею.

Г. Изгоевъ находитъ, что „въ полемикѣ нашихъ партійныхъ соціалистовъ противъ конституціоналистовъ-демократовъ главную роль играютъ не ясно-сознанные раздѣльные реальные интересы, а споры кружковъ, претензіи различныхъ литературныхъ группъ. Этимъ объясняются и раздоры, разъѣдающіе наши соціалистическія партіи, въ которыхъ чуть-ли не на каждаго солдата приходится по одному генералу“.

Это строго. Но пусть скажетъ г. Изгоевъ: чѣмъ объясняется полемика нашихъ „конституціоналистовъ-демократовъ“ противъ соціалистовъ? Только желаніемъ сообщить этимъ послѣднимъ болѣе правильные тактическіе взгляды? Нѣтъ, не только этимъ! Если

бы это было такъ, то гг. конституціоналисты-демократы не считали бы своимъ долгомъ постоянно „кивать“ на „ортодоксальный“ марксизмъ. Они очень легко поняли бы тогда, что это не только не нужно, но прямо вредно.

А что „претензіи различныхъ литературныхъ группъ“ вызываютъ иногда чрезвычайно много совершенно излишнихъ споровъ— это вѣрно. За примѣромъ не далеко. Когда въ „*Товарищѣ*“ появилось письмо Плеханова къ сознательнымъ рабочимъ, то г-жа Кускова очень обрадовалась этому обстоятельству, такъ какъ, по ея словамъ, „они“ („мы“) всегда проповѣдывали то же самое, что сказано въ письмѣ. И вообще почти каждый разъ, когда въ средѣ „эсъ-дековъ“ обнаруживается критическое отношеніе къ своей собственной дѣятельности, „они“ восклицаютъ: „побѣдихомъ! побѣдихомъ!“ Тактическіе вопросы интересуютъ ихъ, какъ видно, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія ихъ „литературныхъ“ и иныхъ „претензій“. Нѣтъ ничего легче, какъ показать, что претензіи эти неосновательны. Но объ этомъ не стоитъ спорить въ то время, кагда надъ головами всѣхъ друзей свободы занесена дубина черной сотни. Теперь положительно не до того. Теперь надо долбить и долбить, что ни „лѣвымъ“, ни „крайнимъ лѣвымъ“ нечего бояться такихъ соглашеній, въ которыхъ они, не дѣлая другъ другу рѣшительно никакихъ принципіальныхъ уступокъ, могли бы сочетать свои усилія тамъ, гдѣ это нужно и для тѣхъ и для другихъ, нужно для всей Россіи!

Такія соглашенія теперь вопросъ дня. Горе тѣмъ, которые откажутся отъ нихъ ради тѣхъ или другихъ доктринерскихъ соображеній. Въ политикѣ нѣтъ болѣе тяжелаго и въ то же время болѣе постыднаго, болѣе жалкаго и смѣшного грѣха, нежели доктринерство. Это—грѣхъ слабыхъ!

Письмо четвертое.

Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. У насъ „болитъ“ наша тактика; неудивительно поэтому, что я часто возвращаюсь къ тактическимъ вопросамъ. Вѣдь, такъ много зависитъ отъ ихъ правильнаго рѣшенія. Будь у насъ въ „дни свободы“ правильныя тактическія понятія, наше дѣло обстояло бы несравненно лучше, нежели оно обстоитъ теперь. Но гдѣ же искать правильнаго рѣшенія тактическихъ вопросовъ? Очевидно, и здѣсь долженъ существовать извѣстный методъ, при надлежащемъ употребленіи котораго мы могли бы открыть истину.

Какой же это методъ?

По моему,—тотъ самый, которымъ мы вообще пользуемся при разработкѣ различныхъ сторонъ нашего міросозерцанія, это *діалектическій методъ*.

Но и діалектическій методъ можетъ быть понимаемъ,—а слѣдовательно и примѣняемъ,—различно. Идеалистическая діалектика Платона или Гегеля—далеко не то же самое, что матеріалистическая діалектика Маркса.

Марксъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ различіе между этими двумя видами діалектики.

„Для Гегеля, логическій процессъ, превращающійся у него, подъ именемъ Идеи, въ самостоятельнаго субъекта, есть Деміургъ дѣйствительности, которая составляетъ только его внѣшнее проявленіе. Для меня же, какъ разъ наоборотъ, идеальное есть переведенное и переработанное въ человѣческой головѣ матеріальное“ *).

По поводу этой характеристики діалектическаго метода наго-

---

*) Das Kapital, Vorwort zur 2 Auflage, s. X, XI.

ворено было „критиками Маркса“ много вздору. Одинъ изъ нихъ,— докторъ Конрадъ Шмидтъ,— утверждалъ, напримѣръ, съ видомъ величайшаго глубокомыслія, что считать идеальное переработкой и переводомъ матеріальнаго значитъ объяснять духовную природу человѣка „матеріей и силой“. Въ другомъ мѣстѣ я возразилъ ему на это, что если я перевожу какое-нибудь произведеніе съ русскаго языка на французскій, то это отнюдь не означаетъ, что свойства французскаго языка объясняются свойствами русскаго *). Но здѣсь мнѣ совершенно не нужно вдаваться въ философскій споръ объ отношеніи „идеальнаго“ къ „матеріальному“. Я веду бесѣду съ читателемъ, стоящимъ на точкѣ зрѣнія Маркса и не уклонившимся отъ нея ни подъ вліяніемъ глубокомысленнаго доктора К. Шмидта, ни подъ вліяніемъ еще болѣе глубокомысленнаго г. Богданова. Я разговариваю съ марксистомъ, нефальсифицированнымъ „критикой“. А такому марксисту,—надо сознаться, такихъ мало,—естественно считать правильными философскія основы своего собственнаго міросозерцанія. Стало быть, мы можемъ, не подвергая пересмотру („Revision“) эти основы, сосредоточить свое вниманіе на томъ, что говоритъ дальше Марксъ о своей матеріалистической діалектикѣ.

„Въ своемъ мистифицированномъ видѣ,—продолжаетъ онъ,— діалектика была нѣмецкой модой, потому что она оправдывала, повидимому, существующій порядокъ вещей. Въ своемъ раціональномъ видѣ она непріятна буржуазіи и ея теоретикамъ, потому что она, объясняя существующее, объясняетъ также его отрицаніе и его неизбѣжное уничтоженіе; потому что она разсматриваетъ каждую данную форму въ ходѣ движенія, т. е., стало быть, съ преходящей стороны; потому что она не останавливается ни передъ чѣмъ, будучи критической и революціонной по своему существу“**).

На первый взглядъ эта характеристика матеріалистической діалектики представляется какъ нельзя болѣе далекой отъ тѣхъ тактическихъ вопросовъ, которые волнуютъ насъ въ настоящее время. Но вдумайтесь въ нее внимательнѣе, и вы увидите, что это большая ошибка.

Въ самомъ дѣлѣ, матеріалистическая діалектика, разсматривающая каждую данную форму съ ея преходящей стороны, имѣетъ

---

*) Критика нашихъ критиковъ, стр. 231.
**) Марксъ, назв. соч., тѣ же стр.

ту особенность, что она не только *отрицаетъ*, но и *объясняетъ*, и притомъ объясняетъ не только существованіе данной формы, подвергающейся отрицанію, но и самое это отрицаніе. Отрицаніе, не умѣющее оправдать себя передъ верховнымъ судилищемъ діалектики, оказывается, признается лишеннымъ всякаго основанія. Это чрезвычайно важно какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. Но это еще не все. Чѣмъ можетъ быть оправдано, объяснено отрицаніе передъ судилищемъ діалектики? Такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ *матеріалистической* діалектикой, то очевидно, что объясненія надо искать не въ *„идеальномъ“*, которое есть переводъ и передѣлка въ человѣческой головѣ „матеріальнаго“, а именно въ этомъ послѣднемъ. То „матеріальное“, къ которому приходится аппелировать при объясненіи отрицанія даннаго общественнаго порядка, называется общественной экономіей. Матеріалистическое объясненіе исторіи заключается, какъ въ формулѣ, крайне сжатой, но чрезвычайно точной, въ приведенной мною характеристикѣ матеріалистической діалектики. Замѣчу мимоходомъ, что изъ этого видно, какъ умны тѣ люди, которые признаютъ матеріалистическое объясненіе исторіи, но отвергаютъ матеріалистическую діалектику.

Пойдемъ дальше. Человѣкъ, умѣющій объяснить существующее, умѣетъ также опредѣлить,—по крайней мѣрѣ, имѣетъ наилучшій методъ для того, чтобы опредѣлить,—въ какой мѣрѣ это существующее *уже* созрѣло, и въ какой мѣрѣ оно *еще не* созрѣло для погибели. А это, разумѣется, не можетъ остаться безъ вліянія на его *практическую* дѣятельность: къ тому, что *еще не созрѣло* для погибели, такой человѣкъ по необходимости,—я имѣю въ виду логическую необходимость, которой подчиняются, однако, только *послѣдовательные* люди, — будетъ относиться иначе, нежели къ тому, что *уже* созрѣло для нея. Изъ одного мѣста *„Анти-Дюринга“* видно, что Энгельсъ представлялъ себѣ историческій путь каждаго даннаго общественнаго класса въ видѣ кривой линіи, состоящей изъ двухъ частей, восходящей и нисходящей. Пока данный классъ находится въ восходящей части кривой своего историческаго движенія, онъ играетъ прогрессивную роль въ общественномъ развитіи, и тогда всякій тотъ, кто стремится такъ или иначе задержать его стремленіе впередъ, самъ играетъ волей-неволей, сознательно или безсозна-

тельно, роль *реакціонера*. И это одинаково вѣрно, какъ въ примѣненіи къ общественной *экономіи*, такъ и въ примѣненіи къ *политикѣ*. Иначе, впрочемъ, не могло бы и быть въ виду той тѣсной причинной связи, которая существуетъ, по ученію Маркса, между производственными отношеніями всякаго даннаго общества съ одной стороны и его политической „надстройкой" съ другой.

Возьмемъ примѣръ изъ области экономіи. Стоя на точкѣ зрѣнія діалектическаго матеріализма, Марксъ и Энгельсъ,—*въ противоположность буржуазнымъ экономистамъ*,—изучали капитализмъ именно „въ ходѣ движенія, т. е., стало быть, съ преходящей стороны". Объяснивъ существованіе капитализма, они тѣмъ самымъ объяснили его отрицаніе и его неизбѣжное паденіе. И это ихъ объясненіе неизбѣжнаго паденія капитализма легло, какъ извѣстно, въ основу ихъ отношенія къ движенію класса, долженствующаго современемъ устранить капитализмъ, т. е. современнаго рабочаго класса. Но, именно, потому, что они *объяснили существованіе капитализма*, они поняли ту прогрессивную роль, которую онъ игралъ въ исторіи, и,—*въ противоположность соціалистамъ-утопистамъ*,—объявили *реакціонными* всѣ попытки *остановить* или хотя-бы только *замедлить* развитіе капитализма.

На партійномъ съѣздѣ германской соціалъ-демократіи въ Бреславлѣ (1895 г.) Бебель сказалъ, что когда ему приходится разсматривать то или другое практическое требованіе, то онъ, прежде всего, спрашиваетъ себя, не помѣшало-ли бы его осуществленіе развитію капитализма, и если обнаруживается, что оно дѣйствительно помѣшало бы ему, то онъ высказывается *противъ* такого требованія. Говоря это, Бебель былъ вѣрнымъ ученикомъ Маркса.

Но подобное отношеніе къ капитализму понятно только тѣмъ людямъ, которые сумѣли,—хотя, можетъ быть, только въ этой области,—подняться до діалектической точки зрѣнія. Людямъ же, придерживающимся той точки зрѣнія, которая у Гегеля, а послѣ Гегеля у Энгельса и Маркса, называлась *метафизической*, дѣло представляется совершенно въ другомъ видѣ. Метафизикъ разсуждаетъ по формулѣ: „да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго". Эта формула исключаетъ всякія соображенія объ условіяхъ мѣста и времени; она не знаетъ оттѣнковъ. Капитализмъ *или* хорошъ *или* дуренъ. Если онъ хорошъ, то его надо насаж-

дать всѣми мѣрами, а потому надо итти въ услуженіе къ капиталистическимъ эксплуататорамъ. Если онъ вреденъ, то его надо рѣшительно устранять всѣми средствами, включая сюда и тѣ, которыя увѣковѣчиваютъ существованіе старыхъ, до-капиталистическихъ „устоевъ". Это старая пѣсня, хорошо знакомая у насъ читателямъ, помнящимъ наши споры съ народниками. Я до сихъ поръ не могу удержаться отъ веселаго смѣха, когда вспоминаю, какъ покойный С. Н. Кривенко писалъ, что въ современной намъ деревнѣ послѣдовательный марксистъ долженъ сдѣлаться кабатчикомъ. Я смѣю льстить себя тою надеждой, что большая часть моихъ читателей понимаетъ теперь, какъ сильно ошибался только что названный мною врагъ капитализма. Значитъ, я могу и не останавливаться дольше на этомъ примѣрѣ.

Теперь возьмемъ примѣръ изъ области политики. Метафизикъ, твердящій, что капитализмъ *или* хорошъ *или* дуренъ, и что, поэтому, надо *или* насаждать его *или* мѣшать его развитію, остается вполнѣ вѣрнымъ себѣ, когда опасается политическаго торжества буржуазіи. Вѣдь, если капитализмъ *или* хорошъ *или* дуренъ, то и политическое господство буржуазіи *или* хорошо *или* дурно. Если оно хорошо, то надо самому держаться буржуазной политики, а если оно дурно, то нужно не допускать политическаго пришествія буржуазіи, хотя-бы для этого пришлось увѣковѣчить,— точнѣе говоря, продлить на неопредѣленное время, —существованіе старыхъ, докапиталистическихъ формъ политическихъ отношеній. Такой выводъ дѣлали иногда „истинные", осмѣянные въ манифестѣ коммунистической партіи, нѣмецкіе соціалисты сороковыхъ годовъ; такой же выводъ дѣлали у насъ народники типа г. В. В. и субъективисты типа Ник. Михайловскаго. Что я не клевещу на этого послѣдняго, видно, между прочимъ, изъ напечатанной въ „Быломъ" статьи г. Николадзе „Освобожденіе Чернышевскаго". Это—въ своемъ родѣ страшная статья, показывающая, до какихъ дикихъ выводовъ доходили, несомнѣнно, честные и, по своему, умные люди, не умѣя возвыситься до діалектической точки зрѣнія на общественную жизнь.

Съ другой стороны, у насъ въ восьмидесятыхъ годахъ были люди, —гг. В. Бурцевъ, И. Добровольскій, В. Дебагоріо-Мокріевичъ,—которые, рѣшивъ, что торжество буржуазнаго порядка было бы большимъ шагомъ впередъ для Россіи, дѣлали отсюда тотъ

выводъ, что русскіе идеологи пролетаріата должны „на время“ слиться съ либералами. Это была дополнительная ошибка къ той, которую дѣлали Михайловскій и наши народники: и тѣ, и другіе, и народники съ Михайловскимъ, и г. В. Бурцевъ со своими единомышленниками, разсуждали по формулѣ: „да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго“.

Не такъ разсуждали основатели научнаго соціализма. Въ политикѣ,—совершенно такъ же, какъ и въ экономіи,—они объяснили буржуазный режимъ съ его проходящей стороны. Объясняя его существованіе, они тѣмъ самымъ объясняли и его отрицаніе, его неизбѣжное паденіе. Но тѣмъ же самымъ они объяснили и ту прогрессивную роль, которую онъ сыгралъ,—или, какъ въ Германіи сороковыхъ годовъ, только долженъ былъ сыграть,—замѣстивъ собою „старый порядокъ“, выросшій на почвѣ отжившихъ экономическихъ отношеній. Вотъ почему они осмѣивали въ своемъ „манифестѣ“ нѣмецкихъ „истинныхъ“ соціалистовъ, въ своей простотѣ полагавшихъ, что если буржуазному политическому режиму суждено современемъ исчезнуть, то ему не зачѣмъ и появляться. Соціалисты этой категоріи представлялись авторамъ „манифеста“ *реакціонерами*, а ихъ литература—*вредной*, *„развращающей литературой“*. Марксъ и Энгельсъ находили, что пролетаріатъ долженъ итти рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной въ своей борьбѣ со старымъ порядкомъ.

Если „истинные“ соціалисты, разсуждая по формулѣ: „да-да, нѣтъ-нѣтъ“, приходили къ тому убѣжденію, что, въ виду противорѣчія *экономическихъ* интересовъ буржуазіи и пролетаріата, у этихъ двухъ классовъ не можетъ быть общихъ *политическихъ* интересовъ, даже въ періодъ перехода отъ *до*-буржуазнаго политическаго режима къ буржуазному, то К. Гейнценъ и его друзья, въ свою очередь, находили, что въ указанный историческій періодъ пролетаріату совсѣмъ нѣтъ надобности выдѣляться въ особую политическую партію. Такое выдѣленіе представлялось имъ, какъ представлялось оно у насъ гг. Бурцеву, И. Добровольскому и проч.—вреднымъ для дѣла свободы, и потому они жестоко нападали на Маркса и Энгельса за ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи.

Само собою разумѣется, что здѣсь совершенно неумѣстно было

бы распростроняться объ этой полемикѣ. Но полезно будетъ указать здѣсь на то, какъ опредѣлялъ Марксъ собственно *логическіе* промахи К. Гейнцена.

По словамъ Маркса, К. Гейнценъ принадлежалъ къ числу представителей того „здраваго смысла“, который не желаетъ портить свои природныя дарованія изученіемъ философіи и другихъ премудростей и который обнаруживаетъ свою вульгарность своей полной логической безпомощностью. Тамъ, гдѣ ему удается замѣтить *различіе* между предметами, онъ не видитъ ихъ *единства*,— т.-е. *сходства*,—а тамъ, гдѣ онъ видитъ ихъ *единство*, онъ упускаетъ ихъ *различіе*. Выражая это извѣстной русской поговоркой, мы могли бы сказать, что тамъ, гдѣ этому вульгарному „здравому смыслу“ удается вытащить хвостъ, у него вязнетъ носъ, и наоборотъ.

Эта,—правда, не весьма лестная,—аттестація можетъ быть съ полнымъ основаніемъ примѣнена ко многимъ и многимъ изъ тѣхъ, которые разсуждаютъ теперь въ нашемъ отечествѣ о тактикѣ пролетаріата. Есть у насъ и теперь категорія людей, утверждающихъ, что въ Россіи названному классу еще не пришло время выступать въ политикѣ отдѣльно отъ буржуазіи. Люди этой категоріи видятъ *сходство* между предметами и не замѣчаютъ ихъ *различія*. Другіе люди, считающіе себя большими радикалами,—настаиваютъ не только на томъ, чтобы пролетаріатъ выступалъ въ политикѣ *отдѣльно* отъ буржуазіи,—тутъ они правы,—но также и на томъ, чтобы онъ не входилъ въ политическія сношенія съ нею даже и для борьбы со „старымъ порядкомъ“. Тутъ они ошибаются. Этимъ людямъ удается подмѣтить,—вѣрнѣе, запомнить со словъ другихъ,—*различіе* между предметами, но у нихъ не хватаетъ силы ума для того, чтобы одновременно съ этимъ выяснить себѣ и *сходство* въ положеніи этихъ предметовъ. У однихъ вязнетъ носъ, у другихъ—хвостъ. Кто лучше? Я, право, не знаю. Должно быть, и тѣ, и другіе лучше. Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что ни тѣ, ни другіе не доросли до точки зрѣнія діалектическаго матеріализма. И не даромъ, — къ слову сказать,—и тѣ, и другіе, когда имъ случается заняться философіей, одинаково охотно устраняютъ эту точку зрѣнія, какъ „устарѣлую“, замѣняя діалектическій матеріализмъ—одни

кантовскимъ критицизмомъ, другіе маховскимъ эмпиріомонизмомъ и т. д.

Для наглядности, вотъ маленькая вырѣзка изъ „*Товарища*" (№ 133):

„Намъ сообщаютъ изъ Парижа:

„Послѣ опубликованія въ „Товарищѣ" письма Гэда, въ которомъ онъ рѣшительно высказался за соглашенія съ либерально-демократической оппозиціей въ предстоящихъ выборахъ, одинъ видный большевикъ послалъ Гэду телеграмму слѣдующаго содержанія: „Пораженъ вашимъ письмомъ, столь несовмѣстимымъ съ принципами борьбы классовъ". Большевикъ не вѣрилъ подлинности письма Гэда и просилъ его подтвердить принадлежность ему письма телеграммой. Гэдъ отвѣтилъ: „Обязанность соціалиста—бороться противъ абсолютизма. Если нельзя выставить кандидата своего класса,—надо входить въ коалицію".

„И ты, Брутъ!"

Что одинъ болѣе или менѣе, „видный большевикъ" посылалъ телеграмму Гэду, выражая ему свое крайнее удивленіе по поводу его письма, это мнѣ было извѣстно изъ другого источника, но мнѣ не былъ сообщенъ подлинный текстъ телеграммы болѣе или менѣе „виднаго большевика", и я не могу сказать, совершенно ли точно переданъ этотъ текстъ въ „*Товарищѣ*". Однако, намъ и не нужна здѣсь „*буква*" телеграммы: намъ достаточно знать ея *мысль*, ея „духъ". А мысль ея передана вѣрно. И въ лицѣ ея автора, болѣе или менѣе „виднаго большевика", передъ нами стоитъ весьма интересный экземпляръ породы людей, органически неспособный усвоить себѣ ту, въ сущности, крайне простую мысль, что два данныхъ предмета могутъ быть и различны, и сходны между собою, и что въ наше переходное время тактика россійскаго пролеларіата должна быть насквозь пропитана именно этой мыслью. Столь простая мысль все-таки слишкомъ сложна для „природнаго дарованія" людей этой породы. Они знаютъ только свое „или-или": или сходство или различіе; или борьба классовъ или соглашенія; что сверхъ того, то отъ лукаваго. Имъ и въ голову не приходитъ, что въ переходныя эпохи соглашенія могутъ быть необходимы въ интересахъ *дальнѣйшаго развитія той же борьбы классовъ*. Я увѣренъ, что когда

нашъ болѣе или менѣе „видный большевикъ“ получилъ телеграмму Ж. Гэда, указывавшаго ему на прямую и неоспоримую „обязанность соціалиста“, то онъ съ грустью рѣшилъ, что самъ основатель французской рабочей партіи заболѣлъ оппортюнизмомъ. Бѣдный „видный большевикъ“! Онъ, право же, трогателенъ въ своей святой простотѣ!

Но какъ ни трогателенъ этотъ россійскій представитель вульгарнаго „здраваго смысла“, надо, все-таки, помнить, что его понятіе объ оппортюнизмѣ,—довольно таки распространенное въ рядахъ россійскихъ эсъ-дековъ,—могло быть естественнымъ для соціалистовъ „временъ Очакова и покоренья Крыма“ но явлется самой несомнѣнной контрабандой въ головѣ человѣка, именующаго себя послѣдователемъ Маркса.

Съ точки зрѣнія соціалиста давнопрошедшаго времени, вопросъ о томъ, кто оппортюнистъ, а кто радикалъ, — рѣшался до послѣдней степени просто. Если формулой: „да—да, нѣтъ—нѣтъ“ исчерпываются всѣ логическія возможности, то легко видѣть, что къ радикаламъ нужно причислить того, кто, усвоивъ себѣ, скажемъ, принципъ борьбы классовъ, настойчиво требуетъ, чтобы борьба между двумя данными классами продолжалась даже тогда, когда имъ обоимъ было бы выгоднѣе согласиться между собою для совмѣстнаго *нападенія на какого-нибудь третьяго противника*, препятствующаго свободѣ движеній каждаго изъ нихъ. *Или* борьба классовъ *или* примиреніе классовъ, то-есть измѣна принципу борьбы. Вотъ почему вышеупомянутый болѣе или менѣе „видный большевикъ“, по своему *долженъ* считать меня и Гэда оппортюнистами; вотъ почему онъ, по своему, имѣлъ полное *право* самодовольно воскликнуть, подобно тому, какъ восклицалъ фарисей въ іерусалимскомъ храмѣ: „благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты создалъ меня непохожимъ на этихъ людей, а уподобилъ меня радикальному Ленину“. У „виднаго большевика“ *своя* логика. Но послѣ всего вышесказаннаго ясно, что *его* логика совершенно неудовлетворительна. Ясно, стало быть, что и сужденія, опирающіяся на эту логику, не только не могутъ рѣшить интересующій насъ вопросъ, но *непремѣнно должны его запутывать*.

А какъ обстоитъ дѣло съ точки зрѣнія послѣдователя современнаго научнаго соціализма? На первый взглядъ, оно представ-

ляется здѣсь болѣе *сложнымъ*, но въ сущности оно значительно *упрощается* уже по одному тому, что діалектическій методъ научнаго соціализма легко справляется съ трудностями, непреодолимыми для вульгарнаго „здраваго смысла".

Если матеріалистическая діалектика разсматриваетъ всѣ явленія съ ихъ преходящей стороны: если она, объясняя эти явленія, объясняетъ также и ихъ отрицаніе; если она ни передъ чѣмъ не останавливаится и ни передъ чѣмъ не склоняется, то отсюда слѣдуетъ, что радикаленъ только тотъ, кто вполнѣ вѣренъ ея духу, т.-е. только тотъ, кто самъ не склоняется ни передъ чѣмъ старымъ, отживающимъ свой вѣкъ; кто понимаетъ смыслъ историческаго движенія и ясно видитъ его конечную цѣль. Оппортюнистомъ же, напротивъ, является тотъ, кто не имѣетъ достаточно *нравственной* силы для того, чтобы разорвать съ отживающимъ, или достаточно умственной силы для того, чтобы понять, что старое въ самомъ дѣлѣ отжило свое время. Само собою разумѣется, что такой человѣкъ будетъ сравнительно равнодушенъ къ конечной цѣли движенія; ему иногда будетъ прямо непріятно говорить о ней, такъ какъ напоминаніе о ней тревожитъ защитниковъ отживающаго, съ которыми ему не хотѣлось бы разойтись окончательно. Психологія оппортюниста, это—психологія г. Э. Бернштейна, который взялся за „пересмотръ" теоріи Маркса, придя къ тому убѣжденію, что старый марксизмъ *запугиваетъ буржуазію*. Г-нъ Э. Бернштейнъ захотѣлъ убѣдить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые слои этого класса въ томъ, что современное рабочее движеніе совсѣмъ не такъ сильно, какъ они думаютъ, угрожаетъ ихъ матеріальнымъ и ихъ идеологическимъ интересамъ: „ихъ религіи, ихъ патріотизму" и т. д. *) Вотъ почему г. Э. Бернштейнъ принялся доказывать, что въ нынѣшнемъ капиталистическомъ обществѣ число собственниковъ растетъ не только относительно, но и абсолютно; вотъ почему онъ сталъ осуждать всякіе толки о диктатурѣ пролетаріата; вотъ почему онъ сталъ „критиковать" матеріализмъ и т. д., и т. д. Все это его настроеніе прекрасно выразилось въ томъ, что конечная цѣль современнаго западно-европейскаго рабочаго движенія потеряла въ его глазахъ всякую цѣну: „движеніе—все, конечная цѣль—ничто", объявилъ

*) „Историческій матеріализмъ", переводъ Л. Канцель. С.-П.Б., 1901; стр. 248-249.

онъ. Но если конечная *цѣль*—ничто, то и *движеніе* утрачиваетъ всякій смыслъ: оно становится движеніемъ съ закрытыми глазами, движеніемъ ощупью, движеніемъ на-удачу. Когда человѣкомъ овладѣваетъ такое настроеніе, ему, разумѣется, тошно всякое напоминаніе о ни передъ чѣмъ не склоняющейся матеріалистической діалектикѣ. И не даромъ г. Э. Бернштейнъ, взявшись за „пересмотръ“ теоріи Маркса, сталъ усердно предупреждать своихъ читателей противъ опасностей того, что онъ называетъ *логикой противорѣчій*.

Теперь мы знаемъ одинъ признакъ, характеризующій мышленіе человѣка, вѣрнаго духу матеріалистической діалектики. Такой человѣкъ ни на одну минуту не упускаетъ изъ виду конечной цѣли движенія и всякую форму, всякій фактъ, всякій шагъ въ своей собственной дѣятельности оцѣниваетъ по принципу ея скорѣйшаго достиженія: *лучше всего то, что скорѣе всего ведетъ къ ней; хуже всего то, что нагромождаетъ наибольшія препятствія на пути къ ея достиженію*. Это одинъ изъ основныхъ принциповъ его тактики.

Но,—замѣтьте,—*только* одинъ. И этимъ *однимъ* принципомъ далеко еще не опредѣляется ея характеръ. Этотъ характеръ опредѣляется имъ до такой степени недостаточно, что любой утопистъ радикальнаго направленія охотно подписался бы подъ словами: лучше всего то, что скорѣе всего ведетъ къ конечной цѣли, хуже всего то, что сильнѣе всего препятствуетъ ея достиженію. Вопросъ въ томъ, *гдѣ ищетъ человѣкъ ручательства за достиженіе конечной цѣли*. Соціалисты-утописты, насквозь пропитанные *идеалистическимъ* взглядомъ на исторію, искали такого ручательства въ силѣ отвлеченной истины и справедливости; послѣдователь научнаго соціализма, стоящій на точкѣ зрѣнія матеріалистической діалектики, апеллируетъ къ развитію общественныхъ отношеній. Твердо вѣрующій въ несокрушимую силу отвлеченной истины, утопистъ считаетъ, что желательный для него общественный строй могъ бы осуществиться въ каждую данную минуту, если бы этому не мѣшала злая воля и глупость людей. Послѣдователь научнаго соціализма знаетъ, что взгляды и стремленія людей опредѣляются ихъ общественными отношеніями, а смѣна общественныхъ отношеній обусловливается развитіемъ производительныхъ силъ („для меня же идеальное есть переведенное и переработанное въ

человѣческой головѣ матеріальное“). Поэтому тотъ строй, который наиболѣе соотвѣтствуетъ его, какъ выражается Некрасовъ, вожделѣннымъ думамъ, отнюдь не кажется ему осуществимымъ въ каждую данную минуту. Въ его глазахъ все рѣшается въ послѣднемъ счетѣ состояніемъ общественныхъ производительныхъ силъ.

Марксъ говоритъ: „Если-бы пролетаріату удалось свергнуть политическую власть буржуазіи, то его побѣда была бы преходящей, она сама явилась бы лишь моментомъ буржуазной революціи, — какъ это было въ 1794 г., — до тѣхъ поръ, пока не были бы созданы ходомъ исторіи... матеріальныя условія, дѣлающія необходимымъ устраненіе буржуазнаго способа производства, а потому и окончательное низверженіе политическаго господства буржуазіи“. Если-бы Марксъ выступалъ съ такою проповѣдью у насъ въ пресловутые „дни свободы“, то онъ показался бы „оппортюнистомъ“. У насъ въ средѣ „эсъ-дековъ“ имѣла тогда немалый успѣхъ та теорія, что только *вульгарный* соціализмъ можетъ справляться съ состояніемъ производительныхъ силъ, настоящій же научный соціализмъ уповаетъ, главнымъ образомъ, на... „историческія случайности“. Я не стану разбирать здѣсь, какой взглядъ болѣе вѣренъ: вѣдь я исхожу изъ того предположенія, что вѣренъ именно взглядъ Маркса. Но читатель, надѣюсь, и самъ видитъ, что съ точки зрѣнія основныхъ положеній марксизма,—защитниками которыхъ хотѣли бы быть наши эсъ-деки, — ссылка на „историческія случайности“, въ томъ видѣ, какой она имѣла у насъ тогда, при обсужденіи вопроса о возможности соціалистической революціи, представляла собою нѣчто до послѣдней степени несообразное. Почему же она казалась убѣдительной многимъ, отъ природы неглупымъ людямъ?

Конечно, почему. „Поскоблите русскаго, говорилъ Наполеонъ, и вы найдете татарина“. А я скажу: поскоблите нашего марксиста, и вы, конечно, не всегда, но въ большинствѣ случаевъ, найдете неисправимаго утописта. Ну, а извѣстно, что утопистъ, такъ твердо вѣрующій въ силу истины и справедливости, въ глубинѣ души уповаетъ, однако, главнымъ образомъ на счастливыя случайности. Вотъ почему,—и только поэтому,—многіе изъ нашихъ эсъ-дековъ оказались въ указанное время несравненно болѣе „радикальными“, нежели Марксъ, но... радикализмъ ли это?

Не всякій тотъ, кто называетъ себя послѣдователемъ Маркса, умѣетъ правильно пользоваться его методомъ.

Уже одинъ тотъ фактъ, что по мнѣнію Маркса, при недостаточномъ развитіи производительныхъ силъ, диктатура пролетаріата могла бы явиться „лишь моментомъ буржуазной революціи“, вызвалъ бы громы тѣхъ „видныхъ“ и невидныхъ „большевиковъ“, которые хлопочутъ,—какъ говаривалъ покойный Л. Тихомировъ,—о „диктатурѣ пролетаріата и крестьянства“. Аграрная программа этихъ весьма „радикальныхъ“ господъ разсчитана именно на такую диктатуру.

А когда имъ указываютъ на то, что такая диктатура ни въ какомъ случаѣ не могла бы теперь быть окончательной, и когда ихъ спрашиваютъ, каковы были бы политическія послѣдствія осуществленія ихъ аграрной программы послѣ того, какъ наступила бы неизбѣжная реакція, они отвѣчаютъ, обвиняя спрашивающихъ въ маловѣріи, въ оппортюнизмѣ, въ урѣзываніи политической программы и въ прочихъ смертныхъ грѣхахъ.

Я сказалъ: поскоблите нашего эсъ-дека, вы очень часто найдете утописта, теперь я прибавлю, что „большевика“ даже и скоблить нѣтъ никакой надобности: его утопизмъ и безъ того бросается въ глаза всякому, хоть немного понимающему дѣло; это утопизмъ, возведенный въ квадратъ.

Итакъ, тотъ, кто постоянно имѣетъ въ виду „конечную цѣль“, поступаетъ очень хорошо, но этого еще мало. Тѣ первые крестоносцы, которые, выступивъ въ походъ, при видѣ каждой новой колокольни спрашивали: „не это ли Іерусалимъ?“, тоже постоянно помнили о своей конечной цѣли; однако, это не помѣшало имъ потерпѣть самую жалкую неудачу, они не имѣли понятія о пути, ведущемъ къ ихъ „конечной цѣли“; они даже и не подозрѣвали того, что средства, имѣвшіяся у нихъ, были совершенно недостаточны для ея достиженія. Поэтому, если они и были радикалами въ своемъ постоянномъ стремленіи къ конечной цѣли, то ихъ радикализмъ былъ ничтоженъ по своей политической стоимости. И такъ же ничтожна теперь политическая стоимость радикализма утопистовъ. На практикѣ этотъ мнимый радикализмъ нерѣдко приноситъ огромный вредъ дѣлу и потому играетъ *не прогрессивную, а реакціонную роль.*

Послѣдователь научнаго соціализма, если только онъ хочетъ

быть вѣрнымъ самому себѣ, долженъ относиться съ большимъ недовѣріемъ къ ходячимъ мнѣніямъ о радикализмѣ того или другого направленія въ политикѣ, того или другого общественнаго дѣятеля, того или другого пріема борьбы. Не все то золото, что блеститъ, и не все то радикально, что имѣетъ радикальную внѣшность. Еще недавно г. Э. Бернштейнъ утверждалъ, что германской соціалъ-демократіи слѣдуетъ внести массовыя демонстраціи въ число употребляемыхъ ею теперь пріемовъ политическаго дѣйствія. А Каутскій и Бебель оспаривали это мнѣніе, они находили демонстраціи неумѣстными въ настоящее время. Что же, значитъ ли это, что Каутскій и Бебель помѣнялись мѣстомъ съ г. Бернштейномъ? Что теперь они стали оппортюнистами, а Бернштейнъ опять вернулся къ радикализму? Такъ что-ли? Да вовсе же нѣтъ! Предполагая радикальное средство политической борьбы, Бернштейнъ ни на іоту не измѣнилъ своему оппортюнизму, точно такъ же, какъ Бебель и Каутскій ни на іоту не измѣнили своему радикализму, отвергая это радикальное средство. И германскіе соціалъ-демократы очень хорошо понимали это; а у насъ нѣкоторые эсъ-деки огорчались тѣмъ, что лѣвое крыло германской соціалъ-демократіи дало оппортюнисту г. Бернштейну побить рекордъ въ радикализмѣ. То-то наивность!

Въ головѣ утописта мирно уживаются самыя непримиримыя противорѣчія. Сегодня онъ скажетъ вмѣстѣ съ вами, что въ политикѣ самымъ радикальнымъ нужно признать то средство, которое скорѣе всѣхъ другихъ ведетъ къ цѣли. А завтра онъ будетъ разсматривать средства совершенно *независимо отъ ихъ цѣлесообразности:* завтра онъ совсѣмъ позабудетъ,—ровно никогда и не слыхивалъ!—что значеніе всякаго даннаго средства *относительно*, и что нѣтъ такого средства, которое было бы хорошо *само по себѣ*, хорошо *безусловно*, а не только потому, что оно быстро и вѣрно ведетъ къ конечной цѣли. И только потому, что мышленіе утописта исполнено противорѣчій, только потому, что оно не прошло черезъ закаляющую школу діалектики, возможны такіе факты,—повторяющіеся у насъ чуть не ежедневно,—что какое-нибудь отдѣльное средство борьбы, скажемъ хоть демонстраціи, берется внѣ всякой связи съ общимъ ходомъ движенія и признается болѣе или менѣе радикальнымъ по сравненію съ *другимъ, тоже отдѣльно взятымъ средствомъ*, напримѣръ, хоть

съ насильственными дѣйствіями. И тотъ, кто отклоняетъ средство, признанное наиболѣе радикальнымъ при такомъ нелѣпомъ методѣ оцѣнки, считается радикаломъ, а тотъ, кто отвергаетъ его, объявляется умѣреннымъ и иногда...—это уже верхъ комизма!—самъ сознаетъ себя умѣреннымъ и въ глубинѣ души страдаетъ отъ сознанія этой своей, «вынужденной обстоятельствами», умѣренности. Я врядъ-ли кончилъ бы когда-нибудь, если-бы сталъ перечислять ошибки, сдѣланныя нашими крайними лѣвыми, благодаря такому въ корнѣ ошибочному, — *метафизическому*, какъ сказали бы Марксъ и Энгельсъ, — способу оцѣнки различныхъ пріемовъ борьбы. Эти ошибки многочисленны, какъ звѣзды на небѣ, какъ песчинки на берегу моря...

Діалектика разсматриваетъ вещи и явленія въ ихъ взаимной связи, а не въ ихъ отдѣльности. А когда то или иное *средство* борьбы разсматривается не въ его отдѣльности, а въ его взаимной связи съ другими *средствами* и—это главное,—въ его соотвѣтствіи съ *цѣлью*, тогда сплошь да рядомъ обнаруживается, что средство, представляющееся радикальнымъ при его разсмотрѣніи въ отдѣльности, *вредитъ* дѣлу, *замедляетъ* достиженіе къ цѣли и должно быть отброшено не потому, что оно будто бы радикально,— нѣтъ и не можетъ быть такого средства, которое было бы радикально или умѣренно само по себѣ,—а просто-на-просто потому, что оно нелѣпо, какъ всякое средство, противное цѣли, и вотъ почему чрезвычайно смѣшны тѣ люди,—въ ихъ числѣ встрѣчается много весьма ученыхъ профессоровъ разныхъ общественныхъ наукъ,—которые глубокомысленно повѣствуютъ, что къ концу своей жизни Марксъ и Энгельсъ стали гораздо умѣреннѣе, нежели они были въ началѣ своей политической карьеры. На самомъ дѣлѣ, измѣнились не Марксъ и Энгельсъ, а тѣ условія, при которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, и это измѣненіе условій необходимымъ образомъ привело къ измѣненію пріемовъ борьбы.

Основатели *научнаго* соціализма не даромъ боролись съ соціализмомъ *утопическимъ*,—который ко времени ихъ выступленія все болѣе и болѣе отживалъ свой вѣкъ, и потому все болѣе и болѣе утрачивалъ свои *сильныя стороны*, и все болѣе и болѣе давалъ чувствовать свои *коренные недостатки*,—и не даромъ они прошли закаляющую школу политической философіи Гегеля; они органически неспособны были разсматривать пріемы своей

борьбы иначе, какъ въ ихъ взаимной связи и въ ихъ отношенiи къ конечной цѣли.

Съ этой стороны, — конечно, только съ этой, — германскiе эсъ-деки несравненно лучше усвоили себѣ духъ научнаго социализма, нежели наши всероссiйскiе. Скажите сколько-нибудь толковому нѣмецкому эсъ-деку, что его партiи слѣдовало бы прибѣгнуть къ вооруженному возстанiю: онъ просто и съ совершенно спокойной совѣстью объявитъ васъ сумасшедшимъ, не чувствуя даже и самомалѣйшаго угрызенiя совѣсти по тому поводу, что вотъ, дескать, ему приходится отвергать столь „радикальное“ средство. Онъ же давно и хорошо понялъ, что нѣтъ такихъ средствъ, которыя бы были радикальны или умѣренны независимо отъ ихъ отношенiя къ цѣли, и что средства, очень вредныя съ точки зрѣнiя цѣли, *просто глупы и только глупы*; человѣкъ, ихъ предлагающiй, —если онъ не провокаторъ,—или сумасшедшiй, или одинъ изъ тѣхъ, которымъ и сходить-то не съ чего, и которыхъ въ просторѣчiи величаютъ неумными людьми. А всероссiйскiй эсъ-декъ, я имѣю въ виду эсъ-дековъ не совсѣмъ одичавшихъ въ рядахъ „большевиковъ“,—хотя и отклонитъ мысль объ указанномъ насильственномъ „выступленiи“, какъ мысль неосновательную въ настоящее время, но все-таки испытаетъ нѣкоторое непрiятное чувство по поводу того, что онъ, радикалъ по логикѣ и по чувству, вынужденъ отвергать наиболѣе радикальное средство борьбы. Скажутъ, въ Россiи не та ситуацiя,—у насъ почему-то любятъ теперь это иностранное словечко;—и „ситуацiя“, — въ самомъ дѣлѣ, не та. Но вѣдь и наша „ситуацiя“, какъ бы ни была она отлична отъ нѣмецкой, все-таки такова, что и у насъ толковать теперь о вооруженномъ возстанiи значитъ говорить сумасшедшiе пустяки; а между тѣмъ никому же не пришло у насъ въ голову посовѣтоваться съ опытнымъ психiатромъ на счетъ состоянiя здоровья автора брошюры „Роспускъ Думы и задачи пролетарiата“, совѣтовавшаго своимъ читателямъ въ iюлѣ прошлаго года назначить вооруженное возстанiе къ серединѣ или концу августа.

Нѣмцы не боятся *словъ* и не видятъ рѣшительно никакой нужды въ такой тактикѣ, которая имѣла бы „сногсшибательную“ внѣшность; они дѣлаютъ не то, что *кажется наиболѣе ради-*

кальнымъ, а то, что *наиболѣе нужно въ данную минуту* для дальнѣйшаго развитія сознанія пролетаріата и для укрѣпленія политической позиціи пролетарской партіи. Это едва-ли не единственная партія въ мірѣ, тактику которой нужно безъ преувеличенія назвать *научной*. И та ихъ научная тактика, при которой значеніе каждаго политическаго дѣйствія въ общемъ ходѣ движенія взвѣшивается напередъ чуть не съ математической точностью, сдѣлала изъ германской рабочей партіи самую могучую партію въ мірѣ. Если есть партія, постоянно, неуклонно и неустанно приближающаяся къ своей „конечной цѣли", то это германская пролетарская партія. Но,—повторяю еще разъ,—эта партія употребляетъ совсѣмъ другой критерій для оцѣнки своихъ „цѣнностей", нежели наши эсъ-деки.

Въ высшей степени замѣчательно, что критерій, употребляемый въ этой партіи, въ сущности совпадаетъ съ тѣмъ, къ которому по необходимости прибѣгаютъ въ своемъ дѣлѣ рѣшительно всѣ толковые, опытные и искренніе люди, не софистицированные интеллигентнымъ доктринерствомъ. Вспомните разсказъ „*Набѣгъ*" графа Л. Толстого. Капитанъ Хлоповъ говоритъ:

„Вотъ въ тридцать второмъ году былъ тутъ тоже неслужащій какой-то, изъ испанцевъ, кажется. Два похода съ нами ходилъ, въ синемъ плащѣ, въ какомъ-то... таки ухлопали молодца. Здѣсь, батюшка, никого не удивишь.

— Что, онъ храбрый былъ? (спрашиваетъ лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ).

— А Богъ его знаетъ: все, бывало, впереди ѣздитъ: гдѣ перестрѣлка, тамъ и онъ.

— Такъ, стало быть, храбрый. (сказало то же лицо).

— Нѣтъ, это не значитъ храбрый, что суется туда, гдѣ его не спрашиваютъ.

— Что же вы называете храбрымъ?

— Храбрый? Храбрый?—повторилъ капитанъ съ видомъ человѣка, которому въ первый разъ представляется подобный вопросъ:—*храбрый тотъ, который ведетъ себя, какъ слѣдуетъ*,—сказалъ онъ, подумавъ немного" *).

Старый кавказскій служака, тоже, какъ видите, не имѣлъ

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

привычки разсматривать военные подвиги съ абсолютной точки зрѣнія. Они имѣли въ его глазахъ лишь относительное значеніе; онъ оцѣнивалъ ихъ съ точки зрѣнія цѣли: *храбрый тотъ, который ведетъ себя, какъ слѣдуетъ.* Какъ далеко ушла бы теперь наша пролетарская партія, если бы ея офицеры больше походили на капитана Хлопова, чѣмъ на испанца въ синемъ плащѣ.

Доктринерское,— т. е. метафизическое отношеніе къ пріемамъ политической борьбы едва-ли не ярче всего сказалось у насъ въ страхѣ объ избирательныхъ соглашеніяхъ. Избирательныя соглашенія, — какъ и всякія другія политическія дѣйствія,—могутъ быть нужны, могутъ быть полезны и могутъ быть вредны. Тутъ все опредѣляется обстоятельствами времени и мѣста. Поэтому и рѣшать вопросъ о соглашеніяхъ нужно было именно съ точки зрѣнія обстоятельствъ переживаемаго нами момента. Но у насъ значительная часть споршихъ ухитрилась облечь и этотъ вопросъ метафизическимъ терминомъ. Спорили не о томъ, полезны или вредны избирательныя соглашенія въ смыслѣ скорѣйшаго достиженія цѣли, а о томъ, оппортюнисты или не оппортюнисты тѣ эсъ-деки, которые ихъ предлагаютъ. Неудивительно, что самые *радикальные* представители западно-европейскаго соціализма, — напомню письмо Ж. Гэда, — *радикально* разошлись въ этомъ случаѣ съ тѣми, которые у насъ мнятъ себя наиболѣе радикальными представителями соціалъ-демократическаго ученія. Радикалы западно-европейскаго соціализма хорошо знаютъ, при какихъ конкретныхъ условіяхъ выработалась ихъ радикальная тактика; имъ и въ голову не приходитъ, что эта тактика можетъ считаться радикальной, независимо отъ условій времени и мѣста. А наши „радикалы" именно этого-то и не понимаютъ, вслѣдствіе чего они и являются радикалами не на самомъ дѣлѣ, а только въ своемъ собственномъ воображеніи и только по недомыслію.

Объ избирательныхъ соглашеніяхъ я здѣсь больше распространяться не буду: смѣю надѣяться, что мой взглядъ на нихъ уже достаточно извѣстенъ читателю, но я считаю не безполезнымъ отмѣтить слѣдующее весьма немаловажное обстоятельство.

До сихъ поръ доктринерство эсъ-дековъ считалось главнымъ препятствіемъ для сплоченія всѣхъ противниковъ нашего стараго порядка. И за это на ихъ головы сыпалось много упрековъ и

7*

обвиненій. Я вовсе не хочу утверждать, что эти упреки и обвиненія лишены были основанія. Напротивъ, я самъ только что упрекалъ нашихъ эсъ-дековъ въ метафизическомъ отношеніи къ вопросамъ тактики. Я съ сожалѣніемъ предвижу, что такое ихъ отношеніе къ этимъ вопросамъ еще приведетъ ихъ ко многимъ ошибкамъ въ новой Думѣ, какъ оно уже привело ихъ ко многимъ ошибкамъ въ эпоху выборовъ въ первую Думу и во время ея существованія. Но правда прежде всего. Какъ бы ни были велики грѣхи нашихъ эсъ-дековъ, фактъ тотъ, что теперь большинство ихъ все-таки обнаружило готовность войти въ соглашенія, но что „партія народной свободы“ совсѣмъ не обрадовалась этой ихъ готовности. *Это надо запомнить.* У „партіи народной свободы“ были, конечно, на это свои основанія. Она руководствовалась вполнѣ опредѣленнымъ политическимъ расчетомъ, и она имѣла полное право руководствоваться имъ. Но если ея расчетъ не оправдается; если несговорчивость кадетовъ повредитъ дѣлу свободы, то и отвѣтственность за это должна пасть именно на нихъ и ни на кого другого. Правда прежде всего.

Сознаюсь откровенно: когда я увидѣлъ изъ „Рѣчи“, какъ далеко заходитъ и какой характеръ имѣетъ кадетская несговорчивость, я сказалъ себѣ: дѣло плохо; теперь, пожалуй, даже и тѣ эсъ-деки, которые раньше склонялись къ соглашеніямъ, въ свою очередь утратятъ всякую склонность къ нимъ. Я и до сихъ поръ не увѣренъ въ томъ, что кадетская тактика не имѣла, по крайней мѣрѣ, отчасти, такого дѣйствія. А въ немъ, разумѣется, ничего полезнаго нѣтъ и быть не можетъ.

Каждая партія, трезво смотрящая на политическіе вопросы, разсматриваетъ всякія соглашенія съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ задачъ и своихъ собственныхъ интересовъ, а не съ точки зрѣнія возвышенности чувствъ той партіи, съ которой она заключаетъ тотъ или иной договоръ. Что тактика, усвоенная теперь кадетами, не дѣлаетъ имъ большой чести это очевидно. *Но тѣмъ хуже для нихъ.* Недалеко то время, когда имъ придется вкусить отъ горькихъ плодовъ этой тактики, и эсъ-деки со своей стороны и могутъ, и должны содѣйствовать скорѣйшему наступленію этого времени. Нѣкоторыя резолюціи послѣдняго кадетскаго съѣзда указываютъ на то, что „партія народной свободы“ желала бы пустить корни въ рабочей средѣ. Тутъ эсъ-деки обя-

заны дать имъ суровый отпоръ, и тутъ правдивыя указанія на свойства кадетской тактики несомнѣнно будутъ способствовать развитію самосознанія русскихъ рабочихъ. Тутъ надо, чтобы кадеты получили полностью все то, что имъ слѣдуетъ. Но, во-первыхъ, и тутъ нужны не истерическіе крики о негодности буржуазіи, а совершенно опредѣленныя дѣйствія кадетской партіи. А во-вторыхъ, если въ политикѣ очень не мѣшаетъ воздать каждому „по дѣламъ его“, то надо воздавать, конечно, такъ, чтобы отъ этого не пострадали тѣ, которые никакого воздаянія не заслуживаютъ, и наоборотъ, чтобы прежде всего пострадали тѣ, которые по справедливости должны пострадать раньше всѣхъ другихъ. Но если бы эсъ-деки вздумали теперь воздавать кадетамъ, отказываясь поддержать ихъ тамъ, гдѣ приходится сдѣлать выборъ между ними и реакціонерами, то это явилось бы ничѣмъ не заслуженной наградой для этихъ послѣднихъ и въ то же время ничѣмъ не заслуженнымъ наказаніемъ для... пролетаріата; вѣдь ясно же, что отсутствіе политической свободы тяжелѣе всего отражается именно на интересахъ этого класса: буржуазія гораздо легче его приспособляется къ положенію, создаваемому деспотизмомъ. Это должны были бы знать теперь даже дѣти. Ну, а если побѣда реакціонеровъ тяжелѣе всего отразилась бы на интересахъ рабочаго класса, то идеологи этого класса были бы вреднѣйшими для него безумцами, если бы раздраженные излишней „трезвенностью“ кадетовъ, они вздумали наказывать ихъ *косвенно* поддерживая,—о *прямой* поддержкѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи,—черную сотню. Полусвобода лучше деспотизма, потому что даетъ большую возможность добиться полной свободы. Въ *политикѣ* только неисправимые романтики могутъ всегда твердить вмѣстѣ съ Ибсеновскимъ Брантомъ: *„все или ничего“*. Иногда, довольно рѣдко, полезно бываетъ послѣдовать и этой формулѣ. Но несравненно чаще она закрываетъ дорогу къ цѣли тѣмъ, которые за нее держатся.

Когда эти строки увидятъ свѣтъ, тогда дѣло избирательныхъ соглашеній будетъ, плохо или хорошо, рѣшено самою жизнью. Въ виду этого мнѣ могли бы, пожалуй, замѣтить, что излишне было и писать теперь въ его защиту, но это совсѣмъ не такъ. Ошибочный взглядъ на соглашенія пережитъ въ самой большой глубинѣ нашихъ тактическихъ принциповъ. Вотъ почему

полезно было разсмотрѣть этотъ ошибочный взглядъ при свѣтѣ основныхъ положенiй марксизма. Такое его разсмотрѣнiе затрагиваетъ цѣлый рядъ другихъ предразсудковъ, отъ которыхъ мы, къ сожалѣнiю, далеко еще не отдѣлались.

Теперь многiе эсъ-деки начинаютъ поговаривать о томъ, что необходимо „разбить пассивность пролетарiата и сдѣлать его опять центромъ обще-народнаго движенiя". Это очень похвальное намѣренiе, но осуществить его не такъ-то легко. *Разбить пассивность* гораздо труднѣе, чѣмъ *безплодно растратить активность.* А безплодной растратѣ активности русскаго рабочаго класса очень сильно способствовали изумительныя тактическiя понятiя весьма значительной части нашихъ эсъ-дековъ. Увы! „дни свободы" были въ этомъ отношенiи также *днями безумнаго мотовства.*

Теперь, я думаю, съ этимъ согласны многiе изъ тогдашнихъ мотовъ. И многiе изъ нихъ готовы, я думаю, отъ всего сердца повторить слова пѣсни:

„Эхъ, кабы Волга-матушка вспять побѣжала!
Кабы можно, братцы, начать жить съ начала!.."

Но начать жить сначала невозможно. Остается, значитъ, только *жить разумнѣе въ будущемъ...*

Отъ серьезнаго очень не далеко до смѣшного. Споры объ избирательныхъ соглашенiяхъ ознаменовались нѣкоторыми комическими эпизодами, изъ которыхъ я напомню читателю слѣдующiй. Г. В. Богучарскiй, въ статьѣ къ вопросу о „полновластной Думѣ", какъ избирательномъ лозунгѣ, совѣтуетъ перечитать одно знаменитое письмо комитета партiи „Народной Воли". Какiя скромныя требованiя!— съ паѳосомъ восклицаетъ онъ.—А между тѣмъ, кто скажетъ, что авторы письма отступили хоть на одну iоту отъ соцiалистической программы своей партiи? Но, въ томъ-то и дѣло, что то были люди замѣчательнаго идеалистическаго разумѣнiя. Не даромъ Марксъ и Энгельсъ, ознакомившись съ содержанiемъ письма, назвали авторовъ его „людьми съ государственной складкой ума". Глубоко-вѣрная аттестацiя! („Товарищъ", № 135).

Скромность, — что и говорить! — всегда заслуживаетъ всякой похвалы. Но скромность скромности рознь; посмотримъ, до чего доходила скромность авторовъ письма. Они выставляли два слѣдующихъ требованiя:

1) „Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени...

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями“ *).

Второе требованіе, какъ двѣ капли воды похоже на требованіе полновластной Думы. А между тѣмъ, это требованіе не нравится г. В. Богучарскому. Я отнюдь не виню его за это. Напротивъ, я нахожу, что онъ въ *извѣстномъ смыслѣ* достоинъ всякой похвалы. Но какъ же быть съ „замѣчательнымъ политическимъ разумѣніемъ“? Какъ быть съ „государственной складкой ума“? That is the question!

Какъ видно, одинъ изъ редакторовъ „*Былого*“ довольно основательно позабылъ „*былое*“. Вотъ такъ „пассажъ“! надо надѣяться, что память скоро опять вернется къ г. В. Богучарскому, а то вѣдь это ужасно неудобно!

Чѣмъ-чѣмъ другимъ, а чудаками долго не оскудѣетъ русская земля. Но „по нынѣшнему времени“ чудаками долго заниматься не приходится. Оставимъ чудака-редактора въ покоѣ и вернемся къ серьезнымъ темамъ.

Недавно Юрій Ларинъ выпустилъ брошюру подъ многообѣщающимъ заголовкомъ: „*Широкая рабочая партія и рабочій съѣздъ*“. Брошюра снабжена двумя эпиграфами: 1) Каждый шагъ дѣйствительнаго рабочаго движенія важнѣе дюжины программъ (Либкнехтъ); 2) Смѣлость, смѣлость и смѣлость! (Дантонъ). Эпиграфы ничего—недурны. Правда, слова на счетъ „дѣйствительнаго шага рабочаго движенія“ принадлежитъ не Либкнехту, а Марксу, но это частность. Важно то, что Ю. Ларинъ дѣлаетъ въ своей брошюрѣ такое практическое предложеніе, которое совершенно непріемлемо. Онъ является сторонникомъ „здороваго реализма европейской соціалъ-демократіи“ (стр. 15). Съ этимъ я отъ души его поздравляю. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ нѣсколько лучше выяснилъ себѣ, въ чемъ именно этотъ реализмъ заключается.

Ю. Ларинъ убѣжденъ, что эсъ-деки могутъ работать въ одной партіи съ эсъ-эрами. Онъ говоритъ: „мы можемъ смотрѣть на

---

*) Литература партіи „Народной Воли“, стр. 907.

с.-р.-ство, какъ на аграрный оппортюнизмъ въ широкой русской соціалъ-демократіи, но по самому характеру своему широкое рабочее движеніе не можетъ быть въ наши дни безъ оппортюнистической струи. Чѣмъ шире его захватъ, чѣмъ больше его роль, тѣмъ больше группируетъ оно вокругъ себя надежды всѣхъ униженныхъ и обиженныхъ, и тѣмъ болѣе новые ихъ потоки приливаютъ къ рабочей партіи... Поэтому отсутствіе оппортюнистической струи въ общемъ потокѣ соціалистическаго движенія въ наши дни свидѣтельствовало бы лишь объ его относительной слабости. А по всѣмъ условіямъ экономическаго строенія Россіи у насъ оппортюнизмъ, конечно, долженъ принять форму оппортюнизма аграрнаго, какъ онъ сталъ министеріалистскимъ въ радикальной Франціи или фабіанскимъ въ Англіи съ ея культомъ права" (стр. 46).

Допустимъ, что все это такъ, хотя тутъ и не все такъ. Но извѣстно ли нашему автору то знаменитое положеніе Гегеля, что количественныя различія, постепенно накопляясь, переходятъ въ качественныя? Въ западныхъ партіяхъ разногласія между марксистами и оппортюнистами, безспорно, принимаютъ подчасъ очень большіе размѣры. Но никогда и ни въ какой изъ этихъ партій разногласія эти не были такъ велики, какъ разногласія между русскими эсъ-деками, съ одной стороны, и русскими эсъ-эрами,— съ другой. Пусть Ю. Ларинъ укажетъ мнѣ хоть одного западно-европейскаго оппортюниста, который былъ бы въ принципѣ противъ политическаго развитія своей страны. Я такого не знаю. А наши эсъ-эры были—и повидимому, остались до сихъ поръ—принципіальными противниками капитализма. И съ этой стороны они были не оппортюнистами, а прямо-таки *экономическими реакціонерами*. Это именно и есть тотъ пунктъ, въ которомъ количество переходитъ въ качество; съ оппортюнистомъ можно ужиться съ одной партіи, съ экономическимъ реакціонеромъ—никогда, ни за что и ни подъ какимъ видомъ. Вѣдь, вступая въ одну партію съ людьми этого образа мыслей, надо вступать въ нее не съ цѣлью „обойти" своихъ будущихъ товарищей, а съ твердымъ намѣреніемъ честно исполнить принимаемыя на себя обязательства. (Конечно, и Ю. Ларинъ не иначе представляетъ себѣ такое вступленіе). Къ числу же обязательствъ, которыя пришлось бы принять на себя въ этомъ случаѣ, принадлежитъ,— какъ это само собою разумѣется,—и обязательство подчиняться

рѣшеніямъ большинства. Предположимъ теперь, что экономическіе реакціонеры оказались въ большинствѣ и постановили, что рабочая партія должна принять всѣ зависящія отъ нея мѣры для того, чтобы задержать развитіе русскаго капитализма. Какъ будетъ чувствовать себя Ю. Ларинъ? (Я предполагаю, что онъ однимъ изъ первыхъ вступитъ въ одну партію съ экономическими реакціонерами). Что касается до меня, то я не подчинился бы такому рѣшенію даже въ томъ случаѣ, если-бы за него высказались всѣ жители земного шара, поддержанные всѣми обитателями планеты Марсъ. А если я не подчинюсь такому рѣшенію, то, стало быть, мнѣ нечего и вступать въ обязательныя отношенія къ такимъ людямъ, которые могли бы принять его.

Ю. Ларинъ возразитъ мнѣ, что отрицательное отношеніе къ капитализму есть не болѣе, какъ *мнѣніе* нашихъ эсъ-эровъ. Онъ вообще не придаетъ большого значенія различію во мнѣніяхъ.

„Каковы бы ни были *мнѣнія* с.-ровъ на счетъ историческаго матеріализма и насажденія соціализма черезъ русскую общину путемъ коопераціи,—говоритъ онъ,—*на дѣлѣ* они почти столько же стоятъ на почвѣ международной соціалъ-демократіи, вѣрнѣе, съ такими же шатаніями, какъ и русскіе соціалъ-демократы. Вспомнимъ мнѣнія о бойкотѣ выборовъ, съ одной стороны, о блокѣ съ кадетами—съ другой. Мы не видимъ, чѣмъ это лучше на практикѣ хотя-бы с.-р-аго терроризма. Мы не видимъ далѣе, чѣмъ „поправки“ г. Богданова къ основамъ марксистской философіи или „поправки“ г. Нежданова къ основѣ экономическаго ученія Маркса,—теоріи прибавочной стоимости, — лучше „поправокъ“ т. (?) Чернова къ аграрнымъ взглядамъ Каутскаго относительно значенія коопераціи. Можно быть не вполнѣ послѣдовательными марксистами, какъ т. т. Черновъ, Богдановъ и Неждановъ, и въ то же время итти практически въ рядахъ широкой классовой партіи съ пользой для дѣла“ (стр. 47).

Я совсѣмъ не собирался дѣлать комплименты г. Богданову и держусь крайне низкаго мнѣнія, какъ объ его философскихъ способностяхъ вообще, такъ и объ его „поправкахъ“ къ Марксу, въ частности; но когда я вижу, что Ю. Ларинъ ставитъ его на одну доску съ г. Черновымъ, у меня невольно вырывается крикъ горячаго протеста. Г. Черновъ—*не вполнѣ послѣдовательный марксистъ*! Ну и шутникъ же Ю. Ларинъ!

Нужно окончательно потерять всякій интересъ ко всякаго рода „мнѣніямъ“, чтобы, нимало сумняшеся, окрестить г. Чернова марксистомъ,—хотя-бы и непослѣдовательнымъ. И я боюсь, что Ю. Ларинъ спасается отъ дождя въ воду: ему надоѣло *доктринерство*, и потому онъ сдѣлался равнодушнымъ ко всякой *доктринѣ*. Но интересъ къ *доктринѣ* и увлеченіе *доктриной* вовсе не равносильно *доктринерству*. Неужели Ю. Ларинъ не замѣтилъ, что,—напримѣръ, въ рядахъ нашихъ эсъ-деков,— *доктринерство* почти всегда шло рука объ руку съ полной беззаботностью на счетъ *доктрины*? Ю. Ларинъ хочетъ вышибать клинъ клиномъ. Но этимъ ничего не поправишь. Идеологи нашего пролетаріата потому и не выбрались до сихъ поръ на правильный путь, что они никакъ не могли раздѣлаться съ вреднѣйшей привычкой *бросаться изъ одной крайности въ другую*. А эта привычка въ свою очередь поддерживается въ нихъ беззаботностью на счетъ „мнѣній“. Можно представить себѣ, какая темнота воцарилась бы въ ихъ головахъ, если-бы они повѣрили Ю. Ларину въ томъ, что г. Черновъ есть все-таки марксистъ, но только непослѣдовательный *). Не стану я вдаваться здѣсь и въ разсужденія на тему о томъ, что хуже—бойкотъ Думы или террор. Я только спрошу Ю. Ларина, думаетъ ли онъ, что можно соединить терроризмъ съ широкой рабочей партіей? По-моему, одно исключаетъ другое.

Что русло русскаго рабочаго движенія должно быть расширено, это теперь едва-ли нужно и доказывать; это сознаютъ теперь у насъ всѣ толковые марксисты; что рабочій съѣздъ будетъ очень сильно способствовать такому расширенію, это тоже должно считаться не подлежащимъ сомнѣнію. Но во имя *широты* не надо становиться *расплывчатымъ*. Это было бы огромной ошибкой. Марксъ и Энгельсъ такой ошибки не дѣлали. Когда они принимались содѣйствовать расширенію русла рабочаго движенія, они умѣли миновать и Сциллу и Харибду. Ссылка Ю. Ларина на международное товарищество рабочихъ не убѣдительна, во-первыхъ, потому, что къ началу шестидесятыхъ годовъ ни одна соціалисти-

---

*) О Неждановѣ я не говорю, ибо не знаю, какъ именно онъ „поправилъ“ Марксову теорію прибавочной стоимости. Хорошій человѣкъ Неждановъ, а—вотъ поди ты!—„безъ этого“ не можетъ: нѣтъ—нѣтъ, да и придумаетъ „поправку“! Это у него болѣзнь, которую можно назвать *критическимъ запоемъ*.

ческая школа и ни одна рабочая организація на Западѣ не мечтала о томъ, чтобы остановить развитіе капитализма, а, во-вторыхъ, еще и потому, что международное товарищество было товариществомъ *рабочихъ*, наши же эсъ-эры хотятъ опираться не только на рабочихъ, но и на „трудовыхъ" *крестьянъ*, т.-е. придать движенію совершенно новый характеръ.

Въ этомъ письмѣ я уже приводилъ интересное письмо, написанное въ январѣ 1887 г. Энгельсомъ г-жѣ Вишневецкой. Теперь я опять сошлюсь на него и посовѣтую Ю. Ларину обратить на него серьезное вниманіе.

„Я думаю,—писалъ Энгельсъ,—вся наша практическая дѣятельность доказала, что мы можемъ итти вмѣстѣ съ общимъ движеніемъ рабочаго класса въ каждой точкѣ его пути, не покидая при этомъ нашей особенной позиціи, не разрушая нашей организаціи и не скрывая ее. И я боюсь, что наши американскіе товарищи сдѣлаютъ большую ошибку, поступая иначе".

Ю. Ларинъ тоже сдѣлаетъ большую ошибку, поступая иначе, хотя ошибка его будетъ прямо-противоположна той, которой опасался Энгельсъ.

Письмо пятое.

Въ настоящую минуту, когда я берусь за перо, чтобы писать эти замѣтки, въ нашей печати не прекращаются толки о предвыборныхъ партійныхъ соглашеніяхъ. Но когда эта книжка выйдетъ въ свѣтъ, эти толки прекратятся по той простой причинѣ, что утратятъ всякое практическое значеніе: какъ бы ни отвѣтила жизнь на вопросъ о соглашеніяхъ, разсуждать объ этомъ вопросѣ будетъ слишкомъ поздно. Вотъ почему я и считаю лишнимъ разсуждать здѣсь о немъ. Но я нахожу нужнымъ подвести итогъ нѣкоторымъ изъ разсужденій, уже высказаннымъ о немъ въ печати. Эти разсужденія цѣнны, какъ матеріалъ для освѣщенія тактическихъ задачъ.

И прежде всего я вижу себя вынужденнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ принятъ былъ нѣкій „алгебраическій знакъ“, предложенный мною нашимъ сторонникамъ свободы. Его судьба кажется мнѣ довольно поучительной.

Мой „знакъ“, насколько я знаю, ни откуда не встрѣтилъ ни поддержки, ни одобренія, хотя-бы только платоническаго. Бѣдный „алгебраическій знакъ“! Но чѣмъ же навлекъ онъ на себя эту общую немилость? Давайте разбираться, читатель.

Древняя латинская мудрость гласитъ, что когда двое говорятъ одно и то же, это—не одно и то же. Эта старая истина получила новое подтвержденіе въ исторіи похода противъ „алгебраическаго знака“. „Лѣвые“ публицисты, — я пока умалчиваю о „*крайнихъ* лѣвыхъ“, — возражали противъ него одно и то же. Но это было не одно и то же. Какъ въ извѣстномъ сновидѣніи египетскаго царедворца тощія коровы явились вмѣстѣ съ тучными, такъ въ походѣ противъ „алгебраическаго знака“ *наивные* пу-

блицисты выступили рядомъ съ публицистами, *хорошо знавшими,* — по извѣстному нѣмецкому выраженію, — *гдѣ башмакъ жалъ имъ ногу.*

Среди наивныхъ публицистовъ самымъ выдающимся представляется мнѣ почтенный публицистъ *„Всемірнаго Вѣстника“*, г. Solus. Въ декабрьской книжкѣ названнаго журнала онъ писалъ:

„Обращаясь къ мнѣніямъ Г. В. Плеханова по существу, мы не можемъ не выразить удивленія, какъ такой опытный публицистъ, такой дальнозоркій и проницательный человѣкъ, какъ Плехановъ, могъ допустить ошибку, противъ которой всегда боролся каждый сознательный соціалъ-демократъ, — ошибку общихъ мѣстъ и туманныхъ формулъ. Прошло, давно миновало то прекрасное времячко, когда разныя партіи довольствовались въ своихъ программахъ красиво и хитросплетенными фразами. Благо, свобода, порядокъ, общее счастье, равенство, благосостояніе края, интересы націи, честь національнаго флага,—все это красивыя побрякушки, которыя перестали уже удовлетворять обывателя, давно проявившаго большую умственную пытливость и склонность искать за пышно цвѣтными фразами болѣе реальное содержаніе или, какъ говоритъ Плехановъ, опредѣленную ариѳметическую величину. Въ этомъ смыслѣ крупную заслугу именно соціалъ-демократіи составляетъ тотъ фактъ, что она научила отчетливо мыслить, что она расслоила понятія, вскрыла ихъ классовое содержаніе и ихъ подлинный объемъ. Именно своими привычками мыслить отчетливо, конкретно, своимъ умѣньемъ выяснить классовую основу каждой программы, каждой партійной формулы, соціалъ-демократія пріучаетъ анализировать партійныя программы. Наше главное препятствіе для взаимнаго пониманія и отчетливаго мышленія именно въ томъ и состоитъ, что *слово* всегда является агебраической формулой съ разнымъ ариѳметическимъ содержаніемъ для каждаго класса, профессіи и даже для отдѣльнаго лица“.

Эта выписка нѣсколько длинна, но за то очень богата содержаніемъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, до чего договорился нашъ почтенный авторъ! Слово есть алгебраическій знакъ, имѣющій различное содержаніе для каждаго отдѣльнаго класса и даже для каждаго отдѣльнаго лица. И въ этомъ — „наше главное препятствіе“. Очень хорошо! Но какъ же быть? Какъ устранить пре-

пятствіе? Повидимому, для этого нѣтъ другого средства, кромѣ отказа отъ „словъ“, т.-е. вообще отъ членораздѣльной рѣчи. Но нашъ авторъ врядъ-ли и самъ одобритъ столь радикальное устраненіе „нашего главнаго препятствія“. Онъ скажетъ намъ: „членораздѣльную рѣчь сохраните, а отъ алгебры откажитесь, разъ навсегда замѣнивъ ее ариѳметикой“. Но такое различеніе кажется намъ недостаточно „отчетливымъ“: вѣдь *„слово всегда является алгебраической формулой“*, стало быть, избѣжать употребленія алгебраическихъ знаковъ можно *только путемъ полнаго отказа отъ употребленія словъ.* Еще разъ: какъ же быть? Чѣмъ пособить горю? Скажите, г. Solus!

Я не знаю, пробовалъ ли мой почтенный оппонентъ объясняться съ кѣмъ-нибудь безъ „словъ“, но сильно сомнѣваюсь въ этомъ. Если онъ въ самомъ дѣлѣ попробуетъ сдѣлать это, то увидитъ, что устраненіе „нашего главнаго препятствія для взаимнаго пониманія“ выдвинетъ на пути къ „пониманію“ цѣлый рядъ еще болѣе „главныхъ“ препятствій. И тогда онъ, надо надѣяться, придетъ къ тому убѣжденію, что безъ алгебры ни въ дѣлѣ мышленія, ни въ практической жизни обойтись совершенно невозможно даже людямъ, „не обучающимся въ семинаріи“. Г. Solus предупреждаетъ меня отъ „ошибки общихъ мѣстъ“. Я очень благодаренъ ему за это предупрежденіе; но я все-таки вынужденъ спросить его, думаетъ ли онъ, что алгебраическій знакъ *всегда* равносиленъ общему мѣсту? Повидимому, онъ думаетъ именно такъ, онъ привелъ длинный рядъ словъ, лишенныхъ, по его мнѣнію, всякаго опредѣленнаго содержанія: интересы націи, честь національнаго флага, общее счастье, равенство, свобода, порядокъ и т. д. Но, во-первыхъ, мой алгебраическій знакъ отличался гораздо большею опредѣленностью содержанія; а во-вторыхъ, даже и въ длинномъ ряду г. Solus'а можно найти такіе алгебраическіе знаки, которые при данныхъ историческихъ условіяхъ получили отъ жизни, нисколько не измѣнивъ своей *формы,* весьма конкретное *содержаніе.* Когда, послѣ іюньскихъ дней 1848 года, политическія партіи, представлявшія собою интересы господствующихъ во Франціи классовъ, шли вмѣстѣ подъ „знакомъ“ *порядка*, тогда этотъ знакъ могъ бы принять за „общее мѣсто“ только человѣкъ, ровно ничего не понимавшій во внутреннихъ отношеніяхъ названной мною страны. И замѣтьте, что этотъ „знакъ“ нисколько не мѣшалъ

каждой изъ указанныхъ партій въ отдѣльности стремиться къ осуществленію именно своихъ требованій, къ постановкѣ, въ общемъ „знакѣ“, именно своихъ ариѳметическихъ величинъ на мѣсто буквъ, какъ извѣстно, употребляемыхъ въ алгебрѣ. А теперь, когда германскій канцлеръ, во время выборовъ, приглашалъ консерваторовъ объединиться съ націоналъ-либералами подъ общимъ „знакомъ“ борьбы съ соціальной демократіей, — думаетъ ли г. Solus, что Бюловъ впалъ въ „ошибку общихъ мѣстъ и туманныхъ формулъ“? Какъ бы не такъ! И самъ германскій канцлеръ, и консерваторы, и націоналъ-либералы, и соціалъ-демократы,—всѣ прекрасно понимали, что алгебраическій знакъ, выдвигаемый германскимъ канцлеромъ, *имѣетъ вполнѣ конкретный смыслъ.* Правда, въ устахъ консерваторовъ этотъ смыслъ получилъ бы иное истолкованіе, нежели въ устахъ націоналъ-либераловъ; каждая изъ этихъ партій старалась бы внести въ общую алгебраическую формулу свое собственное ариѳметическое содержаніе. Но это совершенно неизбѣжное при партійныхъ коалиціяхъ обстоятельство не мѣшало этой формулѣ явиться отнюдь не *„туманной“* угрозою по адресу рабочихъ. Г. Solus не любитъ общихъ мѣстъ и говоритъ то, что Базаровъ назвалъ бы *обратнымъ общимъ мѣстомъ.* Онъ радуется тому, что обыватель „проявляетъ теперь большую умственную пытливость“, а его собственная умственная пытливость, къ сожалѣнію, не простирается до того, чтобы спросить себя: могутъ ли успѣхи *анализа* сдѣлать ненужнымъ употребленіе *синтеза?* Онъ ставитъ мнѣ на видъ,—съ похвальной цѣлью заставить меня одуматься,— заслугу соціалъ-демократіи, состоящую въ болѣе точномъ анализѣ политическихъ понятій. Но развѣ „алгебра“ препятствуетъ отчетливому мышленію? Развѣ она мѣшаетъ опредѣленію чьего-нибудь „подлиннаго объема“? Развѣ она затрудняетъ пониманіе классоваго содержанія политическихъ стремленій различныхъ общественныхъ классовъ? Ничуть не бывало! Это можетъ утверждать только человѣкъ, самъ не привыкшій къ „отчетливому мышленію“ и не умѣющій опредѣлять „подлинный объемъ“ того, что онъ высказываетъ. Политическая алгебра не только не затрудняетъ, а, напротивъ, *предполагаетъ* точное опредѣленіе тѣхъ требованій различныхъ партій, общее содержаніе которыхъ выражается въ извѣстной алгебраической формулѣ. И сдѣлать такое опредѣленіе

вовсе не такъ трудно, какъ думаетъ г. Solus. Оно дѣлается сплошь да рядомъ.

Г. Solus хотѣлъ бы знать, „классовую основу" предложеннаго мною алгебраическаго знака. Я охотно иду къ нему на помощь.

Дѣло вотъ въ чемъ. По отношенію къ нашему старому, докапиталистическому — и въ очень значительной степени азіатскому — порядку и буржуазія, и пролетаріатъ являются *новыми* классами, полный расцвѣтъ которыхъ возможенъ *только* при полномъ устраненіи всѣхъ остатковъ отжившаго строя. *Съ этой стороны* интересы обоихъ классовъ не противоположны, а сходны между собою. Правда *сходство* это никогда не простирается до *тождества:* буржуазія несравненно легче уживается съ пережитками стараго порядка, нежели пролетаріатъ. Примѣръ—германская буржуазія; другой и болѣе близкій къ намъ примѣръ—наша русская крупная промышленная и торговая буржуазія, совсѣмъ не обнаруживающая желанія вступать въ рѣшительную борьбу съ нашимъ старымъ порядкомъ. Она сама является представительницей новаго; она своею дѣятельностью разрушаетъ экономическую основу стараго порядка, но она умѣетъ торговаться и не безъ основанія разсчитываетъ, что ей выгоднѣе безъ большого шума поладить („грѣхъ пополамъ") съ защитниками старины, нежели входить въ ту или иную политическую сдѣлку съ такимъ рьянымъ и безпокойнымъ новаторомъ, какимъ уже успѣлъ заявить себя пролетаріатъ. Однако, крупная промышленная и торговая буржуазія представляетъ собою только одинъ, — сильный и вліятельный, но сравнительно малочисленный, — слой буржуазнаго класса. Рядомъ съ ней въ предѣлахъ той же соціальной категоріи существуютъ *другіе* слои: средняя и мелкая буржуазія. Составъ этихъ двухъ слоевъ крайне разнообразенъ. Но фактъ тотъ, что этимъ слоямъ по большей части гораздо труднѣе ужиться съ пережитками стараго порядка, и что ихъ положеніе —ихъ интересы, г. Solus!— толкаетъ ихъ на болѣе рѣшительную борьбу за торжество новаго порядка. *Какъ далеко пойдутъ* они въ этомъ направленіи, это зависитъ отъ данныхъ исторіей условій. Но *поскольку они идутъ, постольку* они являются попутчиками пролетаріата, и *постольку* ихъ политическія требованія могутъ быть объединены въ одну формулу съ его требованіями. Всеобщее избирательное

право,—по четырехчленной формулѣ: спѣшу прибавить это, чтобы Степановъ не обвинилъ меня въ измѣнѣ,—свобода слова, печати и т. д.; народный суверенитетъ, народоправіе и т. д. и т. д.— Каждая изъ этихъ формулъ *можетъ* явиться „алгебраическимъ знакомъ“, объединяющимъ требованія сознательнаго пролетаріата и извѣстной части буржуазіи. Я подчеркнулъ слово: *можетъ*, потому что переходъ этой возможности въ дѣйствительность зависитъ отъ обстоятельствъ: въ одной странѣ и при однихъ историческихъ условіяхъ онъ совершится; въ другой странѣ и при другихъ условіяхъ не совершится. Но какъ бы тамъ ни было, самая возможность его показываетъ, что могутъ быть такіе „алгебраическіе знаки“, которыми выражаются весьма опредѣленныя требованія нѣсколькихъ весьма опредѣленныхъ классовъ или слоевъ. Весь вопросъ въ томъ, *вѣрно ли* выражаются эти требованія въ данномъ, скажемъ, предложенномъ мною, „алгебраическомъ знакѣ“. Но это вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только путемъ опыта.

Итакъ, мой „алгебраическій знакъ“, — если-бы онъ былъ принятъ,—имѣлъ бы въ основѣ нѣкоторыя общія требованія пролетаріата съ одной стороны и нѣкоторыхъ слоевъ буржуазіи съ другой. Вотъ вамъ и классовая основа, г. Solus! Мой „алгебраическій знакъ“ не былъ принятъ ни лѣвыми, ни крайними лѣвыми. Я очень сожалѣю объ этомъ обстоятельствѣ. Но я совсѣмъ не могу принять его за доводъ противъ „алгебраическихъ знаковъ“,

Г. Solus склоненъ принимать такіе „знаки“ за „красивыя побрякушки“. Вслѣдствіе этого онъ, вѣроятно, очень удивится, когда я скажу ему, что *мой* „знакъ“ былъ отвергнутъ лѣвыми по причинѣ совершенно противоположнаго свойства: они увидѣли въ немъ слишкомъ опредѣленное, но непріятное для нихъ требованіе. Почему не понравился мой знакъ крайнимъ лѣвымъ, объ этомъ мы поговоримъ ниже; но что лѣвые оттолкнули его вовсе не по той причинѣ, что онъ показался имъ недостаточно опредѣленнымъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Они отвернулись отъ него потому, что узнали въ немъ „псевдонимъ“ одного весьма конкретнаго, но непріятнаго для нихъ требованія, т. е., стало быть, только потому, что опредѣленность этого требованія имѣла непріятный для нихъ оттѣнокъ.

А почему ея оттѣнокъ непріятенъ для нихъ? И это не трудно объяснить: потому, что идея, обозначаемая предложеннымъ мною знакомъ, угрожаетъ экономическимъ интересамъ нѣкоторой части кадетской партіи.

Народъ не даромъ называется у Гоббса *puer robustus, sed malitiosus*. Онъ, конечно, не лишенъ своихъ понятій о справедливости; но его справедливость въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильно расходится съ кадетскою. Возьмемъ аграрный вопросъ. Кадеты признали принципъ принудительнаго отчужденія. И это было очень хорошо, и когда реакція ополчилась на нихъ *за это*, народъ долженъ былъ выразить имъ свое сочувствіе. Но отчужденіе отчужденію рознь. На какихъ условіяхъ должны быть отчуждены помѣщичьи земли? Кадеты говорятъ: на условіяхъ справедливаго денежнаго вознагражденія. А puer robustus, sed malitiosus возражаетъ: я нахожу несправедливымъ платить деньги за то, что всегда было моимъ. Это именно и есть тотъ пунктъ, въ которомъ кадетское понятіе о справедливости наиболѣе расходится съ народнымъ понятіемъ о томъ же предметѣ. Что будетъ, если puer robustus, sed malitiosus получитъ политическую возможность осуществить свое понятіе о справедливости? Произойдетъ то, что кадетское понятіе о справедливости останется неосуществленнымъ. Въ переводѣ на языкъ политической экономіи это значитъ: будутъ нарушены экономическіе интересы землевладѣльцевъ, входящихъ въ кадетскую партію. На это никогда не согласятся эти землевладѣльцы. Мало того. Они всегда будутъ относиться съ опасеніемъ и даже съ недоброжелательствомъ ко всякому требованію, намекающему имъ,—а главное народу,—на возможность такого нарушенія ихъ экономическихъ интересовъ. Они всегда будутъ противъ всякаго требованія, заключающаго въ себѣ подобныя „ариѳметическія величины“. И,—вопреки тому, что думаютъ на этотъ счетъ гг. наивные публицисты,—они тѣмъ рѣшительнѣе будутъ возставать противъ такихъ требованій, чѣмъ яснѣе, чѣмъ опредѣленнѣе будетъ выражено заключающееся въ нихъ „ариѳметическое“ содержаніе. Именно поэтому землевладѣльцы, входящіе въ составъ кадетской партіи, *должны* были отвергнуть и мой „знакъ“. Партіи же народной свободы оставалось при этомъ одно изъ двухъ: *или* принять „знакъ“, несмотря на неудовольствіе входящихъ въ ея составъ землевладѣльцевъ, которые въ

такомъ случаѣ могли бы выйти изъ нея и примкнуть къ партіи мирнаго обновленія; *или* объявить „знакъ“ продуктомъ утопической фантазіи и тѣмъ лишній разъ показать своимъ членамъ-землевладѣльцамъ, что отъ ея торжества не пострадаютъ ихъ экономическіе интересы. Она предпочла послѣднее. Объ этомъ можно жалѣть; этому можно радоваться. Но какъ тотъ, кто станетъ жалѣть объ этомъ, такъ и тотъ, кто этому обрадуется, долженъ понять, что кадетская партія оттолкнула отъ себя „утопическій“ знакъ вовсе не за его „туманность“. А этого-то и не могутъ понять нѣкоторые наивные публицисты à la г. Solus.

Меня спросятъ, конечно: зачѣмъ же вы предложили „знакъ“, непріемлемый для наиболѣе вліятельной изъ лѣвыхъ партій?

На это я отвѣчу, что, какъ уже сказано мною выше, только посредствомъ опыта можно рѣшить вопросъ о томъ, какъ далеко пойдутъ въ данное время промежуточные слои населенія въ своей борьбѣ за новые порядки. Правда, иногда можно *предвидѣть* результаты опыта, и я совсѣмъ не хочу утверждать, что я не предвидѣлъ ихъ въ занимающемъ насъ случаѣ. Но мое *предвидѣніе* не могло имѣть значенія *довода* въ глазахъ *массы избирателей*. Избиратели имѣютъ полное право не довѣрять дальновидности того или другого лица *).

Теперь же они имѣютъ дѣло уже *не съ предположеніемъ, а съ фактомъ*. Всякій согласится съ тѣмъ, что факты гораздо убѣдительнѣе предположеній. Значитъ, опытъ, сдѣланный мною, содѣйствовалъ развитію политическаго сознанія избирателей, т. е. содѣйствовалъ развитію у нихъ той самой силы политическаго анализа, за судьбу которой опасался наивный г. Solus.

Я полагаю, что подобный опытъ былъ полезенъ, особенно въ виду тѣхъ избирательныхъ соглашеній, идею которыхъ я отстаивалъ. Мы твердимъ: „врозь итти, вмѣстѣ бить“. Въ виду этого избиратель можетъ спросить и, вѣроятно, не разъ спрашивалъ себя и другихъ: „да почему же только бить вмѣстѣ? Зачѣмъ нужно врозь итти?“ Въ отвѣтъ на это ему нерѣдко говорятъ,

*) Притомъ же постороннему лицу и нельзя было предвидѣть, какое теченіе кадетской партіи восторжествуетъ по вопросу о соглашеніяхъ. Лѣвое ея крыло,—кадетскіе „меньшевики“,—не согласились бы, конечно, принять мой „знакъ“ въ *моей его интерпретаціи*, но онъ все таки не вызвалъ бы въ нихъ столько раздраженія, какъ въ г. Ленинѣ, виноватъ, въ г. П. Милюковѣ и его ближайшихъ единомышленникахъ.

что и въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ итти было бы несравненно лучше, но что этому мѣшаютъ нѣкіе узкіе догматики, неизвѣстно почему желающіе итти врозь. И избиратель нерѣдко удовлетворяется такимъ отвѣтомъ и начинаетъ коситься на „узкихъ догматиковъ". А теперь дѣло принимаетъ другой оборотъ.

Теперь оказывается, что „узкіе догматики" совсѣмъ не „причинны": они предлагали кадетамъ сдѣлать вмѣстѣ часть политическаго пути, а тѣ не захотѣли. Почему не захотѣли? Потому, что извѣстный экономическій интересъ заставляетъ ихъ опасаться извѣстнаго политическаго права. Значитъ, дѣло-то именно въ этомъ ихъ экономическомъ интересѣ и другихъ ему подобныхъ. Когда это становится яснымъ, тогда избиратель,—*не имѣющій основанія отстаивать указанный экономическій интересъ или сочувствовать людямъ, его отстаивающимъ*, въ свою очередь отворачивается отъ людей, отворачивающихся отъ народнаго права по соображеніямъ совсѣмъ не „широкаго" свойства. Кто же выигрываетъ отъ этого? Кто теряетъ? Сообразить не трудно.

И это сейчасъ же сообразили совсѣмъ уже не наивные вожаки партіи народной свободы. Они поняли, что исторія со „знакомъ" *можетъ* подвинуть влѣво симпатіи избирателя. Этимъ объясняется, во-первыхъ, тотъ фактъ, что они съ большимъ раздраженіемъ обрушились на „знакъ"; во-вторыхъ, то обстоятельство, что они нашли нужнымъ показать себя болѣе сговорчивыми по вопросу о соглашеніяхъ, въ сущности до конца остававшихся нежелательными для нихъ. Они стали опасаться, какъ-бы не наступила теперь *ихъ* очередь выслушивать упреки въ узости и наслаждаться удобствами изолированнаго положенія. Только изумительная политическая незрѣлость гг. „большевиковъ" выводила ихъ изъ затрудненія, давая имъ возможность попрежнему взваливать вину на „непримиримость" эсъ-дековъ. И кадеты очень ловко воспользовались этою возможностью. Они распространялись о „непримиримости" партіи эсъ-дековъ, какъ-будто эта партія состояла исключительно изъ однихъ „большевиковъ" и какъ-будто ея Ц. К. вмѣстѣ со многими ея провинціальными организаціями не высказался за соглашенія *).

---

*) Надо прибавить, что мой „знакъ" вызвалъ нареканія не только со стороны кадетовъ. Я сейчасъ прочиталъ въ № 10 „*Рѣчи*" отчетъ о докладѣ М. М. Ковалевскаго въ юридическомъ обществѣ на тему: „Полновластіе и свобода". Въ отчетѣ сказано, что ученый профессоръ объявилъ

Что избиратель не относился равнодушно ни къ вопросу о соглашеніяхъ, ни къ вопросу о томъ, *что мѣшаетъ* соглашеніямъ, видно, между прочимъ, изъ напечатаннаго въ № 161 „Товарища“ отчетѣ о предвыборномъ собраніи 7-го января въ театрѣ Неметти. Послѣ рѣчи г. П. Милюкова изъ разныхъ концовъ залы ему задавали вопросъ: „а почему вы не говорили о соглашеніяхъ?“ По окончаніи собранія „публика долго не расходится, отдѣльныя группы окружаютъ конституціоналистовъ-демократовъ и взволнованно начинаютъ ихъ убѣждать заключить соглашеніе. А изъ рядовъ къ эстрадѣ несутся возгласы: „соглашеніе, соглашеніе, соглашеніе“. Неравнодушенъ къ вопросу о соглашеніяхъ былъ и московскій избиратель. Это показала анкета, предпринятая газетой „*Вѣкъ*“. Отвѣчая на вопросъ о соглашеніяхъ, нѣкоторые избиратели сопровождали свои отвѣты соображеніями весьма недвусмысленнаго свойства: „интересы народа требуютъ не разрозненной борьбы и вражды между собой, а чтобы въ противовѣсъ врагу была выставлена общая сила“... „считаю настоятельно необходимымъ вопросомъ, рѣшающимъ судьбу выборовъ, а слѣдовательно, и судьбу всего освободительнаго движенія — возможно полное объединеніе всѣхъ оппозиціонныхъ партій. И только за блокъ я со спокойной совѣстью буду голосовать“... „чтобы не разбить голосовъ, необходимо присоединеніе и кадетовъ“. Но избирателю становилось,—можетъ быть, впервые,—яснымъ, что неустойчивѣе всѣхъ на самомъ-то дѣлѣ именно кадеты, которыхъ многіе привыкли считать чуждыми всякой узости политическихъ понятій. Поэтому избиратель старался уговорить ихъ: „уступчивость кадетовъ послужитъ на благо родинѣ“. Другой избиратель уже не уговариваетъ, а горячо упрекаетъ; „кадеты, не срамите Россію!“ и т. д.

мой знакъ научнымъ монстромъ, „такъ какъ парламентъ вовсе не исключаетъ контроля или монарха, или палаты лордовъ, или сената?“ Странный доводъ. Вѣдь верхняя палата сама есть часть парламента. Но по всему видно, что отчетъ составленъ до послѣдней степени неудачно: поэтому я не считаю возможнымъ на его основаніи возражать М. М. Ковалевскому. Замѣчу только, что онъ взялъ очень щекотливую тему. Въ результатѣ ея всесторонней разработки можетъ оказаться не то, что полновластіе несогласно со свободой, а то, что свобода класса, представляемаго въ политикѣ нѣкоторыми партіями, а въ наукѣ очень многими изъ нынѣшнихъ ученыхъ, несовмѣстима съ полновластіемъ,—а слѣдовательно и съ полной свободой,—народа. *Class against mass!* (классъ противъ массы). Повторяю, очень щекотливая это тема, напрасно вы за нее беретесь, г. М. Ковалевскій. Ой, не ходи, Грицю, ты на вечерницю!

А харьковскій избиратель, повидимому, нашелъ безполезными не только уговоры, но даже и упреки. Онъ просто перешелъ на сторону крайнихъ лѣвыхъ, такъ, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ „Товарищъ“. Вотъ какое извѣстіе встрѣтилъ я на этотъ счетъ въ № 162 названной газеты:

„Въ Харьковѣ вопросъ о соглашеніяхъ принципіально рѣшенъ давно въ утвердительномъ смыслѣ. Но практически онъ встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны кадетовъ. Для рѣшенія вопроса о кандидатахъ было созвано информаціонное бюро изъ представителей соц.-дем., бунда, соц.-рев., кадетовъ, группы еврейскихъ избирателей и союзовъ—приказчиковъ, печатниковъ, желѣзнодорожнаго, крестьянскаго и „общественныхъ дѣятелей“. Всѣ эти организаціи и союзы, кромѣ кадетовъ, рѣшили поддерживать кандидатуру популярнаго въ городѣ соц.-дем. Кадеты предложили своего кандидата. Но противъ него энергично протестовали приказчики, такъ какъ, будучи посредникомъ во время конфликта между приказчиками и хозяевами, онъ явно сталъ на сторону хозяевъ. Рабочіе также заявили, что они такое лицо поддерживать не станутъ.

Соц.-дем. предложили, чтобы вопросъ о депутатѣ былъ рѣшенъ самими выборщиками, но кадеты, зная, что выборщики будутъ лѣвѣе ихъ, отъ этого предложенія отказались.

Кадеты заявили уже о своемъ отказѣ отъ соглашеній, но имъ придется уступить, ибо соц.-дем. удалось сгруппировать вокругъ себя всѣ демократическіе элементы общества“.

Что же выходитъ? Выходитъ какъ-будто совсѣмъ не то, чего боялись гг. „большевики“: соглашенія не только не затемняли политическаго сознанія избирателей, а напротивъ, способствовали его дальнѣйшей эволюціи. Впрочемъ, я совсѣмъ не беру на себя ручательство за безошибочность напечатаннаго въ „Товарищѣ“ сообщенія изъ Харькова; тутъ, какъ и вездѣ, возможна была фактическая ошибка. Дальнѣйшія событія покажутъ, можетъ быть, что политическое сознаніе харьковскихъ избирателей не такъ сильно подвинулось налѣво, какъ это показалось автору сообщенія. Но дѣло не въ этомъ. Оно—въ томъ, что вопросъ о соглашеніяхъ, въ томъ конкретномъ видѣ, который онъ принялъ у насъ въ половинѣ января наступившаго года,—когда я пишу эти строки,—принялъ у насъ такой видъ, который неоспоримо способствовалъ,

въ большей или меньшей степени, развитію политическаго сознанія избирателя въ названномъ направленіи. А это обстоятельство ясно показываетъ, какой тактики слѣдуетъ держаться тѣмъ, которые хотятъ, чтобы избиратель продолжалъ дальше подвигаться въ своемъ политическомъ развитіи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ литературѣ русскихъ эсъ-дековъ проводилась та мысль, что партіи, представляющей интересы рабочаго класса, должна принадлежать *гегемонія* въ нашемъ освободительномъ движеніи. Потомъ пришло такое время, когда, казалось бы, представился великолѣпный случай дать этой мысли практическое осуществленіе. Но осуществлялась она довольно страннымъ образомъ. Люди, раздѣлявшіе ее, сами отстаивавшіе идею о гегемоніи, повели себя совершенно такъ, какъ купецъ у Г. И. Успенскаго („Маленькіе недостатки механизма"). Этотъ воинственный служитель „торговаго капитала", вступивъ въ бой съ тащившими его въ участокъ дворниками и плотниками, почувствовалъ, что ему „вступило въ кулакъ желѣзное расположеніе духа", и началъ такъ усердно раздавать направо и налѣво „лещей, судаковъ и окуней", что черезъ нѣсколько мгновеній вокругъ него „распространилось пространство", а самъ онъ стоялъ на площади одинъ, „въ родѣ, какъ召Мининъ-Пожарскій". Наши гегемоны тоже очень скоро „распространили вокругъ себя пространство" и тоже уподобились „Минину-Пожарскому", такъ что вмѣсто гегемоніи получилось что-то въ родѣ чемберлэновской Splendid isolation (великолѣпнаго изолированія). Я не стану повторять здѣсь, что эта Splendid isolation не принесла пользы никому, кромѣ враговъ освободительнаго движенія вообще и пролетаріата въ частности, я говорилъ это уже не одинъ разъ. Здѣсь я только замѣчу, что тактика соглашеній вела у насъ къ совершенно обратнымъ результатамъ: вмѣсто „пространства" вокругъ наиболѣе передовой партіи распространялась чрезвычайно выгодная для нея и для всего освободительнаго движенія атмосфера сочувствія. И этотъ чрезвычайно выгодный результатъ достигался вовсе не тѣмъ, что передовая партія будто-бы „спрятала въ карманъ свои принципы", а тѣмъ, что она,—*тактично выдвигая на видъ эти принципы*,— обнаруживала непослѣдовательность и половинчатость своихъ конкурентокъ, и къ тому же она дѣлала это такъ, что, оспаривая у нея сочувствіе избирателя, ея менѣе передовыя

конкурентки видѣли себя вынужденными подвигаться влѣво. Стало быть, вмѣсто Splendid isolation получилась,—вѣрнѣе сказать: *получилась бы, если-бы такая тактика примѣнялась послѣдовательно и въ широкихъ размѣрахъ,*—настоящая гегемонія; а вмѣсто вреднаго для дѣла уменьшенія общей суммы силъ, боровшихся съ пережитками старины, *получилось бы,—полезное и безусловно необходимое для побѣды приращеніе этихъ силъ.* Все это, вмѣстѣ взятое, и составляетъ то, чего мы должны требовать отъ разумной тактики. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что опытъ избирательныхъ соглашеній,—*даже несмотря на то, что онъ далеко не былъ сдѣланъ въ надлежащихъ размѣрахъ,*—уже далъ намъ хорошій тактическій урокъ *).

Я сказалъ, что передовая партія должна быть *тактичной* при выдвиганіи на видъ своихъ принциповъ. Можно было бы думать, что это само собою разумѣется, и что человѣкъ, высказывающій такое соображеніе, не имѣетъ нужды оговариваться. Но, къ сожалѣнію, это не такъ. Извѣстные *псевдо-крайніе* элементы до такой степени сжились съ *безтактностью*, что считаютъ ее какъ-бы необходимой принадлежностью радикальнаго образа мыслей. Они закричатъ: „Ага! Онъ говоритъ о тактичности. Это лучшее доказательство его оппортюнизма!“ И такіе крики смутятъ, пожалуй,—какъ смущали уже не одинъ разъ,—кое-кого изъ тѣхъ людей, которымъ по всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ слѣдовало бы придерживаться моей точки зрѣнія. Поэтому объясняюсь.

Подъ тактичностью въ данномъ случаѣ я понимаю осторожность, точнѣе: систематичность или, если хотите, педагогичность въ изложеніи передъ неподготовленнымъ слушателемъ нѣкоторыхъ

*) Эти строки были уже написаны, когда я прочиталъ въ № 169 „*Товарища*“ слѣдующія строки г. Тана: „Если-бы лѣвые были дружны, они могли бы заставить кадетовъ потѣсниться на половину позиціи, но лѣвые распались на части и ссорятся между собою. А кадеты потираютъ руки и спрашиваютъ съ невинной улыбкой: „кому же именно мы должны уступить мѣсто?“ Такое уже счастье кадетамъ: имъ особенно много помогаютъ,—справа и слѣва,—какъ разъ тѣ, которые воображаютъ себя ихъ самыми непримиримыми врагами. Ошибки правыхъ меня, разумѣется, не огорчаютъ. Но что касается лѣвыхъ, то не могу не замѣтить, что ихъ ошибкамъ гг. кадеты въ значительной степени обязаны своимъ вліятельнымъ положеніемъ (тѣмъ, что могли забраться въ спальный вагонъ, какъ сказалъ бы г. Алексѣевъ). Если-бы не лѣвые, то не прошелъ бы кадетамъ даромъ ихъ отказъ отъ соглашеній въ Петербургѣ... Неразуміе хуже злой воли!“

идей, могущихъ оттолкнуть его при безсистемномъ, безтактномъ изложенiи. Необходимость педагогичности этого рода превосходно понимали наиболѣе передовые общественные дѣятели во Францiи конца XVIII вѣка. Они сурово осуждали безтактность въ пропагандѣ и въ агитацiи. И однимъ изъ ихъ самыхъ сильныхъ обвиненiй противъ жирондистовъ была именно безтактность, которая, по мнѣнiю людей, о которыхъ я говорю, запугивала народную массу и толкала ее въ объятiя реакцiи. Нѣкоторые историки говорятъ, что это было незаслуженное обвиненiе. Но какъ бы тамъ ни было, а неоспоримо то, что противники жирондистовъ считали безтактность въ пропагандѣ и въ агитацiи серьезнымъ грѣхомъ противъ дѣла свободы. Они хотѣли, чтобы въ тогдашнее бурное время каждая передовая идея, выдвинутая передъ народной массой, явилась *обобщенiемъ уже пережитаго этой массой политическаго опыта.* Они полагали, что когда этого условiя нѣтъ на лицо; когда передовая идея не выражаетъ собою уже пережитаго народомъ политическаго опыта, тогда она играетъ роль *пугала* и потому не только не ускоряетъ развитiе народнаго сознанiя, а, наоборотъ, замедляетъ его. Вслѣдствiе этого они заботились не столько о томъ, чтобы какъ можно скорѣе, громче и полнѣе повторить передъ массой свой политическiй символъ вѣры, сколько о томъ, чтобы способствовать прiобрѣтенiю массой, посредствомъ ея собственнаго дѣйствiя, необходимаго политическаго опыта. И именно потому имъ удалось чрезвычайно быстро воспитать массу, и именно потому у нихъ должны учиться политической педагогикѣ передовые люди нашего времени. Морисъ недаромъ назвалъ ихъ тактику маякомъ, къ которому должны обращаться, во время общественныхъ бурь, взоры передовыхъ новаторовъ всѣхъ послѣдующихъ поколѣнiй.

Противники жирондистовъ были людьми дѣла, а не людьми слова, что не мѣшало, впрочемъ, нѣкоторымъ изъ нихъ обладать замѣчательнымъ краснорѣчiемъ, и не трудно представить себѣ, съ какимъ презрѣнiемъ посмотрѣли бы эти могучiе люди великаго дѣла на нашихъ „большевиковъ", воображающихъ, что радикализмъ состоитъ въ безпрерывномъ повторенiи извѣстнаго катехизиса отъ начала до конца и отъ конца до начала. Они приняли бы ихъ за воскресшихъ brissotins *), а вѣрнѣе, просто за попу-

*) Послѣдователей Бриссо, жирондистовъ.

гаевъ. Только люди, отличающіеся наивностью этихъ несчастныхъ „большевиковъ“ или,—что въ этомъ случаѣ все равно, г. Solus'a, могутъ думать, что при распространеніи политическихъ идей не слѣдуетъ прибѣгать къ употребленію „алгебраическихъ знаковъ“. На самомъ дѣлѣ, иногда бываетъ въ высшей степени полезно выдвинуть передъ массой извѣстный алгебраическій знакъ, предоставляя ей самой, на основаніи собственнаго опыта, замѣнить алгебраическія буквы опредѣленными ариѳметическими величинами. Кто отрицаетъ это, тотъ не понимаетъ психологіи массы. Эта психологія есть психологія людей, которые еще только совершаютъ свое воспитаніе, которые еще только *зрѣютъ* для усвоенія извѣстныхъ идей. Такимъ людямъ сплошь да рядомъ кажется неяснымъ то, что представляется вполнѣ опредѣленнымъ *зрѣлому* человѣку. И наоборотъ: то, что *зрѣлому* человѣку представляется неудовлетворительнымъ по своей неопредѣленности, является болѣе удовлетворительнымъ для умовъ, *еще нуждающихся въ воспитаніи*. Поэтому въ дѣлѣ пропаганды и агитаціи вопросъ о томъ, что лучше, алгебра или ариѳметика, рѣшается далеко не такъ просто, какъ, это думаетъ г. Solus. Иногда „алгебраическій знакъ“ даетъ „сѣрому“ слушателю несравненно больше, нежели опредѣленная ариѳметическая величина. И это неудивительно: вѣдь въ политикѣ наши „ариѳметическія величины“ часто гораздо болѣе отвлеченны, нежели „алгебраическіе знаки“.

Я утверждаю, что наша народная масса далеко еще не достигла той степени политическаго развитія, на которой уже нѣтъ нужды въ „алгебрѣ“, поэтому я и не боюсь алгебры. Надо пользоваться ея знаками, не опасаясь того, что скажетъ по этому поводу тотъ или другой сторонникъ „большевистской“.—если можно такъ выразиться,—тактики.

Эти послѣднія строки я позволю себѣ рекомендовать вниманію Ф. И. Дана и Н. И. І—скаго. Этотъ послѣдній недавно сказалъ въ „Современномъ Мірѣ“ нѣсколько словъ въ защиту моего „знака“. Я благодарю его за это. Но его защита состояла въ томъ, что онъ поспѣшилъ замѣнить мой знакъ извѣстной,—имѣющей прочную репутацію,—ариѳметической величиною. По-моему, это было напрасно. По примѣру французскихъ дѣятелей конца прошлаго вѣка я стою за употребленіе алгебры, и защитить меня можно, если вообще можно,—только однимъ путемъ: показавъ, что „алгебра“

въ самомъ дѣлѣ необходима именно для болѣе скораго наступленія царства „ариѳметики". Но мнѣ думается, Н. И. І—скій пока еще и самъ побаивается этой мысли, находя ее не безопасной тактической ересью.

Такою же ересью считаетъ ее, повидимому, и Ф. И. Данъ. Онъ хорошо опредѣлилъ задачи второй Думы. Одно плохо: онъ, какъ видно, не считаетъ нужнымъ употребленіе „алгебраическихъ знаковъ". Это заблужденіе. Безъ „алгебры" пока еще обойтись нельзя. Обратно тому, что происходитъ въ школахъ, народная мысль начинаетъ именно съ алгебры, такъ что въ теченіе нѣкотораго времени ариѳметика остается достояніемъ кружковъ или,— и это, конечно, лучшій случай,—извѣстныхъ, наиболѣе передовыхъ слоевъ населенія. Наша народная масса,—разсматриваемая въ томъ ея цѣломъ, отъ котораго и зависитъ въ послѣднемъ счетѣ рѣшеніе великихъ историческихъ вопросовъ,—еще не перешла изъ алгебраическаго класса въ ариѳметическій. *Эту истину необходимо сознать и запомнить, ибо только на ней можетъ основываться правильная тактика.* Но пусть извинитъ меня Ф. И. Данъ: мнѣ сдается, что онъ до сихъ поръ не отдѣлался отъ страха передъ тѣмъ, что скажетъ „большевистская" Марья Алексѣевна. А между тѣмъ *пренебрежительное отношеніе къ отзывамъ этой очень крикливой, но совершенно пустой дамы, есть начало всякой тактической премудрости.*

Если-бы Ф. И. Данъ и его единомышленники поменьше считались съ отзывами о нихъ Марьи Алексѣевны, то ихъ тактика,— и теперь уже неизмѣримо болѣе разумная, нежели тактика гг. „большевиковъ"—окончательно сдѣлалась бы достойной серьезной рабочей партіи. Но когда это будетъ, я не знаю; а пока не наступило это желанное время, единомышленники Ф. И. Дана не перестанутъ очень и очень много терять отъ того, что они не хотятъ быть послѣдовательными; отъ того, что они продолжаютъ служить и богу, и мамонѣ, и эсъ-дековскому разуму, и анархо-соціалистическому неразумію.

Я позволю себѣ думать, что именно только вслѣдствіе этой. достойной сожалѣнія, двойственности они не захотѣли рѣшительно высказаться въ пользу моего „алгебраическаго знака"...

Что касается гг. „большевиковъ", то о нихъ можно сказать

кратко: *не вѣдаютъ, что творятъ.* Разсуждать съ ними объ „алгебрѣ“ значитъ даромъ терять время: чтобы столковаться съ ними, надо превратиться въ органчикъ, неизмѣнно наигрывающій коротенькую серію „активныхъ выступленій“, а у меня на это нѣтъ никакой охоты. Я охотно предоставляю имъ величать меня оппортюнистомъ или даже реакціонеромъ, французы говорятъ: on est toujours le réactionnaire de quelqu'un *). И это, вообще говоря, правильно. Но въ каждомъ данномъ случаѣ надо спросить себя: кто этотъ quelqu'un: понимающій дѣло человѣкъ или пошехонецъ, заблудившійся въ трехъ соснахъ.

При всей своей несерьезности, „большевистскіе“ пошехонцы очень любятъ ссылаться на серьезныхъ людей, будто-бы одобряющихъ ихъ пошехонскую „тактику“. Въ самое послѣднее время они ухватились за фалды Каутскаго, который своими статьями о перспективахъ нашего освободительнаго движенія будто-бы показалъ несостоятельность моихъ тактическихъ взглядовъ. И хотя я разъ навсегда покинулъ всякую надежду переубѣдить гг. „большевиковъ“, но мнѣ все-таки приходится остановиться на ихъ аргументаціи, чтобы обнаружить передъ читателемъ ея поистинѣ *„крайнюю“* слабость.

Въ предисловіи къ русскому переводу Каутскаго одинъ изъ ихъ публицистовъ называетъ „неумными“ тѣ вопросы на счетъ современнаго положенія въ Россіи, съ которыми я обратился къ вожакамъ западнаго рабочаго движенія. „Каутскій,—пишетъ анонимный публицистъ, — въ сущности, отвѣтилъ на Плехановскіе вопросы тѣмъ, что *отбросилъ* Плехановскую постановку вопроса (вопросовъ? Г. П.). Каутскій отвѣтилъ Плеханову тѣмъ, что *исправилъ* Плехановскую постановку вопроса (однако, что же собственно онъ сдѣлалъ: „отбросилъ“ или только „исправилъ“? Г. П.). Критика Плехановской постановки вопроса, данная Каутскимъ, вышла при этомъ тѣмъ убійственнѣе, чѣмъ мягче и осторожнѣе поправлялъ онъ иниціатора анкеты“. Далѣе, цитируя слова Каутскаго: „Мы хорошо поступимъ, если усвоимъ себѣ ту мысль, что мы стоимъ передъ совершенно новыми ситуаціями и проблемами, къ которымъ не подходитъ ни одинъ старый шаблонъ“, авторъ предисловія злорадно восклицаетъ: это не въ бровь, а въ

*) Всегда окажешься реакціонеромъ по отношенію къ кому-нибудь.

глазъ, противъ Плехановскаго вопроса: буржуазная ли революція у насъ по общему ея характеру (!) или соціалистическая? Это— старый шаблонъ, говоритъ Каутскій. Нельзя такъ ставить вопроса, это не по-марксистски". Такъ излагаютъ Каутскаго мои противники. Излагаютъ они его плохо. Но допустимъ, что они изложили его хорошо. Посмотримъ, что выйдетъ.

Итакъ, Каутскій попалъ не въ бровь, а въ глазъ *противъ* моей постановки вопроса. Это такъ сказано, что не знаешь, чей же собственно глазъ пострадалъ при этомъ: мой, или глазъ, принадлежащій „моей" постановкѣ вопроса. Но дѣло-то въ томъ, что постановка вопроса, „*противъ*" которой Каутскій попалъ будто бы „въ глазъ", *совсѣмъ не моя постановка*. Это постановка, съ которой къ намъ давно приставали анархисты, народовольцы тихомировскаго толка, эсъ-эры, а въ послѣднее время рожденные эсъ-эрами максималисты. Они упрекали насъ въ томъ, что мы миримся съ буржуазнымъ характеромъ тѣхъ результатовъ, которыхъ мы ждемъ отъ нашего освободительнаго движенія. Они утверждали, что особенности русскаго экономическаго строя дѣлаютъ возможнымъ скачокъ въ соціализмъ или,—какъ думали наиболѣе разсудительные изъ нихъ,—въ область, недалекую отъ соціализма. А мы называли ихъ за это утопистами. Чтобы не далеко ходить, я напомню хотя-бы то, какъ отвѣчала на эту будто-бы мою постановку вопроса такъ называемая гг. „большевиками" *старая* „Искра", рѣшительно утверждавшая: Россія переживаетъ *буржуазный переворотъ*. Теперь я спрашиваю автора предисловія: какъ же быть съ этимъ мнѣніемъ *старой* „Искры", въ которой, какъ извѣстно, принималъ дѣятельное участіе „товарищъ" Ленинъ? Считать или не считать это мнѣніе *шаблоннымъ*? Непомнящій родства авторъ предисловія уже прокричалъ, что называется, благимъ матомъ: „Это мнѣніе шаблонно". Но онъ прокричалъ такъ, очевидно, только потому, что его зычный крикъ „попадаетъ не въ бровь, а въ глазъ противъ" того отвѣта, который давалъ на *анархическую* „постановку вопроса", между прочимъ, и большевистскій „самъ". Можетъ быть, нашъ авторъ теперь нѣсколько одумается...

Итакъ, „постановка вопроса" не моя, а *анархическая*. Повторилъ я ее,—каюсь,—потому, что напередъ предвидѣлъ *общій смыслъ* тѣхъ отвѣтовъ, которые она вызоветъ. Я напередъ зналъ,

что *отвѣты будутъ не анархическіе.* И когда я, читая отвѣты, видѣлъ, что отвѣчавшіе удивлялись,—иногда, напр. Э. Вандервельдъ, даже какъ будто не безъ нѣкотораго раздраженія,—тому, что имъ задаютъ подобные вопросы, я радовался, находя, что мое предвидѣніе блестяще оправдалось. Конечно, мнѣ могутъ сказать, что, отвергая преувеличенныя надежды анархистовъ, авторы отвѣтовъ не раздѣляютъ въ то же время и взгляда *старой* „Искры" на *буржуазный* характеръ интересующаго насъ общественнаго движенія. Письма *жорэсиста* Э. Мильо и *марксиста* Каутскаго какъ будто сходятся въ отрицательномъ отношеніи къ этому взгляду. И это единомысліе *жорэсиста* и *марксиста* какъ будто придаетъ особый вѣсъ отрицанію взгляда старой „Искры". Но надо понять, *въ какомъ смыслѣ* отрицается ими этотъ взглядъ, котораго я держался, кстати замѣтить, еще съ 1883 года. Съ этой стороны очень важно письмо Мильо и столь же важны статьи Каутскаго.

Въ чемъ же дѣло? Въ какомъ смыслѣ считаетъ Каутскій шаблоннымъ то мнѣніе, что мы переживаемъ теперь буржуазный кризисъ? На это, вслѣдъ за Каутскимъ, отвѣчаетъ намъ само разбираемое мною предисловіе: „ибо, говорится въ немъ, буржуазія не принадлежитъ къ движущимъ силамъ теперешняго революціоннаго движенія въ Россіи". А самъ Каутскій объясняетъ: „Въ ней пролетаріатъ не является болѣе простымъ придаткомъ и орудіемъ буржуазіи, какъ это было во время буржуазныхъ революцій, а самостоятельнымъ классомъ съ самостоятельными революціонными цѣлями" (стр. 29). Вотъ оно что! Вотъ въ какомъ смыслѣ считаетъ Каутскій „шаблоннымъ" мнѣніе о буржуазномъ характерѣ переживаемаго нами кризиса, но это не имѣетъ никакого отношенія къ будто-бы моей, а на самомъ дѣлѣ анархической „постановкѣ вопроса" о томъ, можемъ ли мы ждать торжества соціализма, какъ непосредственнаго результата нынѣшняго нашего освободительнаго движенія. „Противъ" этой постановки вопроса Каутскій говоритъ, что нынѣшній кризисъ „можетъ повести въ деревнѣ лишь къ созданію крѣпкаго крестьянства на основѣ частной собственности на землю и этимъ вырыть между пролетаріатомъ и имущей частью сельскаго населенія такую же пропасть, какая существуетъ уже въ Западной Европѣ". И отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что невозможно ожидать отъ нынѣшняго движенія

соціалистическихъ результатовъ въ деревнѣ *). О городѣ, т.е. о промышленности, — разумѣется, нечего и говорить: ясно, что ближайшее будущее принадлежитъ тамъ буржуазіи. И по этому поводу я тоже не имѣю ни малѣйшаго основанія расходиться съ Каутскимъ: все это я высказалъ еще въ *„нашихъ разногласіяхъ“*. Вѣдь за это на меня и нападали анархисты и тѣ „соціалисты“, которые болѣе или менѣе поддаются вліянію ихъ образа мыслей. Но что же отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что „шаблоны“ шаблонами, а кризисъ-то мы переживаемъ *все-таки буржуазный*, и что напрасно подняли свой гусиный крикъ гг. „большевики“. Чему обрадовались безграмотные противники? Должно быть, тому, что ровно ничего не поняли въ *ни въ чьей* „постановкѣ вопроса“.

До чего доходитъ святая простота этихъ людей, видно изъ того, что они преподносятъ мнѣ то мнѣніе Каутскаго, что главная роль въ нынѣшнемъ нашемъ движеніи принадлежитъ не буржуазіи, а пролетаріату. Въ виду этого мнѣ остается только порекомендовать ихъ вниманію мои сочиненія, относящіяся еще къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго вѣка; — они увидятъ изъ нихъ, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ была высказана мною эта мысль, казавшаяся чѣмъ-то въ родѣ сумасшедшаго бреда нашимъ старовѣрамъ народническаго и субъективнаго толковъ.

Мои противники приписываютъ мнѣ такое разсужденіе: если кризисъ, переживаемый Россіей, имѣетъ буржуазный характеръ, то надо поддерживать буржуазію. Этимъ разсужденіемъ они объясняютъ мой „оппортюнизмъ“, — давно уже открытый и проклятый анархистами; — и этому же разсужденію противопоставляютъ они замѣчаніе Каутскаго о шаблонахъ. Но это разсужденіе, — чрезвычайно сильно напоминающее логику покойнаго С. Н. Кривенко, находившаго, что я и мои единомышленники должны сдѣлаться кабатчиками, — цѣликомъ придумано ими, моими даровитыми противниками. Я разсуждаю совсѣмъ иначе. Я совсѣмъ не говорю, что рабочій классъ долженъ кого-нибудь *поддерживать*. Или, чтобы выразиться точнѣе, я говорю, что онъ можетъ и долженъ поддерживать только тѣ классы и партіи, дѣятельность которыхъ

*) Замѣчу одно: муниципализація земли сильно затруднила бы, — хотя и не сдѣлала бы невозможнымъ, — возникновеніе у насъ крѣпкаго крестьянства на основѣ *частной* поземельной собственности. Но это, конечно, не остановило бы развитія въ деревнѣ капитализма, такъ что общій выводъ остается неизмѣннымъ.

такъ или иначе облегчаетъ его собственное дѣло. Онъ не придатокъ; я уже двадцать четыре года доказываю это,—а *самоцѣль*. И онъ долженъ пользоваться другими классами и партіями, какъ средствомъ. Въ этомъ смыслѣ я и писалъ недавно, что было бы ошибкой съ его стороны, если-бы онъ не захотѣлъ использовать для своихъ цѣлей кадетское стремленіе къ полу-свободѣ *): онъ не долженъ *служить*; онъ долженъ *пользоваться*. Если это одно и то же, то капиталисты неизмѣнные слуги рабочихъ, потому что они неизмѣнно пользуются ими для созданія прибавочной стоимости. Но это слишкомъ сложно для моихъ оппонентовъ. Они въ такихъ тонкостяхъ не разбираются, у нихъ—если партія буржуазная, то не надо и пользоваться ею: отойди отъ зла, сотвори благо. Такъ всегда разсуждали анархисты.

Они изображаютъ дѣло такъ, какъ-будто они нашли, наконецъ, авторитетнаго писателя, разошедшагося со мною по вопросу о *соглашеніяхъ*. Посмотримъ, однако, что же собственно говоритъ Каутскій объ этомъ вопросѣ.

„Совмѣстное дѣйствіе съ либералами,—читаемъ мы на стр. 31 русскаго перевода его статей,—допустимо лишь въ такой формѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это не помѣшаетъ совмѣстному дѣйствію съ крестьянствомъ“. Это правильно. Но развѣ я предлагалъ такое соглашеніе, которое могло бы помѣшать этому совмѣстному дѣйствію? Гдѣ? Когда?

Спрашиваю еще разъ: чему же обрадовались мои противники? И теперь я, кажется, начинаю догадываться, въ чемъ дѣло. Слушайте. По мнѣнію этихъ господъ, коренная разница между моимъ „методомъ“ и „методомъ Каутскаго“ выступаетъ съ особенной рельефностью, когда мы „читаемъ у этого послѣдняго вотъ эти строки: думать, что всѣ тѣ классы и партіи, которые стремятся къ политической свободѣ, должны просто-на-просто дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы добиться побѣды, значитъ имѣть въ виду лишь политическую поверхность совершающагося“. Но эти строки, будто-бы обнаруживающія различіе нашихъ „методовъ“, могутъ только радовать меня: вѣдь я съ давнихъ поръ доказываю, что такимъ классамъ рѣшительно невозможно „просто дѣйствовать вмѣстѣ“; вѣдь я всегда отстаивалъ принципъ: „врозь итти, вмѣстѣ

*) Достиженіе его цѣлей выгодно, въ то же время, огромной массѣ населенія. Но объ этомъ здѣсь нѣтъ нужды распространяться.

бить“. Я предложилъ избирательныя соглашенія *въ силу* этого принципа, *на его основѣ, въ его предѣлахъ.* И если *это* предложеніе означаетъ желаніе „перебѣжать“ къ либераламъ, то по той же логикѣ отказъ отъ соглашеній долженъ означать желаніе перебѣжать къ октябристамъ или даже къ черной сотнѣ.

Но Каутскій, разумѣется, совершенно чуждъ этой логикѣ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы уже знаемъ, что и онъ не противъ совмѣстнаго дѣйствія съ либералами, *поскольку это дѣйствіе заключается въ извѣстные предѣлы.*

Дальше, „Каутскій показываетъ, что въ ходѣ революціи побѣда можетъ достаться с.-д. партіи и что эта партія *должна* внушать своимъ сторонникамъ увѣренность въ побѣдѣ... Смѣшныя потуги Плеханова „подвести“ задачи нашей революціи „подъ амстердамскую резолюцію“ выступаютъ особенно комично наряду съ простымъ и яснымъ положеніемъ Каутскаго: „нельзя успѣшно бороться, если напередъ отказываться отъ побѣды“ (стр. 5).

Погодите, господинъ хорошій, тутъ вы опять путаете, и тутъ производимая вами путаница выступаетъ „съ особенной рельефностью“.

По какому поводу я заговорилъ объ амстердамской резолюціи? По тому, что эту резолюцію могли бы, пожалуй, истолковывать въ смыслѣ, *осуждающемъ предложенныя мною избирательныя соглашенія.* Я именно думалъ, что подъ нее нельзя „подвести“, — какъ выражаются мои противники, употребляя почему-то вносные знаки, — нынѣшнія русскія общественно-политическія отношенія. И когда я напоминалъ о ней тѣмъ, кому я ставилъ свои вопросы, — я опять каюсь! — ждалъ, что мнѣ отвѣтятъ: „Да помилуйте! Вѣдь амстердамская резолюція имѣетъ въ виду условія, совершенно непохожія на ваши“. Такъ мнѣ, собственно говоря, и отвѣтили, при чемъ рѣзче и опредѣленнѣе всѣхъ другихъ отвѣтилъ Жюль Гэдъ, котораго г.г. большевики, вѣроятно, тоже считаютъ теперь „перебѣжчикомъ“. Откуда же вы, хорошій господинъ, взяли мои „потуги“?

Если „потуги“ были на самомъ дѣлѣ, и если онѣ „смѣшны“, то развѣ въ одномъ смыслѣ: въ томъ, что я въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ *доказывалъ* то, чего и *доказывать не нужно*, т.-е. опять-таки то, что амстердамская резолюція осуждаетъ согла-

шенія, происходящія при условіяхъ, *совершенно не похожихъ на наши русскія.*

Далѣе. Доказывая *невозможность* „подвести" и проч., я писалъ, между прочимъ, что съ точки зрѣнія амстердамской резолюціи можно было бы обсуждать *только* вопросъ объ участіи представителей рабочаго класса въ *буржуазномъ*,—или въ *мелкобуржуазномъ* правительствѣ,—и *этотъ* вопросъ, сказалъ я, амстердамская резолюція рѣшаетъ отрицательно, но такой вопросъ можетъ возникнуть именно только тогда, когда сметены будутъ съ исторической сцены нынѣшнія наши отношенія; теперь же амстердамская резолюція предписываетъ намъ нѣчто совсѣмъ иное. Мое замѣчаніе объ участіи въ буржуазномъ правительствѣ было сдѣлано мимоходомъ, и если г.г. „большевики" усмотрѣли въ немъ *главное* содержаніе моихъ „потугъ", то это даетъ мнѣ поводъ думать, что мои „смѣшныя" потуги не столько ихъ „*смѣшили*". сколько *безпокоили.* Этимъ предположеніемъ хорошо объясняется, кстати, и тотъ фактъ, что мои противники съ такимъ, можно сказать, судорожнымъ усиліемъ схватились за фалды Каутскаго.

Что касается мнѣнія этого послѣдняго на счетъ того, что для борьбы нужна увѣренность въ побѣдѣ, то, разумѣется, я не буду, да, впрочемъ, и никто не будетъ,—оспаривать это. Все дѣло въ томъ, чтобы не внушать борющемуся увѣренности въ такой побѣдѣ, которая невозможна по условіямъ мѣста и времени. А, кромѣ того, нужно еще условиться на счетъ того, что считать побѣдой. По-моему, тотъ захватъ власти, о которомъ мечтаютъ г.г. большевики, только на поверхностный взглядъ означалъ бы собою *побѣду*, а на самомъ дѣлѣ былъ бы началомъ жестокаго *пораженія.* И это мое отношеніе къ вопросу вполнѣ сходится съ тѣмъ, что думалъ Энгельсъ о крайней невыгодности положенія того класса, въ руки котораго политическая власть попала прежде, чѣмъ созрѣли экономическія условія, необходимыя для его торжества. При наличности этого отрицательнаго условія такому классу *выгоднѣе оставаться въ оппозиціи.* Такъ думаю я вслѣдъ за Энгельсомъ *). Я не думаю, чтобы мой другъ Каутскій далеко разошелся со мною въ этомъ случаѣ: въ интересующихъ насъ статьяхъ его мнѣніе выражено слишкомъ неопредѣленно, чтобы

*) Напомню объ его письмѣ къ Филиппу Турати. Мнѣ уже не разъ приходилось ссылаться на это письмо.

можно было составить себѣ о немъ точное понятіе. Но, если-бы,— что, повторяю, кажется мнѣ маловѣроятнымъ,—онъ согласился съ г.г. „большевиками“, то я, въ свою очередь, не согласился бы съ нимъ, какъ не согласился въ 1900 году по вопросу о Миллеранѣ. Мнѣ это было бы тяжело; но я думаю, что событія оправдали бы меня, какъ уже оправдали они мою критику парижской резолюціи Каутскаго.

Правда, у насъ пока еще нѣтъ основаній думать, что скоро могутъ явиться тѣ событія, которыя рѣшили бы этотъ споръ. Они, конечно, „возможны, но лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ“. И тутъ, какъ мнѣ кажется, Каутскій не совсѣмъ правильно опредѣляетъ нынѣшнее соотношеніе нашихъ общественныхъ силъ. Онъ вѣрно указываетъ, *въ какомъ направленіи* совершается политическое развитіе нашего крестьянина. Но онъ преувеличиваетъ *быстроту* этого развитія. А преувеличивая *его быстроту*, онъ, по необходимости, создаетъ себѣ не вполнѣ точное представленіе объ *его вліяніи на другія партіи*. Иностранные читатели Каутскаго могутъ, пожалуй, подумать, что кадеты *уже стали* консервативной партіей, между тѣмъ какъ правильнѣе пока считать, какъ я назвалъ ихъ,—партіей народной полусвободы. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ Каутскій какъ-будто и самъ говоритъ объ отказѣ кадетовъ отъ борьбы съ пережитками нашей старины, лишь какъ о *будущемъ результатѣ* развитія крестьянскаго сознанія. Если именно здѣсь надо искать правильнаго выраженія его мысли, то я по существу съ нимъ согласенъ, и разномысліе между нами возможно, стало быть, *только въ оттѣнкахъ*, причемъ и эта возможность обусловливается, по-моему, только тѣмъ, что, разсуждая о ходѣ развитія сознательности въ русскомъ крестьянствѣ, я чаще вспоминаю русскую поговорку: „скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается“.

Но все это частности. Главное же то, что если-бы въ двухъ послѣднихъ пунктахъ Каутскій и оказался ближе къ гг. „большевикамъ“, то необходимо помнить, что два пункта еще не обозначаютъ всего и что гг. „большевики все-таки совершенно напрасно цѣпляются за фалды Каутскаго. Имъ лучше было бы „родными счесться“ съ анархосоціалистомъ Эрве, недавно обрушившимся съ цѣлымъ рядомъ поистинѣ „большевистскихъ“ упре-

ковъ на партію, къ которой принадлежитъ Каутскій, за „оппортюнизмъ“, будто-бы проявленный ею въ своемъ избирательномъ манифестѣ. Не даромъ же въ средѣ гг. большевиковъ растутъ и крѣпнутъ симпатіи къ анархо-соціалистическому синдикализму. Если Богъ дастъ намъ вѣку, то мы, я думаю, скоро будемъ присутствовать при весьма интересныхъ превращеніяхъ нѣкоторыхъ нашихъ мнимыхъ ортодоксовъ марксизма въ истинныхъ ортодоксовъ анархосоціализма.

Въ заключеніе замѣчу вотъ что. Каутскій говоритъ, что современемъ между имущей частью нашего сельскаго населенія и рабочимъ классомъ явится такая же пропасть, какая существуетъ теперь между ними на Западѣ. Это очень вѣрно. Но Каутскій забылъ прибавить, что *уже теперь* экономическіе интересы русскаго крестьянства, — замѣтьте: такъ называемаго *трудового* крестьянства,—во многомъ расходятся съ интересами пролетаріата. И это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при рѣшеніи того, упомянутаго выше, политическаго вопроса, по которому, можетъ быть, существуетъ нѣкоторое разногласіе между мною и Каутскимъ.

Вотъ наглядный примѣръ. Указъ 9-го января, несомнѣнно, идетъ въ разрѣзъ съ нынѣшними интересами „трудового“ крестьянства, если не вездѣ, то въ очень многихъ мѣстностяхъ нашей страны. Поэтому „трудовое“ крестьянство не можетъ не желать его безусловной отмѣны. А какова можетъ быть позиція пролетаріата въ этомъ чрезвычайно важномъ теперь вопросѣ? Чтобы судить объ этомъ, я приглашаю васъ обдумать слѣдующій фактъ.

„Тамб. Г.“ сообщаетъ объ одномъ изъ первыхъ случаевъ фактическаго осуществленія новаго закона объ общинѣ.

Въ с. Бокинѣ, Покровской волости, Тамбовскаго уѣзда, на сельскомъ сходѣ обсуждался вопросъ по существу поданнаго однимъ изъ домохозяевъ-общественниковъ заявленія объ указаніи участковъ земли на предметъ укрѣпленія ея въ собственность.

Сходъ категорически отказался отъ удовлетворенія требованія, о чемъ составилъ приговоръ, мотивируя отказъ,—просто нежеланіемъ подчиниться требованію желающаго выдѣлиться изъ общества домохозяина, находя удовлетвореніе требованія для общества неудобнымъ, въ виду того, что желающихъ найдется много, преимущественно изъ бѣдныхъ хозяевъ и лицъ, не зани-

мающихся земледѣліемъ и не живущихъ въ обществѣ. Между тѣмъ, „общинное владѣніе желательно сохранить: 1) съ цѣлью препятствованія къ отчужденію надѣльной земли, 2) для удобства пастбища скота на парахъ и ржищахъ и 3) потому, что раздѣлить землю на отдѣльные участки невозможно уравнительно, ибо земля разная и много ее совсѣмъ неудобной, а черезполосицы признаются неосуществимыми, въ виду системы передѣловъ на новыя души".

Вы видите, какая „подоплека" обнаружилась въ одномъ изъ первыхъ же случаевъ осуществленія новаго указа объ общинѣ: сходъ села Бокина нашелъ, что интересы сельской бѣдноты расходятся съ интересами „трудовыхъ" хозяевъ. Я увѣренъ, что этого не ожидали наши бюрократы, само собою разумѣется, заботившіеся вовсе не о бѣднотѣ. Но,—насколько можно судить, прислушиваясь къ голосу нашей прогрессивной печати всевозможныхъ оттѣнковъ,—этого не ожидали и наши противники бюрократовъ. Эти послѣдніе, противопоставляя интересы выдѣляющихся крестьянъ интересамъ общины, всегда давали понять читателямъ, что выдѣлъ можетъ быть желателенъ и выгоденъ только той части сельскаго населенія, которая менѣе всего можетъ привлекать къ себѣ сочувствіе нашей демократіи *). Въ этомъ же смыслѣ высказался и хорошій знатокъ аграрнаго вопроса П. П. Масловъ („*Современный Міръ*", за декабрь 1906 г., статья: „Разрушеніе общины"), который, однако, въ своей собственной книгѣ объ аграрномъ вопросѣ могъ бы найти очень ясное указаніе на возможность той комбинаціи интересовъ, которая дала себя знать въ селѣ Бокинѣ. Мы тамъ читаемъ:

„Съ точки зрѣнія интересовъ зажиточныхъ группъ крестьянъ гораздо выгоднѣе надѣленіе землею крестьянскихъ общинъ, называемое нѣкоторыми „соціализаціей земли". При общинномъ землевладѣніи, лишенномъ тѣхъ административныхъ путъ, которыми связывается теперь община, при развитіи производительныхъ силъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ, мобилизація земли изъ однѣхъ рукъ въ другія значительно легче, такъ какъ не требуется капитальной затраты на покупку земли. Но съ точки зрѣнія интересовъ бѣднѣйшихъ группъ деревенскаго населенія положеніе ве-

*) Такъ смотрятъ, кажется, и заграничные идеологи пролетаріата: см. статью Леона Рэми въ „l'Humanité", № 1019.

щей является ничуть не болѣе желательнымъ; несомнѣнно, пролетарскіе элементы деревни будутъ вытѣснены изъ „свободной“ общины и ничего не получатъ, такъ какъ не будутъ имѣть своего хозяйства“ *). Этотъ серьезный и скромный человѣкъ имѣетъ,—подите же вы!—слабость возвѣщать въ своихъ сочиненіяхъ по аграрному вопросу, что до него всѣ изслѣдователи стояли на отвлеченной точкѣ зрѣнія, а вотъ онъ, П. П. Масловъ, все это поправилъ. Несмотря на столь преувеличенно лестное мнѣніе П. П. Маслова о трудахъ П. П. Маслова **), П. П. Масловъ уже и въ книгѣ своей ухитрился встать на довольно отвлеченную точку зрѣнія. Достаточно сказать, что онъ разсматривалъ въ ней эволюцію формъ нашего крестьянскаго землевладѣнія независимо отъ развитія нашего государственнаго хозяйства, имѣвшаго на нее огромное и очень недурно выясненное въ наукѣ вліяніе. Въ статьѣ же: *„Разрушеніе общины“* отвлеченный характеръ разсужденій П. П. Маслова дошелъ до крайности. И это очень жаль, потому что его мнѣніе можетъ многихъ ввести въ ошибку. Только Лосицкій разсуждаетъ объ указѣ 9-го января какъ-будто конкретнѣе, но я, къ сожалѣнію, не имѣю подъ руками всѣхъ его статей, и мнѣ не совсѣмъ ясны его выводы. Какъ бы тамъ, однако, ни было, но поддерживать *„трудовыхъ крестьянъ“* въ ихъ борьбѣ съ *„бѣдными хозяевами“* намъ не пристало. Я, разумѣется, не говорю, что мы должны рукоплескать закону о разрушеніи общины. Противъ этого закона прежде всего говоритъ его канцелярское происхожденіе. Вопросы, касающіеся насущныхъ интересовъ народа, должны рѣшаться народнымъ представительствомъ. Но въ понятіи: „народъ“ объядиняются весьма различные классы и слои населенія съ далеко неодинаковыми интересами.

Нелѣпо было бы затушевывать это. Преступно было бы игнорировать интересы „бѣдныхъ хозяевъ“, этихъ деревенскихъ пролетаріевъ. Необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы они

---

*) „Аграрный вопросъ въ Россіи“, третье изданіе, стр. 456—457. Я уже въ *„Нашихъ разногласіяхъ“* доказывалъ возможность наступленія такого момента, когда уничтоженіе общины будетъ выгодно именно „деревенской бѣднотѣ“.

**) Говорю—*преувеличенно* лестное, потому что здѣсь П. П. Масловъ повиненъ именно только въ *преувеличеніи*. А что его труды заслуживаютъ похвалы, это я и самъ всегда находилъ.

громко заявили о *своихъ требованіяхъ*. Только опираясь на *эти* требованія, можно выработать правильное отношеніе къ закону 9-го января, и слѣдуетъ поспѣшить съ выясненіемъ,—я хочу сказать: съ организованнымъ, систематическимъ и всестороннимъ выясненіемъ,—этихъ требованій: время не терпитъ! *)

---

*) Уже по окончаніи этой статьи я прочиталъ слѣдующее извѣстіе: „**Крестьянскія постановленія**. „Новь“ сообщаетъ, что крестьяне села Костамы, Костромской губ., Галицкаго у., на сельскомъ сходѣ постановили лишить правъ пользованія землей всѣхъ крестьянъ, которые не живутъ въ деревнѣ и не обрабатываютъ земли сами. Разсматривая новый законъ объ уничтоженіи общинъ, сходъ призналъ, что это новый поводъ для закабаленія крестьянъ и для вражды между ними. Приговоръ представленъ земскому начальнику“. („Рѣчь“, № 16).

По существу это постановленіе однозначно съ тѣмъ, которое принято было въ Бокинѣ. Оно тоже идетъ въ разрѣзъ съ интересами крестьянъ-пролетаріевъ.

Письмо шестое.

(Посвящается нашимъ соціалъ-демократическимъ депутатамъ).

У насъ вошло въ обычай говорить о нашей революціи. Но это выраженіе,—„наша революція“,—можно употреблять только въ извѣстномъ смыслѣ. *Наша революція еще не совершилась.* Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ тотъ фактъ, что власть до сихъ поръ находится въ рукахъ гг. Столыпиныхъ, Каульбарсовъ, Ренненкампфовъ и проч. поистинѣ... „истинно-русскихъ“ людей. Мы еще далеко не пережили нашего 10 августа, а наши Бастиліи, взятыя въ октябрѣ 1905 года, опять переполнены заключенными. Наша революція еще не совершилась. *Она только совершается*,—вѣрнѣе сказать,—*она только готовится.* И какъ всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда готовится революція, силы *друзей* стараго порядка съ каждымъ днемъ убываютъ, а силы его *враговъ* съ каждымъ днемъ увеличиваются. Правда, по мѣрѣ того, какъ предстоящая русская революція обнаруживаетъ свое глубокое содержаніе, противъ нея обращаются и будутъ обращаться одинъ за другимъ нѣкоторые элементы, прежде ей сочувствовавшіе или даже принимавшіе активное участіе въ освободительной борьбѣ. Это неизбѣжно. Но этимъ не надо смущаться. Отталкивая отъ себя *нѣкоторыхъ*, революція привлекаетъ *многихъ*; лишаясь поддержки со стороны *различныхъ слоевъ высшихъ классовъ*, она вовлекаетъ въ движеніе *народную массу.* Ея приходъ больше ея расхода. Оттого-то и растутъ ежедневно силы враговъ стараго порядка; оттого-то и таютъ ежедневно, „яко таетъ воскъ отъ лица огня“ силы его друзей. Если-бы

было иначе, если-бы расходъ былъ больше прихода, тогда нельзя было бы и говорить о томъ, что у насъ готовится *революція*, а тогда надо было бы говорить о томъ, что у насъ готовится *реставрація*, полное возстановленіе стараго порядка, какъ онъ существовалъ до 17 октября 1905 года. И тогда этого процесса возстановленія стараго порядка не остановили бы никакія ссылки на манифестъ 17 октября, и никакія указанія на лойяльность нашихъ конституціонныхъ „реаль-политиковъ".

Разъ начавшись, понятное общественное движеніе остановилось бы,—на болѣе или менѣе продолжительное время,—лишь тогда, когда борющіяся между собою общественныя силы пришли бы въ болѣе или менѣе устойчивое равновѣсіе.

Наша революція еще не совершилась. Она только готовится.

Ея силы растутъ прямо пропорціонально вовлеченію въ движеніе широкой массы. Она совершится тогда, когда ея силы окажутся больше, нежели силы реакціи. Когда это будетъ?

Мы не знаемъ, но мы видимъ, и намъ слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду вотъ что. Въ настоящее время сила сопротивленія государства,—даже полицейскаго государства, всегда значительно ослабляемаго недовѣріемъ къ нему со стороны „обывателей",—несравненно больше, нежели была она прежде, напримѣръ, въ эпоху великой французской революціи.

Поэтому теперь, чтобы преодолѣть силу сопротивленія государства, необходимо выдвинуть на историческую сцену гораздо большую и гораздо болѣе сознательную, гораздо лучше организованную массу, нежели это нужно было прежде. А для того, чтобы масса приняла дѣятельное,—сознательное участіе въ движеніи, для того, чтобы она стала организоваться для участія въ немъ, необходимо, чтобы она увидѣла въ немъ выраженіе ея собственныхъ насущныхъ интересовъ; необходимо, чтобы она смотрѣла на его торжество, какъ на необходимое условіе ея собственной жизни. Но чѣмъ лучше выражаются въ данномъ движеніи насущные интересы народной массы, тѣмъ оно *демократичнѣе*.

Значитъ, уже одинъ тотъ фактъ, что чрезвычайно увеличилась сила сопротивленія государства, дѣлаетъ необходимымъ все большее и большее измѣненіе характера освободительной борьбы со старымъ порядкомъ въ сторону *демократизма*. А это служитъ новымъ

доказательствомъ того, что старый, —всегда бывшій въ сущности олигархическимъ,—либерализмъ отжилъ свое время. Побѣдоносная борьба со старымъ порядкомъ возможна у насъ только подъ знаменемъ демократіи.

И вотъ почему наши кадеты, не смотря на все свое отвращеніе отъ утопизма, сами являются политическими утопистами.

Боясь слишкомъ рѣшительнаго выступленія народа на политическую сцену, они стремятся установить и упрочить у насъ парламентскій режимъ съ помощью такихъ силъ, которыхъ совершенно недостаточно для достиженія этой цѣли. Они питаютъ утопическую надежду на то, что имъ удастся *заговорить* старый „прижимъ" до смерти. И они не только сами питаютъ эту утопическую надежду. Они хотятъ убѣдить народъ въ томъ, что въ ней нѣтъ ровно ничего несбыточнаго. Въ этомъ, а не въ чемъ-нибудь другомъ, заключается главный грѣхъ кадетской партіи. И по мѣрѣ того, какъ въ головы русскихъ гражданъ будетъ проникать сознаніе этого ея грѣха, кадеты будутъ отходить на задній планъ, уступая честь и мѣсто „болѣе лѣвымъ" направленіямъ. Можетъ быть, уже не далеко то время, когда они, дѣлающіе теперь оппозицію *правительству*, перейдутъ въ число тѣхъ, которые дѣлаютъ оппозицію *революціи*.

Можетъ быть, недалеко это время.

Но пока оно все-таки еще не пришло, и нѣтъ ошибки болѣе смѣшной и болѣе грубой, чѣмъ та, которую дѣлаютъ наши „большевики", воображающіе, что они приближаютъ это время своими криками о необходимости „активныхъ выступленій". Совершенно наоборотъ!

Безтолковые крики и безтолковыя выступленія „большевиковъ" вливаютъ много свѣжей крови въ жилы кадетской партіи. Этого не видятъ только слѣпорожденные.

Возьмемъ хотя пресловутый бойкотъ первой Думы. Сами кадеты признаютъ теперь, что онъ увеличилъ силу и вліяніе ихъ партіи. (См., напримѣръ, передовую статью въ № 35 „Рѣчи").

А это значитъ, что „большевики" шли въ комнату, а попали въ другую. Не умѣя обосновать свою тактику на правильной оцѣнкѣ соотношенія общественныхъ силъ, они, подобно всѣмъ утопистамъ, часто достигаютъ своей дѣятельностью результатовъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, къ которымъ они стремятся.

Чѣмъ былъ плохъ бойкотъ? Въ чемъ состоялъ главный промахъ

его сторонниковъ? Они предполагали *созрѣвшимъ* то, что пока еще только *зрѣетъ*, и созрѣванію чего можно и должно было содѣйствовать, между прочимъ, и участіемъ въ выборахъ. Я говорилъ это съ самаго начала, а теперь въ этомъ врядъ-ли сомнѣваются и сами бывшіе сторонники бойкота. Авторъ брошюры *„Роспускъ Думы и задачи пролетаріата“*, какъ я уже выше указывалъ (см. стр. 43), пишетъ:

„Народъ, т. е. широкія массы населенія, еще не доросъ въ массѣ своей до сознательной революціонности къ 1906 году... Сознаніе невыносимости самодержавія стало всеобщимъ, сознаніе негодности народнаго представительства—тоже *). Но непримиримости старой власти съ *властнымъ* народнымъ представительствомъ народъ еще не могъ сознать и почувствовать. Ему нуженъ еще былъ, какъ оказалось, особый опытъ для этого, опытъ кадетской Думы. Нашъ лозунгъ... оказался вѣрнымъ, но жизнь вела къ нему болѣе долгимъ и запутаннымъ путемъ, чѣмъ мы въ состояніи были предвидѣть“.

Это очень характерное признаніе, показывающее къ тому же, до какой степени авторъ цитированной мною брошюры не способенъ,—въ своемъ качествѣ „виднаго“ большевика,—сдѣлать надлежащій выводъ изъ своихъ собственныхъ посылокъ. Онъ не понимаетъ,—или не хочетъ понять,—что *„лозунги“* имѣютъ прежде всего *тактическое* значеніе, и что *тактика, основная на ошибочномъ представленіи о степени сознательности народной массы, есть прежде всего ошибочная тактика.* Нашъ авторъ хотѣлъ бы превратить въ похвалу себѣ даже сознаніе въ своей ошибкѣ. И, именно благодаря такой *неискренности* своего отношенія къ своимъ ошибкамъ, эти люди ничему изъ нихъ не научаются и по-прежнему оказываются „не въ состояніи предвидѣть“ тѣ условія, которыя необходимы для успѣха ихъ дѣла. Если сегодня авторъ брошюры видитъ себя вынужденнымъ признать на своемъ странномъ языкѣ, что *широкія массы еще не доросли въ массѣ* до той степени сознательности, которая необходима для того, чтобы можно было вести ихъ въ рѣшительную битву, то это нисколько не исправляетъ застарѣлыхъ привычекъ его мысли, и онъ завтра же опять зычнымъ голосомъ кричитъ:

*) Авторъ хочетъ, повидимому, сказать—нынѣшняго нашего, *безвластнаго* представительства.

„ну-тка, на ура!“ И такъ же мало научаются чему-нибудь изъ своихъ старыхъ ошибокъ его читатели и послѣдователи. Такъ, недавно г. Петръ Ал.,—см. „Сборникъ первый“, ст. „Передъ новой Думой“,—высказалъ слѣдующія соображенія: „И режимъ либеральной буржуазіи не можетъ осуществить основныхъ требованій революціи. Крупнѣйшія изъ этихъ требованій не по плечу либеральному режиму: буржуазія никогда не рѣшится отстаивать и проводить такія мѣры, какъ безвозмездная передача всей земли крестьянамъ, отмѣна косвенныхъ налоговъ, отказъ отъ уплаты по займамъ, уничтоженіе постоянной арміи и пр. Такимъ образомъ, если-бы въ ходѣ революціи либералы и очутились у власти, то революція не была бы удовлетворена,—было бы обнаружено лишь политическое банкротство либерализма“ (стр. 29—30).

Г-нъ Петръ Ал.—врагъ кадетовъ. Поэтому казалось бы, что онъ *долженъ желать*, чтобы они какъ можно скорѣе очутились у власти и чтобы, такимъ образомъ, „обнаружилось“ ихъ банкротство. Но г. Петръ Ал. разсуждаетъ иначе. „Въ виду этого,—говоритъ онъ,—соціалъ-демократіи и революціонному пролетаріату нѣтъ никакой надобности оказывать свое содѣйствіе тому, чтобы либералы поскорѣе замѣнили собой черносотенную клику Столыпина и Гурко въ министерскихъ креслахъ“ (стр. 30). Логично такое разсужденіе было бы *только* въ томъ случаѣ, если-бы нашъ авторъ былъ *не врагомъ, а другомъ* кадетовъ, стремящимся во что бы то ни стало *отсрочить* ихъ банкротство. Но людямъ, подобнымъ нашему автору, законъ логики не писанъ. Поэтому г. Петръ Ал., рекомендуя пролетаріату такую тактику по отношенію къ кадетамъ, которая *отсрочила бы ихъ банкротство,* воображаетъ себя крайнимъ радикаломъ въ соціалъ-демократіи и даетъ такой совѣтъ представителямъ нашей партіи въ Думѣ:

„Если Дума опять будетъ состоять въ большинствѣ своемъ изъ либераловъ и они опять выставятъ требованіе назначенія отвѣтственнаго министерства, то противодѣйствовать осуществленію этого требованія соціалъ-демократія, конечно, не будетъ. (Ну, еще бы! Вѣдь за такое *„противодѣйствіе“* можно было бы удостоиться полученія ордена отъ неотвѣтственнаго передъ народомъ правительства! Г. П.),—она постарается только использовать этотъ фактъ въ интересахъ пролетаріата и революціи!“ (стр. 30). *Какъ* „использовать“, объ этомъ, къ сожалѣнію, ничего не говоритъ г.

Петръ Ал.; но зато онъ предлагаетъ „въ противовѣсъ“ (sic!) требованію отвѣтственнаго министерства по прежнему выдвинуть идею образованія революціоннаго исполнительнаго комитета изъ думской лѣвой, связаннаго съ мѣстными революціонными организаціями“ (та же стр.).

Если-бы соціалъ-демократическіе депутаты выставили бы какое-нибудь требованіе *въ противовѣсъ* требованію отвѣтственнаго министерства, то они поступили бы „въ противовѣсъ“ своей прямой *обязанности*, какъ представителей народа. Неотвѣтственное министерство есть насмѣшка надъ народнымъ представительствомъ, и соціалъ-демократическіе депутаты *обязаны* протестовать противъ этой насмѣшки по меньшей мѣрѣ такъ же энергично, какъ и депутаты, принадлежащіе къ буржуазнымъ и мелко-буржуазнымъ партіямъ. Ихъ усилія должны быть направлены не къ тому, чтобы найти какой-нибудь *противовѣсъ* этому требованію, а къ тому, чтобы *поддержать его огромнымъ вѣсомъ представляемаго ими класса.*

Поступать иначе значило бы отклонять отъ себя симпатіи народной массы и направлять эти симпатіи въ сторону буржуазной оппозиціи, т. е. опять-таки оказывать услугу той кадетской партіи, которую г. Петръ Ал. хотѣлъ бы сжить со свѣту. Вотъ что значитъ усердіе не по разуму!

Одно изъ двухъ. Или быстро увеличивающіяся силы революціи *уже* теперь переросли силы правительства, и въ такомъ случаѣ требованіе отвѣтственнаго министерства можетъ и должно послужить сигналомъ для рѣшительнаго боя съ реакціей.

Или же сила революціи *еще не* переросла силы сопротивленія государства, и тогда рѣшительный бой еще *не* умѣстенъ; но и тогда названное требованіе должно быть поддержано, какъ прекрасное воспитательное средство, развивающее политическое сознаніе народа и тѣмъ самымъ подготовляющее его для побѣдоноснаго боя въ будущемъ.

Стало быть, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ соціалъ-демократическіе депутаты *не могутъ не сдѣлать указанное требованіе своимъ* въ интересахъ народа, въ интересахъ революціи.

Но со стороны соціалъ-демократическихъ депутатовъ всякій *самообманъ* по вопросу о нынѣшнемъ соотношеніи общественныхъ силъ былъ бы преступенъ, потому что онъ былъ бы въ то же время

обманомъ пролетаріата, обманомъ всѣхъ тѣхъ элементовъ населенія, которые, какъ это показали послѣдніе выборы,— *все болѣе и болѣе густыми рядами собираются вокругъ пролетарскаго знамени.* Наша революція еще только готовится. Ея силы быстро растутъ: силы реакціи быстро убываютъ. Роковымъ образомъ приближается тотъ моментъ, когда революція станетъ сильнѣе реакціи, когда рѣшительный бой сдѣлается не только возможнымъ, но нравственно обязательнымъ для всѣхъ искреннихъ враговъ стараго порядка. Роковое приближеніе этого, для всѣхъ насъ желаннаго, момента могло бы быть замедлено, *и замедлено на очень долгое время!*—только неразуміемъ тѣхъ революціонеровъ, которые, подобно нашимъ „большевикамъ", хотѣли бы принять бой въ такое время, когда силы революціи еще превышаются силами реакціи, и когда такой бой принесъ бы побѣду правительству.

Если тактика бойкота была выгодна *кадетамъ,* то тактика, рекомендуемая теперь г. Петромъ Ал. нашей фракціи въ Думѣ, была бы выгодна *„истинно-русскимъ людямъ".*

Г. Петръ Ал. и его единомышленники опять, идя въ одну комнату, недалеки отъ того, чтобы попасть въ другую.

Вотъ оно усердіе не по разуму!

Бываютъ такіе историческіе моменты, когда неразумное усердіе хуже равнодушія, хуже измѣны. Не многаго стоитъ революціонеръ, не умѣющій владѣть собою.

Историкъ римскаго государства, завоевавшаго весь цивилизованный міръ, сочувственно описываетъ поступокъ того римскаго полководца, который казнилъ собственнаго сына за то, что тотъ преждевременно вступилъ въ битву съ непріятелемъ. Нетерпѣливый юноша разбилъ атакованный имъ непріятельскій отрядъ; но его неосторожность грозила принести страшное пораженіе всей римской арміи, и его сурово осудилъ посѣдѣвшій въ бояхъ воинъ.

А какъ отнесся бы этотъ воинъ къ нашимъ „большевистскимъ" вождямъ, за которыми числятся пока одни только пораженія, но которые, тѣмъ не менѣе, вопятъ свое неизмѣнное „ну-тка на ура", совершенно не „предвидя" условій, необходимыхъ для побѣды?

Неужели такъ трудно понять, что намъ *невыгодно* вступать теперь же въ рѣшительный бой? Что намъ нужно теперь избѣ-

гать его, предоставляя непріятелю тратить свои послѣднія силы въ напрасныхъ, компрометтирующихъ его попыткахъ измѣнить свое положеніе къ лучшему однимъ рѣшительнымъ усиліемъ? Неужели неправда, что,—какъ я уже писалъ въ своихъ письмахъ *„О тактикѣ и безтактности“*,—намъ нужно продолжать поджаривать нашу матушку бюрократію на медленномъ огнѣ всенародной агитаціи? Что касается реакціонеровъ, то они, повидимому, хорошо понимаютъ, до какой степени это вѣрно, и они были бы какъ нельзя болѣе благодарны нашей думской фракціи, если-бы та,— слѣдуя мудрому совѣту г. Петра Ал.,—дала имъ возможность аттаковать революцію при такихъ условіяхъ, которыя были бы крайне невыгодны для этой послѣдней. Подъ вліяніемъ новыхъ выборовъ г. Меньшиковъ писалъ въ „Новомъ Времени“:

„Прежде я говорилъ, что правительство безспорно сильнѣе смуты, но что если дать послѣдней время разростись, если ждать, когда пропаганда всосется въ армію и въ деревенскія массы, то отношеніе силъ измѣнится. Я предсказывалъ, что такая перемѣна отношеній можетъ произойти черезъ два, три года. *Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ, и дѣло пропаганды существенно подвинулось, какъ доказываютъ выборы.*

„Правительство и сейчасъ еще достаточно сильно, чтобы разгромить всякое возстаніе, но, можетъ быть, оно уже наканунѣ того дня, когда это будетъ трудно. Какъ степной пожаръ,—съ каждымъ пропущеннымъ часомъ задача гасить революцію все труднѣе“.

Какой выводъ слѣдуетъ изъ того, что говоритъ здѣсь г. Меньшиковъ? Самъ онъ умозаключаетъ отсюда, что правительству слѣдуетъ крѣпко подумать, прежде чѣмъ рѣшиться итти на проломъ. Но я не знаю, искренни-ли эти его слова и не сказаны ли они единственно для того, чтобы скрыть ту мысль, что „на проломъ“ необходимо итти именно теперь, а иначе будетъ поздно. Во всякомъ случаѣ, въ нашихъ „сферахъ“ найдется не мало людей, которые сумѣютъ прійти къ этой мысли и безъ помощи г. Меньшикова. Съ нихъ будетъ достаточно того, что онъ правильно указалъ имъ на положеніе дѣлъ.

Силы революціи съ каждымъ днемъ растутъ; силы реакціи съ каждымъ днемъ убываютъ. Въ виду этого итти „на проломъ“ выгодно пока только реакціонерамъ.

Революціонеры же должны сдѣлать все, отъ нихъ зависящее для того, чтобы правительство, рѣшившись итти „на проломъ“, не имѣло даже и внѣшности правоты; чтобы оно не могло сказать странѣ: „Меня вынудила къ этому крайняя лѣвая!“ Нѣтъ, если ужъ пойдетъ оно „на проломъ“, то надо, чтобы всѣ видѣли, что оно поступило такъ единственно потому, что не уважаетъ правъ народа и только въ интересахъ реставраціи. Лишь тогда послѣдствія такой его тактики обрушатся на его собственную голову. Пусть же соціалъ-демократическіе депутаты позаботятся о томъ, чтобы какимъ-нибудь неосторожнымъ шагомъ не нанести ущерба дѣлу революціи!

Caveant...

Письмо седьмое.

Въ иностранной печати ходятъ очень недвусмысленные слухи о томъ, что „сферы“ собираются распустить Думу. Въ то же время судьба, очевидно, не благопріятствуетъ Думѣ: то пожаръ въ ея стѣнахъ начнется, то потолокъ обвалится. Это плохіе знаки. Поэтому естественно возникаетъ вопросъ; а что, если разгонятъ? И этимъ вопросомъ пора заняться, чтобы событія опять не застали врасплохъ тѣхъ, которые гордо называютъ свою дѣятельность сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго историческаго процесса. Сознательность обязываетъ...

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что этимъ вопросомъ уже занимались во время предвыборной агитаціи какъ на собраніяхъ, такъ и въ печати. На это я отвѣчу, что хотя имъ, въ самомъ дѣлѣ, занимались въ то время, но отвѣчали на него неудовлетворительно. На собраніяхъ и въ печати говорили тогда приблизительно то же, что писалъ, и,—вѣроятно,—говорилъ С. Н. Юринъ: „вторую Думу не распустятъ такъ, какъ распустили первую, если она будетъ организованный народъ“. („На очереди“, № 2, фельетонъ). Я спрашиваю, почему же не распустятъ въ этомъ случаѣ? И я не нахожу отвѣта въ фельетонѣ С. Н. Юрина. Словамъ, приведеннымъ мною и напечатаннымъ въ подлинникѣ курсивомъ, предшествуетъ у С. Н. Юрина такое соображеніе:

„Пусть каждый депутатъ народа въ Думѣ чувствуетъ, что за нимъ стоитъ внѣ Думы организованная народная сила, пусть, выходя на думскую трибуну, онъ будетъ излагать не свои догадки и пожеланія, а несомнѣнную волю народа, выраженную въ тысячахъ наказовъ, приговоровъ, резолюцій народныхъ собраній, крестьянскихъ сходовъ. И тогда неисполненіе требованій Думы будетъ отказомъ народу“.

Это соображеніе было бы убѣдительнымъ только въ томъ случаѣ, если-бы мы думали, что наше правительство не захочетъ „отказать народу“. Но имѣемъ-ли мы какое-нибудь основаніе думать это? Ясно, что ровно никакого основанія для этого у насъ нѣтъ и быть не можетъ. Напротивъ, у насъ есть полное основаніе думать, что наше правительство ни мало не постѣснится „отказать народу“ всякій разъ, когда оно будетъ въ состояніи сдѣлать это безъ слишкомъ невыгодныхъ для себя послѣдствій.

Стало быть, въ этомъ все дѣло: *второй Думы не разгонятъ такъ, какъ разогнали первую, если правительство будетъ видѣть, что разгонъ новой Думы повлечетъ за собой невыгодныя для него послѣдствія.*

По всей вѣроятности, Юринъ хотѣлъ сказать именно это. И тогда онъ, конечно, правъ. Но для того, чтобы эта его мысль могла быть признана удовлетворительнымъ отвѣтомъ на вопросъ: а что, если разгонятъ? необходимо сказать ее съ цѣлымъ рядомъ другихъ мыслей.

Мы говоримъ: правительство не разгонитъ Думы, если оно увидитъ, что ему невыгодно сдѣлать это. Но тутъ возникаютъ два новыхъ вопроса: во-первыхъ, что значитъ — *невыгодно?* Во-вторыхъ, а если оно *не увидитъ,* не пойметъ невыгоды того положенія, въ которое его поставитъ новый разгонъ Думы?

Легко замѣтить, что эти два вопроса неразрывно связаны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, если правительство не пойметъ невыгоды того положенія, въ которое его поставитъ новый разгонъ Думы, то оно не постѣснится „отказать народу“, т. е. разогнать его представителей. И эта ошибка должна будетъ повлечь за собою невыгодныя для него послѣдствія. Каковы же они *будутъ?* Каковы они *могутъ быть?*

Это долженъ обдумать всякій тотъ, кого интересуетъ судьба нашего освободительнаго движенія.

Вооруженное возстаніе народа? Тотчасъ послѣ разгона первой Думы одинъ политическій младенецъ,—въ вышецитированной брошюрѣ „Роспускъ Думы и задача пролетаріата“,—совѣтовалъ назначить вооруженное возстаніе въ началѣ іюля или въ концѣ августа. Очень можетъ быть, что онъ опять обнаружитъ такую же рѣшительность и опять назначитъ опредѣленный срокъ для вооруженнаго возстанія. Этому младенцу самый вопросъ о томъ, что дѣлать въ случаѣ новаго

разгона Думы покажется, пожалуй, неумѣстнымъ. Но между людьми, вышедшими изъ дѣтскаго возраста, немного найдется такихъ, которые считали бы возможнымъ въ *„текущій моментъ“* побѣдоносное возстаніе народа. Всякая попытка возстанія окончилась бы неудачей, а всякая такая неудача непремѣнно измѣнила бы къ лучшему то невыгодное положеніе, въ которое поставитъ себя правительство новымъ разгономъ Думы.

Мысль о возстаніи въ *„текущій моментъ“* должна быть рѣшительно отвергнута.

Всеобщая стачка? Я не знаю, пошелъ ли бы пролетаріатъ на всеобщую стачку въ интересующемъ насъ случаѣ. Но если-бы и пошелъ, то необходимо помнить, что всеобщая стачка тоже можетъ окончиться неудачей. Этимъ я хочу сказать, что если и начнется всеобщая стачка, то это еще не значитъ, что она непремѣнно приведетъ къ капитуляціи правительства: можетъ быть,— приведетъ, а можетъ, и нѣтъ.

Что же будетъ, если всеобщая стачка кончится неудачей или если, въ моментъ разгона новой Думы, пролетаріатъ скажетъ себѣ и другимъ: удачная всеобщая стачка теперь невозможна, а неудачная была бы выгодна только правительству; поэтому, нечего и начинать всеобщую стачку?

Очень вѣроятно, что, разогнавъ Думу, правительство измѣнитъ избирательный законъ и такимъ образомъ обезпечитъ себѣ, наконецъ, побѣду на новыхъ выборахъ.

Чѣмъ отвѣтимъ мы на его coup d'état? Террористы скажутъ: терроромъ. Но мы не террористы.

Еще разъ: что же дѣлать? Если *ничего*, то гдѣ же будутъ тѣ вредныя для правительства послѣдствія, которыя поведетъ за собою новый разгонъ Думы? Неужели правительству достаточно рѣшиться на coup d'état, чтобы остановить потокъ освободительнаго движенія?

О, нѣтъ, ce serait trop beau (это было бы слишкомъ хорошо), какъ говорятъ французы.

Потоку освободительнаго движенія можно ставить весьма различныя преграды, но остановить его нельзя по той простой причинѣ, что его существованіе обусловливается наличностью многихъ самыхъ насущныхъ общественныхъ нуждъ. Пока эти нужды существуютъ, не прекратится и потокъ освободительнаго движенія, а эти

нужды перестанутъ существовать только тогда, когда исчезнетъ то, что пытаются отстоять реакціонеры, замышляющіе coup d'état.

Стало быть, намъ нечего отчаиваться даже въ томъ случаѣ, если мы не въ состояніи будемъ отвѣтить на coup d'état какимъ-нибудь удачнымъ „активнымъ выступленіемъ". Жизнь возьметъ свое.

Какимъ образомъ? Къ этому сводится для насъ теперь весь вопросъ. Уяснивъ себѣ тотъ процессъ, который приведетъ къ удовлетворенію настоятельныхъ требованій жизни, мы тѣмъ самымъ уяснимъ себѣ, что намъ останется дѣлать, если въ моментъ разгона Думы народъ окажется недостаточно сильнымъ для того, чтобы воспротивиться coup d'état.

Какимъ же образомъ добьется жизнь удовлетворенія своихъ насущныхъ требованій?

Очевидно, что она можетъ добиться этого лишь посредствомъ увеличенія *силъ народа.*

А въ чемъ состоятъ силы народа? Въ его *сознательности и организованности.*

Значитъ, тутъ и надо искать отвѣта на всѣ вообще происки реакціонеровъ и въ частности на coup d'état.

Если и въ моментъ coup d'état окажутся невозможными серьезныя „активныя выступленія", то у насъ все-таки останется то, что важнѣе всего: возможность способствовать скорѣйшему наступленію того времени, когда разогнанными окажутся тѣ, которые теперь разгоняютъ.

И чѣмъ лучше мы воспользуемся этою возможностью, тѣмъ убійственнѣе будетъ нашъ отвѣтъ на coup d'état.

Само собою разумѣется, что было бы очень хорошо, если бы за Думой стояла организованная сила народа. Но, во-первыхъ, такой силы *еще нѣтъ* на лицо, а во-вторыхъ, *она явится только тогда*, когда народъ сумѣетъ взглянуть на Думу съ правильной точки зрѣнія. Пока у него нѣтъ такого умѣнья, напрасно и ждать отъ него поддержки Думы.

Дѣло вотъ въ чемъ. Исторія пріучила нашу народную массу къ политической *пассивности*. Наша народная масса привыкла ждать помощи сверху: то отъ небеснаго царя, то отъ сферъ, правящихъ на землѣ. И эта привычка отразилась даже на отношеніи массы къ нѣкоторымъ новымъ явленіямъ нашей общественной жизни, казалось бы, прежде всего требующимъ *самостоятель-*

ности отъ тѣхъ, кто имъ сочувствуетъ. Во время знаменитой ростовской (на Дону) стачки 1902 г. въ мѣстный сод.-демокр. комитетъ,—сразу сдѣлавшійся извѣстнымъ,—стали поступать *прошенія*, какъ-будто онъ представлялъ какое-то новое *„присутствіе“*, отличающееся отъ старыхъ тѣмъ, что въ немъ засѣдаетъ *доброе* начальство. Подобныя же прошенія поступали и въ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Наконецъ, характеръ такихъ же прошеній, адресуемыхъ къ новому, доброму начальству, имѣли и очень многія изъ тѣхъ заявленій, съ которыми обращалась къ первой Думѣ народная масса. Народъ привѣтствовалъ Думу, надѣясь, что она *явится для него источникомъ силы* въ борьбѣ съ его вѣковыми невзгодами. Онъ въ числѣ своихъ, пока еще чрезвычайно многочисленныхъ, безсознательныхъ слоевъ не понималъ того, что *онъ самъ долженъ послужить источникомъ силы для Думы*. Поэтому онъ не шелохнулся, когда Дума была разогнана. Кадеты указывали на это обстоятельство, какъ на лишній поводъ въ пользу ихъ тактики. „Гдѣ былъ нашъ народъ во время разгона первой Думы“, восклицали они на недавнихъ предвыборныхъ собраніяхъ, обращаясь къ нашимъ ораторамъ, съ паѳосомъ, достойнымъ лучшаго дѣла. На самомъ дѣлѣ, это обстоятельство, разумѣется, ровно ничего не говоритъ въ пользу кадетовъ. Народъ не вступился за Думу потому, что не понималъ, какого рода должно быть его отношеніе къ ней. Отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что ему необходимо выяснить это, а вовсе не тотъ, что въ основу выясненія должна быть положена кадетская боязнь народовластія. Читатели еще не забыли, какъ рѣшительно высказалась „партія народной свободы“ противъ полновластнаго народнаго представительства, которымъ только и можетъ быть обезпечена народная свобода. Главная отличительная черта кадетской партіи состоитъ вовсе не въ томъ, что она считаетъ революцію невозможной *въ настоящую минуту*,—въ настоящую минуту революція въ самомъ дѣлѣ невозможна,—а въ томъ, что она вообще стремится избѣжать революціи, почему и отрицаетъ революціонную идею полновластнаго народнаго представительства. Поэтому единственнымъ,—и единственно дѣйствительнымъ,—способомъ борьбы съ *„кадетской“* опасностью является тотъ, который былъ бы въ то же время и самымъ естественнымъ и дѣйствительнымъ способомъ борьбы съ опасностью, грозящей со стороны нашей *черносотен-*

ной бюрократіи: систематическое, непрерывное и неустанное распространеніе въ массѣ идеи полновластнаго народнаго представительства. И тутъ намъ было бы очень легко разоблачить кадетскую софистику.

Вотъ, напримѣръ, въ № 18 „Рѣчи" г. А. Изгоевъ говоритъ: „Надо открыто признать, что судьба Думы въ настоящее время въ рукахъ министерства и отъ его воли зависитъ ея существованіе. Черезъ три-четыре мѣсяца, когда своей законодательной работой Дума пріобрѣла бы авторитетъ въ странѣ, положеніе могло бы стать инымъ. Но будутъ-ли въ ея распоряженіи эти три-четыре мѣсяца? Заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Выходъ не въ улицѣ „организованной" или „неорганизованной",—выходъ былъ бы въ томъ случаѣ, если-бы у власти стояли люди, проникнутые дѣйствительнымъ патріотизмомъ, обладающіе государственнымъ разумомъ, способные заглянуть на нѣсколько лѣтъ впередъ". Это значитъ, что положеніе наше перестало бы быть безвыходнымъ только въ томъ случаѣ, если-бы „у власти стояли люди", готовые изъ патріотизма передать власть въ руки кадетовъ. Указать *такой* выходъ—значитъ не указать *ровно никакого.* И это чувствуетъ самъ г. Изгоевъ, онъ продолжаетъ: „Еще разъ можно закрыть ворота Таврическаго дворца, разставить стражу и приклеить къ стѣнамъ бѣлое объявленіе. Но что будетъ дальше? На сколько времени хватитъ этихъ методовъ управленія? Англичане и американцы не будутъ держать пари и на пять лѣтъ"... Но почему же не будутъ? Ужъ не потому-ли, что черезъ пять лѣтъ у власти окажутся люди, готовые отъ нея отречься ради прекрасныхъ глазъ кадетской партіи? Какъ бы не такъ *)! Тутъ произойдетъ нѣчто *другое,* и вотъ въ сторону этого-то *другого* и должны быть направлены усилія тѣхъ, которые хотятъ и *умѣютъ* разоблачать кадетскую половинчатость. А направить свои усилія въ сторону этого *другого*—значитъ прежде всего выяснить народу, во-первыхъ, чѣмъ *является* его нынѣшнее представительство, и во-вторыхъ, *чѣмъ оно должно быть.* Выяснить же это можно не „митинговымъ способомъ", не „сногсшибательными" ре-

*) Нѣсколько дальше самъ г. Изгоевъ говоритъ: „Требовать патріотизма у бюрократіи едва-ли остроумно", Что вѣрно, то вѣрно! Но этими словами г. Изгоевъ осуждаетъ основную тактическую идею своей партіи. Странно, что онъ этого совсѣмъ не замѣтилъ.

золюціями въ Думѣ или на собраніяхъ, а систематической работой надъ пробужденіемъ народнаго сознанія,—работой, которая чрезвычайно облегчалась-бы всѣмъ тѣмъ, что происходитъ или произойдетъ *въ Думѣ или съ Думой.*

Когда принесетъ желанные плоды эта работа? Не знаю.

Но я знаю, что она безусловно необходима для того, чтобы у насъ было *настоящее* народное представительство.

И начать ее надо, какъ можно скорѣе. Время не терпитъ. И когда она будетъ начата въ значительныхъ размѣрахъ, насъ не застанетъ врасплохъ никакой сюрпризъ справа, никакое coup d'état.

На coup d'état мы, можетъ быть, отвѣтимъ, а можетъ быть, и не отвѣтимъ „активнымъ выступленіемъ". Это частность, зависящая отъ обстоятельствъ, при которыхъ произойдетъ coup d'état. Важно то, что, какое бы ни приняли мы рѣшеніе, мы, принимая его, будемъ сообразоваться съ ходомъ указанной и во всякомъ случаѣ безусловно необходимой работы. Активныя выступленія будутъ желательны лишь въ той мѣрѣ, въ какой они будутъ способствовать ея успѣху, потому что именно въ ней долженъ состоять нашъ главный и безусловно необходимый отвѣтъ на coup d'état.

Невыгодныя для правительства послѣдствія coup d'état будутъ заключаться главнымъ образомъ въ томъ, что новый разгонъ Думы послужитъ яркимъ доказательствомъ справедливости того, что мы будемъ говорить народу о нынѣшнемъ жалкомъ состояніи его представительства. А чѣмъ скорѣе народъ убѣдится въ справедливости этого, тѣмъ ближе будетъ торжество нашей идеи.

Звать народъ въ бой въ такое время, когда онъ не готовъ къ бою, могутъ только глупцы или провокаторы.

Принципіально отвергать всякую мысль, что все „образуется" безъ боя, могутъ только филистеры или тѣ, *которые имѣютъ основаніе бояться народной побѣды.*

Революціонеры должны систематически подготовлять народъ къ побѣдоносному бою.

А чтобы приготовляться къ бою, народъ—повторяю—долженъ знать: 1) что такое его нынѣшнее представительство; 2) чѣмъ оно должно быть.

„Aussprechen was ist", *высказать народу, что есть,— освѣтить передъ нимъ яркимъ свѣтомъ идею народовла-*

стія,—вотъ въ чемъ заключается теперь первая и главная обязанность революціонеровъ.

Но высказать это надо такъ, чтобы народъ услышалъ и понялъ революціонеровъ. А для этого необходимо избѣгать революціонной фразы и псевдо-революціонной торопливости. Самыя простыя и ясныя тактическія соображенія говорятъ за то, что за высказываніе того, что есть, должны взяться *не члены Думы*,*) а тѣ сознательные элементы народа, которые должны будить безсознательныхъ, разъясняя имъ смыслъ того, что совершается въ Думѣ, и приглашая прозрѣвшихъ открывать глаза тѣмъ, которые еще не видятъ, но которые могутъ увидѣть и должны увидѣть, если только суждено освободиться россійскому народу.

Для дѣятельности соціалъ-демократической партіи открывается здѣсь обширнѣйшее поле. Но чтобы съ успѣхомъ воздѣлать его, нужно понять историческое значеніе *массъ* и отказаться отъ заговорщицкихъ иллюзій.

P. S. У насъ мыслятъ схемами и потому любятъ „конкретныя указанія“. Даю таковое. У насъ толкуютъ теперь объ изданіи политической газеты для крестьянства. Было бы очень желательно, чтобы эта газета постаралась простымъ языкомъ *высказать* простому читателю *то, что есть*; чтобы она объяснила ему:

1) Что такое Дума.

2) Чѣмъ она должна быть.

3) Что препятствуетъ ей стать.

4) Какъ устранить то, что мѣшаетъ стать тѣмъ, чѣмъ она должна быть.

Такая газета явилась бы могучимъ орудіемъ въ борьбѣ со всякими „опасностями“. Но понятно, что это только одно изъ орудій; одновременно съ нимъ должны употребляться и многія другія. Тутъ пригодились бы и митинги, поскольку удавалось бы ихъ устраивать. Правда, имѣя въ виду указанную мною задачу, пришлось бы говорить на митингахъ не такъ, какъ большей частью говорятъ на нихъ теперь; но это частность, на которой я остановлюсь въ другой статьѣ.

---

*) Для людей, не совсѣмъ лишенныхъ такта, это само собою разумѣется, и я не вижу надобности распространяться объ этомъ послѣ того, что сказано было мною въ концѣ шестого письма: „По поводу новой Думы“.